

Я был многим,
прежде, чем стал собой:
Я был узким волшебным лесом,
— я верю, так было;
Я был в воздухе каплей дождя,
был иглами звезды;
Я был словом ответа,
я был книгой начал;
Я был тропой, я был орлом,
я был челном в океане;
Я был сталью в руке,
был щитом в бою...

Так; я не был тем, кто молчал,
— я пел с тех пор, как был мал...

(Кад Тоддо, VI в. от Р.Х.)

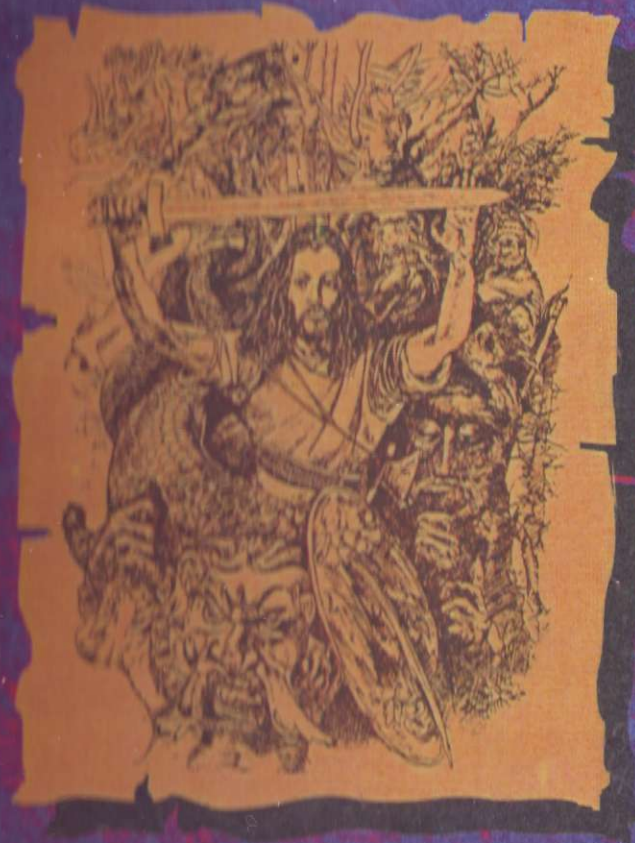
СЕРИЯ

ЗОЛОТАЯ
ВЕТЬ

СКАЗАНЦЯ КРАСНОГО ДРАКОНА

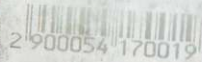
СКАЗАНЦЯ КРАСНОГО ДРАКОНА

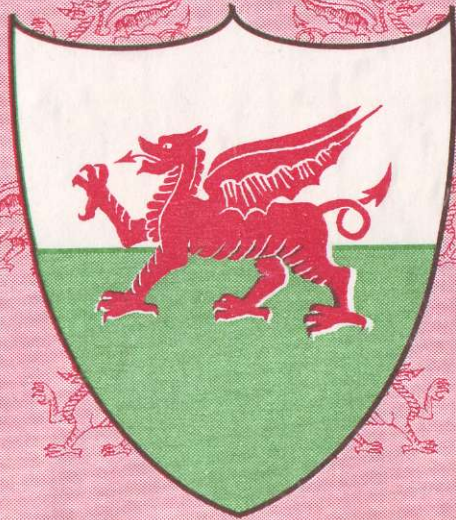
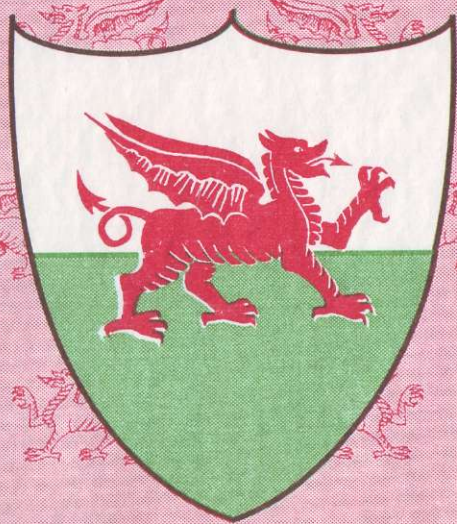
ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ КЕЛЬТОВ

Сказание Красного Дракона
иллюстрация к сказке и преданию

64,00 руб.

2 900054 170019

ЗОЛОТАЯ ВЕТВЬ

Коллекция
преданий и сказок народов Европы

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ
И
ПРЕДАНИЯ КЕЛТОВ

СКАЗАНИЯ КРАСНОГО ДРАКОНА

МОСКВА, МЕНЕДЖЕР, 1996

ББК 84

Сказания Красного Дракона. Волшебные сказки и предания кельтов. Серия "Золотая ветвь" (Коллекция преданий и сказок народов Европы). Под общей ред. Л. Платова. — М.: Менеджер, 1996. — 416 стр., илл.

"Сказания Красного дракона" — сборник преданий и волшебных сказок кельтов Уэльса и Корнуолла. Читая эту книгу Вы сможете познакомиться с древними британскими сказаниями *Белой Книги Риддерха* и *Красной Книги Хергеста* (XIV век), известными под общим названием "Мабиногюн", с валлийскими преданиями о короле Артуре и его рыцарях, положившим начало развитию всей европейской артурианы, со знаменитой кельтской поэмой "Битва Деревьев" и т. д.

Надеемся, что эта книга, открывающая коллекцию преданий и сказок народов Европы, заинтересует очень многих читателей.

Волшебный мир сказаний и мифов никого не оставит равнодушным!

- © А. Платов, 1996.
- © О. Бедарева, И. Колотункина,
А. Кухтин, Е. Максименко,
отдельные тексты, 1996.
- © А. Байбакова, илл., 1996.
- © В. Арбеков, обложка, 1996.
- © Издательство «Менеджер», 1996.

ISBN 5-87457-036-5

СОДЕРЖАНИЕ

УЭЛЬС

КОРОЛИ КОРОЛЕЙ

Плавание Брита 12

Легенда об Аврен 17

Ллидд Серебрянорукий 19

ЧЕТЫРЕ ВЕТВИ МАБИНОГН

Пуйл, князь Дивода 26

Браивен, дочь Ллира 51

Манавидан, сын Ллира 70

Мат, сын Матонви 87

КРУГ АРТУРА

Сон Максена Вледига 116

Мерлин, пророк Гвортигирна 128

Артур становится королем 134

Килух и Олвэн 139

Страна Фонтана 162

Мерлин и Артур — история
продолжается 186

КРУГ ТАЛЕСИНА

Гвион Бах, или Сказка о Керидвене
и волшебных каплях 192

Гибель равнин Гваэлюда 198

Талесин, Князь Бардов 206

Кад Годдо (Битва Деревьев) 216

ТАНЦЫ ДИВНОГО НАРОДА

Коллен и маленький народец 222

Тафи-ан-Шон и Волшебный Круг 227

Мальчик, который ушел от эльфов 235

Легенда Пантанаса 241

Гриф и эльфы 248

БЫЛЬ И НЕБЫЛЬ УЭЛСА

Сон Ронабви 258

Затонувший город озера Бала 270

Дева озера Ллин-ы-Ван-Вах 282

Морвен из Лесных Земель 294

Предания о старине мест 300

КОРЧУОЛЛ

МОРЕ, РЕКА И ЗАЧАРОВАННЫЙ САД

Лити и русалка 308

Джан Ку! 320

Черри из Зеннона 326

СТРАНА ВЕЛИКАНОВ

Скилливиден 338

О том, как молодой великан Том бился
со старым Блондербоссом, и как он
получил в наследство его замок 342

Великан Том, его жена Джэн
и Джэк котельник 352

О том, как Том и Джэк нашли
олово, и о кладе,
замурованном в стенах замка 361

Авторы переложений и переводов 366

ПРИЛОЖЕНИЯ

О звучании британских имен и названий 369

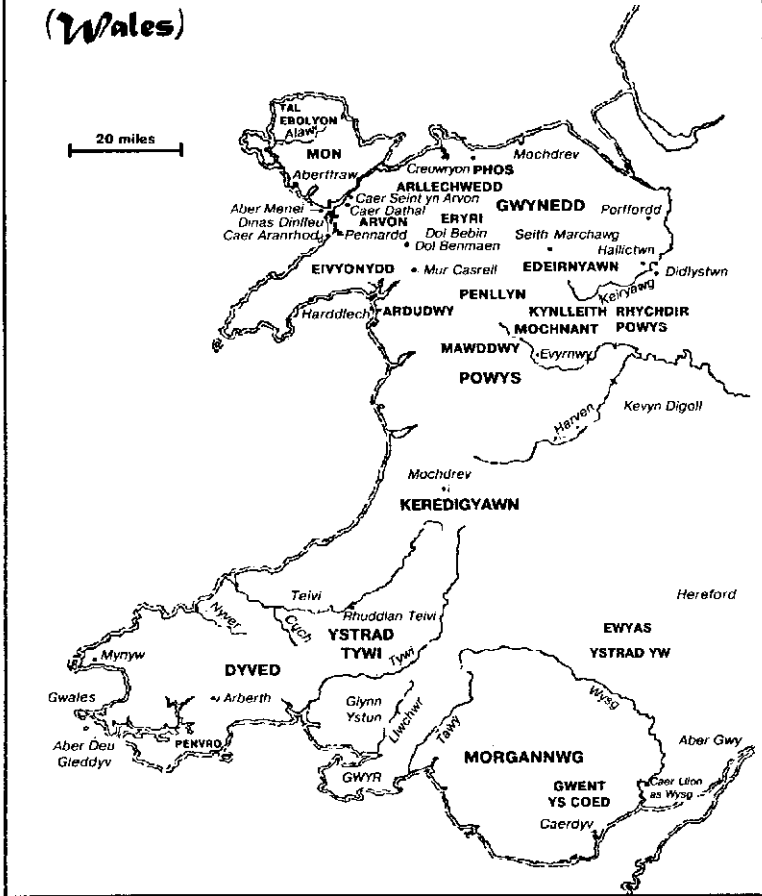
Литература 369

Примечания 370

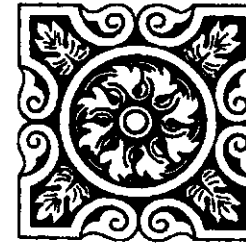
А. Платов. Кельты и их сказания 391

**Cymry
(Wales)**

20 miles

УѢЛЪС

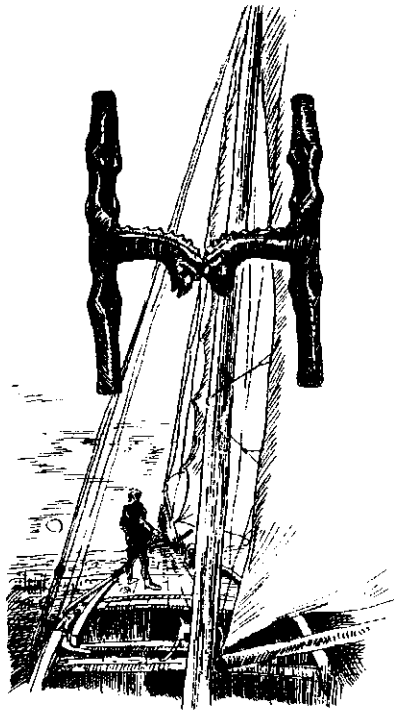

КОРОЛИ КОРОЛЕЙ

Плавание Брита

скогда, во времена столь давние, что ныне мало кто может исчислить прошедшие с тех пор годы, жил славный юноша по имени Брит,* добрый воин и хороший вождь своих людей. И случилось так, что был он изгнан из родной земли; и воины его с женами и детьми своими последовали за ним.

Долго странствовали они по свету, охотой и в битвах добывая себе пропитание. И вот однажды, когда шли они по морю на нескольких кораблях, подул сильный и ровный ветер. Два дня и одну

ночь не менял он своего направления, и к исходу этого срока вынес корабли к пустынным берегам некоего острова.

И когда бросили они якоря, отправил Брит триста воинов на разведку вглубь той земли. И воины сошли на берег и отправились в путешествие по острову. Ни одного жителя ни встретили они там, но изобиловал остров дикими зверями, и в лесах и на горных склонах охотились на них разведчики Брита.

Спустя несколько дней набрели они на безлюдный город, и там, среди замшелых каменных развалин, нашли они древний храм Луны, или Дианы на языке римлян. Неся на себе добытую дичь, вернулись они к кораблям и рассказали товарищам об увиденном. И когда поведали они о найденном ими храме, принялись все уговаривать Брита отправиться в тот храм и попросить великую богиню, уготовано ли им на земле место, где найдут они новую отчизну.

И вот сошел Брит на берег, взяв с собою прорицателя Герриона и двенадцать старейшин, и отправился к храму. Там обернули они вокруг головы жреческие повязки, сложили по старинному обычаю перед входом в святилище три очага, предназначенные для трех божеств, — для Юпитера, Меркурия и Дианы — и каждое из них почтили подобающей ему жертвой. Стоя у жертвенника богини и держа в правой руке священную чашу, полную вина и крови белой оленухи, сам Брит, подняв лицо к изваянию божества, нарушил молчание такими словами:

Добрей богиня лесных, вепрей дубравных погибель,
 Коей открыты пути в темных просторах небес,
 В безднах подземных миров! Открой нам судьбы
 изволение:

В землях каких обитать ты нам пынче велиншь?
 Место такое назначь, где вечно я чтить тебя буду,
 Дев хороводы ходить будут вокруг храмов твоих.

Повторив это девять раз, четырежды обошел он вокруг алтаря. После того вылил он из чаши вино с кровью в огонь и возлег на шкуре жертвенной оленухи, разостлав ее у подножия алтаря. И тогда необоримая дремота сковала его мысли и члены, и Брит уснул. И в третьем ночном часу привиделся ему сон, будто стоит перед ним сама великая богиня. И сказала ему Диана:

Там, где солнца закат, о Брит, за землями галлов,*
 Среди океана Остров лежит, окруженный водой.
 Роды огромных людей древле на нем обитали;
 Ныне он пуст, и ждет, чтоб его заселили
 Люди твои. В путь! — незыблемой станет твердыня,
 И короли королей народятся из чресел твоих.

Пробудившись ото сна, поведал Брит товарищам своим о том, что видел. И было среди них великое ликование, и каждый хотел немедленно тронуться в путь к обещанной богиней земле. Погрузив на корабль добытую дичь, вышли они в море, и ветер был им попутен. Спустя некое время прибыли они к берегам Галлии, и встретили там небольшое родственное племя, говорившее на том же языке. Воздем их был человек по имени Кориней, и Брит предложил ему и его людям

присоединиться к их кораблям, следовавшим к обетованному острову. Вместе отправились они дальше, и вскоре подошли к берегам Альбиона, Медового Острова.* И дивные его земли, обильные реки, богатые рыбой, нетронутые его леса очаровали их; и вознеся благодарение Диане, стали они заселять Остров.

Тогда не жил там никто, кроме немногих великанов, с которыми войны Брита и Кориней вступили в бой и прогоняли их в горы; более всего было великанов на длинном полуострове, тянувшемся на юго-западе той земли. Этот полуостров отдал Брит Коринею, и по имени его стал он называться Кориней, а позднее — Корнубия; ныне же его именуют Корнуолл.

А весь Остров назвали они Британией по имени своего предводителя; и все, кто вместе с Бритом прибыл в ту благословенную землю, стали с тех пор называть себя бриттами.

А после того загорелся Брит неудержимым желанием выстроить на Острове большой и прекрасный город. Много психодил он земель в поисках подходящего места, пока не вышел на берег реки, что ныне зовется Темзой. И там увидел он большой холм, и заложил на нем крепость, и нарек ее Триновант.

Века спустя король королей Британии Ллидд, брат Касваллауна, окружил этот город новыми мощными стенами с башнями искуснейшей постройки, и повелел, чтобы назывался он Каэр Ллидд, то есть Город Ллидда. А еще века спустя от правления Ллидда стал именоваться этот го-

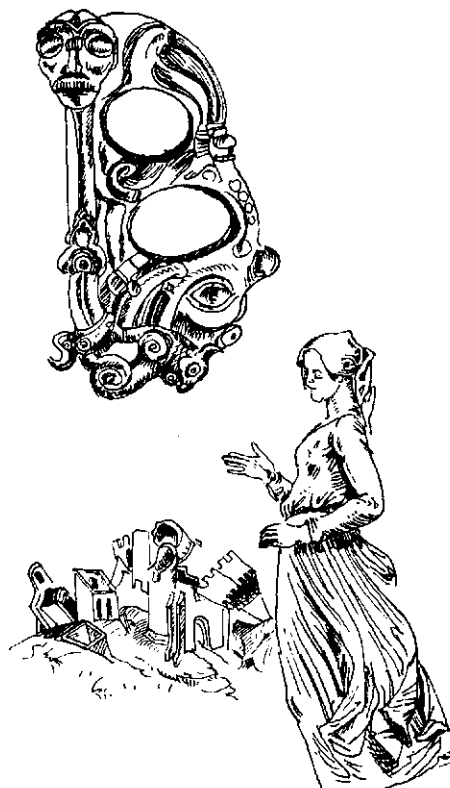
род Лондунум, что значит Твердыня-на-Холме. Римляне переделали это имя в Лондиший, а пришедшие после римлян саксы — в Лондон, как и зовется он до сих пор.

* * *

Трех сыновей родила Бриту его супруга, и имена их прославлены по всей Британии: Локрин, Альбанакт и Камбр. После того, как отец их на двадцать четвертом году по прибытии на Остров переселился из этого мира в иной, они погребли его в городе Тринованте и, разделив его королевство меж собою, удалились каждый к себе. И Локрин, старший из них, владел серединою Острова, и была эта страна названа по его имени Логрией,* Камбр владел областью, что лежит за Северном и зовется ныне Валлией, или Уэльсом,* Альбанакт же получил под свою руку страну, где живут ныне скотты, и по имени своему назвал ее Альбанией.*

Легенда об Аверн

давние времена Северн, крупнейшая река Уэльса, звалась иначе. Хаврен, или Аврен, было ее имя. Вот что рассказывают об этом валлийские предания.

Давным-давно владел землями в Логрии король Локрин. И вот однажды случилось ему увидеть Астрильд, дочь одного из германских королей, попавшую на Остров в свите короля гуннов Хомбера, когда тот сеял разор и гибель на севере, во владениях Альбанакта, брата Локри-

на. Невиданной красотой обладала Астрильд, и король Локрин не устоял против ее красоты, и увидев, сразу полюбил ее. И решил Локрин взять принцессу в жены, и все было бы хорошо, да только к тому времени король был уже помолвлен с другою — с Гвендолен, дочерью Корнсея, герцога Корнуолла. Герцог, про то прослышав, разгневался и сказал, что такого оскорбления не потерпит. И вот король Локрин — делать нечего — женился на Гвендолен, но посетил Астрильд в прекрасных чертогах в подземелье под городом Тришвантом, и тайно встречался с нею, ибо сильна была их любовь. И родилась у них дочка, и назвали ее Аверн.

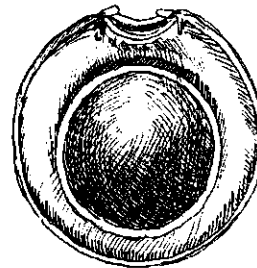
Шло время, и однажды умер старший герцог. И тогда король Локрин удалил от себя Гвендолен, и короновал Астрильд, и усадил ее на трон рядом с собою.

А негодующая Гвендолен уехала на родину, в Корнуолл, и сердце ее было полно обидой и жаждой отмщения. Там, в Корнуолле, собрала она вассалов своего отца и повела их в Уэльс против Локрина. И столь неожиданным было нападение, что не успел король собрать силы для защиты своей земли.

И был Локрин побежден и погиб в сражении у стен своего замка на Северне. Гвендолен же, войдя в замок во главе вассалов и их войска, приказала сбросить Астрильд и принцессу Аверн в воды Северна.

С тех пор и назвали люди эту реку по имени погибшей в ней принцессы.

Ллидд Серебрянорукий

т потомков Брита произошел великий род верховных королей Британии, как и предвещала то Диана во храме на пустынном острове. Много славных имен верховных правителей Острова Могущества* помнят люди, и одно из ярчайших — Белл, сын Маногана. Сорок лет правил он Британией, и века спустя так поет о нем Талесин Князь Бардов:

Многократно я славлю тебя,
Победитель Белл,
Сын Маногана Короля.
Постой же ты за славу
Медового Острова Белл.

Четыре сына было у него: Ллидд (или Ллир,

как иногда говорят), Касваллаун, Ниший и Ллевеллис. И когда умер король королей Бели, старший его сын Ллид Серебрянорукний, стал верховным королем Острова Британии.

* * *

Более других братьев любил Ллид Ллевеллиса, самого младшего, славившегося большой мудростью. И вот однажды прослышал Ллевеллис о том, что умер недавно король Франции,* и не оставил после себя наследников, кроме единственной дочери. Тогда пришел он к старшему брату, и сказал ему, что хочет жениться на ней. Без промедления снарядили они множество кораблей, и, едва поднялось на их борт войско Острова Британии, вышли они в море и направились к галльским берегам. И прибыв во Францию, послал Ллевеллис гонцов к тамошней знати, чтобы испросить у них руки дочери покойного короля. И ко всеобщему удовольствию князя и лорды той земли решили отдать Ллевеллису королевскую дочь, а вместе с ней — и королевство. Так Ллевеллис стал королем Франции и мудро правил до конца дней своих.

А тем временем пали на Остров Британию Три Погибели. И первой Погибелью было нашествие людей, называвших себя Кораниады; и столь велики были познания их и магическое искусство, что никто не мог противостоять им; они же могли делать все, что им хотелось.

Второй Погибелью был страшный крик, который раздавался каждый канун Майского Дня над каждым очагом на Острове Британии; и проникал этот крик в сердца каждого живого существа и наполнял души таким ужасом, что мужчины

лишались их силы, беременные женщины рождались до времени, а дети умирали.

И третья Погибель заключалась в том, что какие бы запасы еды, и питья и прочего не свозились бы в королевский замок — все бесследно исчезало на следующее утро, — даже если привезенная провизия была собрана на год вперед.

И Ллид, сын Бели, король королей Британии, был в ужасе от поразивших страну несчастий, и не ведал, как ему бороться против Трех Погибелей. Тогда созвал он на совет князей и благородных воинов Острова, и вместе постановили они искать совета у мудрого Ллевеллиса, короля Франции. Не медля, снарядили они корабли, и лучшие воины во главе с самим Ллидом взойли на них и отправились за море, к галльским берегам.

И вот сошел Ллид на берег, и Ллевеллис, брат его, вышел ему навстречу. И когда поведал Ллид о навших на Остров Британию Погибелях, так отвечал ему Ллевеллис.

— Брат, — сказал он, — я знаю, что означают навшие на вас беды; и я научу тебя, как победить их. Я дам тебе маленьких зверьков, и вернувшись на Остров,пустишь ты их в воду, чтобы они жили и плодились там. И вскоре эта вода обретет волшебные свойства, так что станет она ядом для людей народа Кораниад, но останется безвредной для простых людей. И вам достаточно будет ходить по Острову и брызгать этой водой на каждого встречного, и так избавитесь вы от нашествия магов.

— Что же до второй Погибели, — продолжал Ллевеллис, — то я скажу тебе, что виноваты в ней два дракона, что дерутся над Островом Британией. Каждый из них хочет повергнуть другого, и

когда один из них получает жестокий удар, издаст он тот ужасный крик, что лишает ваших мужчин силы, а детей — жизни. Но вот что должен ты сделать. Вернувшись домой, прикажи измерить твое королевство вдоль и поперек, и, найдя его середину, вырой там большую яму. В эту яму опусти котел со хмельным медом, накрой его золототканым покрывалом и жди, что будет. А будет вот что: прилетят два дракона и будут драться над ямой; когда же они устанут, примут они облик двух маленьких поросят, опустятся на дно ямы и станут пить мед. И напившись дошьяна, они заснут. И тогда должен ты завернуть их покрывалом и схоронить в земле, в тайном месте, и пока останутся они там, ни один из них не сможет пробудиться ото сна.

— Причиной же третьей Погибели, — продолжал он, — является великий маг, появившийся на твоём Острове. Это он унесит запасы еды и питья из королевского замка, силой своей магии напустив предварительно кренчайниий сон на всех его обитателей. С этой Погибелью прочие другие будет справиться для тебя. Встань сам на стражу своих кладовых и поставь рядом с собою чан с ледяной водой. И когда великий маг наведет на тебя сонные чары, упадешь ты в этот чан и проснешься.

И тогда распрощался Ллидд с мудрым своим братом, и вернулся на Остров Британию. Там применил он полученные советы, и все случилось так, как предсказывал Ллевеллинс. Водюю, где жили маленькие зверьки Ллевеллинса, истребил Ллидд магов народа Кораннад. В Оксфорде нашёл он среднюю точку своего королевства* и там вырыл он яму для двух драконов, которых захо-

рошил потом в месте, что зовется с тех пор Динас Эмрис. Встав на стражу своих кладовых и поставив рядом чан с водой, встретил он мага, что обкрадывал его замок, и победил его, и заставил вернуть все то, что тот унес раньше.

И так король Ллидд победил Три Погибели, навигие на Медовый Остров во времена его правления.

* * *

Долго и справедливо правил Ллидд, сын Бели, король королей Острова Британии. С женою своею имел он несколько детей, но о судьбе их разные книги повествуют по-разному.

Рассказывают, что не было у него сыновей, а только три дочери, именами Гонорилья, Регау и Кордейла. И будто бы выдал Ллидд своих дочерей за правителей Альбы, Корнубин и Франци, и еще при жизни своей передал зятям верховную власть над Островом. Те же, получив богатство и силу, прогнали старого короля прочь, так что должен он был покинуть Остров.

Но это лишь сказка, сочиненная многие века спустя после правления короля Ллидда. На самом же деле было у него два сына: Бран, прозванный Благословенным, и Машавидан, а также дочь по имени Бранвен. И после смерти Ллидда верховными королями Британии стали брат его Касваллаун и старший сын Бран; или, быть может, только Касваллаун стал королем королей Британии, а Бран Благословенный унаследовал лишь Уэльс.

И о дальнейшей судьбе потомков короля Ллидда, или Ллшра, как иногда говорят, повествуют

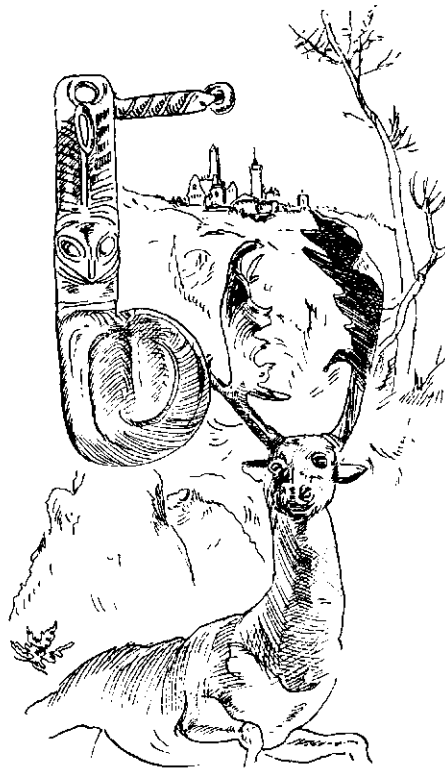
ЧЕТЫРЕ ВЕТВИ МАГИИ.

ЧЕТЫРЕ ВЕТВИ МАГИЧОГИ

Пуйлл, Князь Диведа

было это в далекие времена, когда Пуйлл, владелец семи княжеств Диведа, держал свой двор в замке Арберт.*

Однажды вечером пришло ему в голову и сердце желание отправиться немедля на охоту. Поднял он своих гончих и направился в Глин Ких,* земли, предназначенные для королевской охоты. До наступления темноты добрался он до Пен Ллин Дьярвна, где и провел ту ночь; утром следующего дня под-

нялся он и пришел в Глин Ких, и пустил гончих в лес. Когда же протрубил он в рог свой и начал собирать охоту, услышал он лай чужих псов, — некая чужая свора приближалась к его собакам.

И вот подошел он к опушке леса, и меж стволами деревьев увидел, как вылетел из леса прекрасный белый олень, а за ним — чужая свора. Собаки нагнали оленя и прижали его к земле, и тогда поразился Пуйлл их окрасу. Сверкающе-белой была их шкура, и горели алым огнем уши.* Подошел Пуйлл к собакам, и отогнал к лесу свору, которая убила оленя, а свою — натравил на него.

И тогда увидел он выехавшего из леса всадника на высоком пятнисто-сером коне, в темных одеждах и с охотничьим рогом на шее. Всадник остановился рядом с Пуйллом и заговорил с ним.

Вождь, — сказал всадник, — я знаю, кто ты, но не жди от меня приветствий.

— Почему же? — спросил его Пуйлл. — Или достоинство твоё столь велико, что не позволяет тебе приветствовать встречного короля?

— Нет, — ответил ему всадник, — не в достоинстве моем дело, но в твоём собственном невежестве и бесчестности.

— В чем же усмотрел ты мою бесчестность?

— Воистину, вождь, бесчестный поступок совершил ты, отогнав моих собак от убитого ими оленя и натравив на него свою свору. Но я не буду мстить тебе, а предаю имя твоё великому позору.

Что же, — сказал Пуйлл, подумав, — если и правда совершил я несправедливость, то готов я искупить ее, чтобы заработать твою дружбу.

— И как же ты думаешь заработать ее?

— Вождь, я полагаю, это будет зависеть от того, кто ты. Ведь я не знаю этого.

— Я коронованный король той земли, откуда пришел, — отвечал всадник.

— Рад встретить короля на своей земле, — сказал Пуйлл, — и откуда же ты пришел?

— Из Аннуна,* — был ответ, — имя мое — король Аравн.

— Хорошо, — сказал Пуйлл, не показывая ни страха, ни удивления, — и как я смогу заслужить твое расположение?

— Есть в наших землях человек, который давно враждует со мной, — сказал повелитель Аннуна.

— Это король Хавган. И если бы ты помог мне освободиться от его нападок, что не составит для тебя труда, то этим завоевал бы мою дружбу.

— Хорошо, — повторил Пуйлл, — но укажи мне, как я могу сделать это.

— Я проведу тебя в Аннун, и сделаю так, чтобы во всем ты был похож на меня. Считая с завтрашнего утра, год проведешь ты в Аннуне, занимая там мое место в королевском замке. Ровно через год, вечером последнего дня, назначена у меня встреча у брода с тем королем, о котором я говорил тебе. И ты должен будешь сразиться с ним, и нанести ему один удар, которого он не переживет. Но запомни — только один удар, как бы он не просил и не умолял тебя ударить еще раз!

— Хорошо, — в третий раз повторил Пуйлл, — но что будет с моим королевством в течение этого года?

— Не тревожься, — усмехнулся Аравн, — как ты будешь жить в моей столице в моем облике, так я проведу год в королевском замке в Диведе, и никто не узнает, что это был не ты.

И так порешили они; и затем король Аннуна вывел Пуйлла на дорогу в свое королевство, и чем дальше ехали они, тем меньше узнавал Пуйлл родной Уэльс. И наконец открылся перед ними замок, великолепнее которого не видел король Пуйлл в своей жизни, и там остановил Аравн коня и сказал:

— Вот, королевство мое пред тобою и в твоей власти, ибо отныне ликом и повадками ты — король Аннуна. Прощай, и до встречи через год и один день.

И король Аравн развернул своего коня и умчался прочь. Пуйлл же отправился вперед, и, подъехав к замку, вступил в его ворота.

Тотчас подбежали к нему слуги и оруженосцы, и приветствовали его, и стащили с его ног сапоги, а после сняли охотничьи одежды и облачили в прекрасную златотканую мантию. Затем прошел он в пиршественный зал, и приветствовали его князья и рыцари. И после того вышла в зал Королева, прекраснее которой не видел он женщины, в удивительных одеждах и изящных украшениях из серебра и золота и сверкающих драгоценных камней. Опустился Пуйлл в высокое кресло во главе стола, и по одну руку от него села Королева, а по другую — один из князей.

За едой и вином повел Пуйлл беседу с Королевой, и с восторгом убедился, что она прекрасна не только лицом, но и чудесным нравом, и мело-

личной, полной радушия и мудрости речью. Затем вышли в зал музыканты, певицы и барды, слуги принесли новые вина и кушанья, и так длился пир до позднего вечера.

Когда пришло тому время, отпразднались Пуйлл с Королевой Аннуна почивать, и, лежа в постель, повернулся Пуйлл к Королеве спиной, ибо не хотел нарушать честь короля Аравна, и ни слова не промолвил с ней до наступления утра.

И так провел он год, охотясь, пируя с князьями и рыцарями Аннуна, и наслаждаясь беседами с Королевой. Но как бы сильно не привязались друг к другу король Пуйлл и Королева, ни одна ночь не отличалась от первой.

И настал, наконец, вечер последнего дня, о котором равно помнили и Пуйлл, и тот человек, с которым должен был он встретиться в эту ночь. И вот, едва начало смеркаться, отправился король Пуйлл со своими рыцарями на ту встречу, и когда выехали они из леса к броду, объявился целый всадник и повел такую речь.

— Благородные рыцари, — сказал он, — два короля встретились здесь, чтобы решить давний спор между ними. Пусть каждый из вас встанет поодаль, и позволит королям встретиться один на один.

И тогда рыцари отступили от ручья, и два короля подняли копы и помчались навстречу друг другу. У середины брода столкнулись они, и копы короля Пуйлла ударило в щит короля Хавгана, и пробито и щит, и доспехи. Упал король Хавган наземь с пробитой грудью.

— Ха, вождь! — воскликнул он. — Рапа, которую нанес ты мне, смертельна. И как нанес ты удар свой, так же закончи дело свое милосердным ударом.*

— Вождь, — ответил ему король Пуйлл, — я сожалею о том, что сделано. Но щит сам того, кто убьет тебя, ибо я не совершу этого.

Тогда позвал Хавган своих людей.

— Мои верные рыцари, — сказал он, — несите меня прочь. Недолго осталось быть мне вашим вождем, ибо этой ночью смерть моя будет полной.

И когда унесли Хавгана его воины с брода, собрал Пуйлл своих людей и отправился в земли убитого короля, и к середине следующего дня было в его руках два королевства.

После того оставил король Пуйлл своих людей и отправился в Глин Ких, в лес, где год назад распрощался он с королем Аннуна. И король Аравн был уже там. И приветствовав Пуйлла, сказал он к нему такие слова:

— Да будет между нами честная дружба, вождь, ибо уже слышал я, что мертв король Хавган.

На что отвечал ему Пуйлл:

— Хорошо, — сказал он, — и придя в замок, узнаешь ты, что еще сделал я для тебя за этот год.

— Бог вознаградит тебя за то, что ты сделал, — ответил ему Аравн.

И после того вернулся король Аннуна королю Пуйллу его собственный вид, а себе — свой, и простившись, разъехались они в разные стороны.

Приехавши ко двору своему, провел король Аравн тот день в радости и веселии, ибо целый

год не видел он своих людей и Королеву. Со своей супругой беседовал он за едой и вином, а когда наступила ночь, отравились они в опочивальню. И улегшись в постель, приступил к ней король Аравн со словами любви, Королева же, улыбнувшись, повернулась к нему спиной и не сказала ни слова.

— Что случилось с тобою, любовь моя? — воскликнул король Аравн.

— Что за перемена в один день! — сказала тогда Королева. — Целый год ты не вымолвил в постели ни слова, и все ночи провел, повернувшись ко мне спиной.

— Воистину, — сказал Аравн, — друга нашел я в том человеке, что провел здесь год вместо меня!

И он рассказал Королеве всю историю, а Королева поклялась ему, что не было между нею и королем Пуйллоом ничего, кроме доброй дружбы.

Так же и Пуйлл, король Диведа, прибыл из Глинн Ких в свое королевство, и встретившись со своими придворными, князьями и рыцарями, расспросил их о том, каково было его правление в течении последнего года.

— Господин! — отвечали они. — Воистину, никогда еще не была пронизательность твоя так заметна, никогда еще не был ты так добр к своим людям, и никогда еще не правил ты так мудро, как в течении этого года.

— Воистину, — отвечал король Пуйлл, — должны вы благодарить за хорошее правление того человека, что был здесь вместо меня, — и он рассказал своим людям всю историю, как встретил он в лесу Глинн Ких короля Аннуна, и как поменялись они местами.

— Хорошо, государь, — отвечали его люди, — мы благодарим Бога за то, что было, и верим, что ты не обернешь вспять добро, сделанное королем Аннуна.

— Воистину, — отвечал Пуйлл, — да будет так.

И с тех пор установилась крепкая и добрая дружба между королями Пуйллоом и Аравном; и каждый посылал другому лошадей, гончих и ястребов, и иные сокровища, и каждый из них хранил в сердце добрые думы.

И в память о мудром и мужественном правлении короля Пуйлла в Аннуле, многие стали называть его с тех пор Пуйлл Вождь Аннуна; и имя это сохранялось за ним долгие годы.

* * *

С тех пор прошло сколько-то времени, и вот однажды был в замке Арберт, где король Пуйлл держал свой двор, большой пир. И когда настало время отдыха, поднялся король со своего места за столом и отправился на прогулку, и часть его воинов и князей пошла с ним.

Неподалеку от замка был высокий курган, именуемый Горседд Арберт. К нему направил король путь своей, а когда подошли они к подножию кургана, один из придворных обратился к королю с такой речью:

Господин мой, — сказал он, — есть у кургана, на который собираешься ты взойти, одна странная особенность. Какой бы высокорояженный человек не поднялся на его вершину, не спустится он с холма без того, чтобы случилась одна из двух вещей. Либо получит он удары и ранения, либо — увидит некое чудо.

Тогда ответил ему Пуйлл:

— Ударов и ран не боюсь я, когда рядом со мной столько верных рыцарей и князей. Что же до чуда, я был бы рад увидеть что-нибудь чудесное. Я поднимусь на курган.

И взшел он на курган. И едва присел он на его вершине, как все увидели молодую женщину на прекрасном белом коне, в одеждах, сверкавших золотой парчой, едущую по тракту, что вел мимо кургана. Тогда спустился король Пуйлл к своим людям, и спросил их, знает ли кто-нибудь, кто эта всадница. И ответили ему люди, что никто не видел ее раньше.

— Пусть один из вас пойдет и встретит ее на тракте, — сказал тогда король, — чтобы узнать, кто она.

Один из рыцарей бросился выполнять королевское поручение, но когда вышел он на тракт, оказалось, что женщина на белом коне уже проехала мимо. Не медля, отправился он ей во след, но как ни торопился он, так и не смог нагнать ее. Тогда вернулся он к королю и сказал ему:

— Господин мой, никто не сможет пешком догнать ту женщину.

— Ступай тогда в замок, — сказал ему король, — возьми лучшего коня и верхом поезжай за нею.

Бросился тот рыцарь в замок, вывел из королевских конюшен лучшего коня, и поскакал вслед за женщиной. И вот выехал он, спустя некоторое время, на большую открытую равнину, и, увидев впереди всадницу, прищипнул коня. Но хотя конь под той женщиной шел спокойным

медленным шагом, так и не смог воин догнать ее, и сколько бы не подгонял он своего коня, не уменьшалось расстояние между ними. И тогда снова воротился назад тот рыцарь.

Господин мой, — сказал он королю, — в Дивиде не много коней, лучших, чем сейчас подо мною, но снова не смог я нагнать ту леди.

Хорошо, — сказал король Пуйлл, — видно, замешана здесь магия.

И все они вернулись в замок.

На другой день пир продолжался, и когда подошло время отдыха, король снова отправился на прогулку к кургану Горседд Арберт, взяв с собою тех же людей, что и вчера. Но перед тем, как покинуть замок, велел король одному из юношей шестети из конюшен лучшего коня и взять его с собой к кургану.

И вот, когда пришли они к Горседд Арберт, и король поднялся на курган и присел на его вершине, на тракте снова показалась та женщина, на том же коне и в том же одеянии.

Будь готов, парень, — сказал король Пуйлл, ты должен подъехать к ней и узнать, кто она.

Хорошо, господин мой, — ответил юноша, но за то время, что потратил он, чтобы вскочить в седло, оказалось, что всадница уже проехала мимо кургана.

Тогда поехал юноша за нею, думая, что без труда нагонит ее. Но ни на шаг не смог он приблизиться к ней, и тогда пустил он коня во весь опор. Но не сократилось расстояние между ними, хотя лошадь той леди продолжала идти прогулочным шагом. И когда увидел он, что невозможно

нагнать ее, повернул он своего коня и воротился к кургану.

— Господин мой, — сказал он королю, — не может конь бежать так быстро, чтобы смог я выполнить твое поручение.

— Я видел, — отвечал король Пуйлл, — и это правда, никто не сможет преследовать ее. Но, клянусь, не просто так прогуливается она перед нашим курганом — у нее есть некое дело в этих местах, или некое послание поручено ей.

И снова все воротились в замок, и веселии провели время до вечера. На следующий день продолжил король свой пир, а когда подошло время отдыха, вновь повел своих людей на Горседд Арберт. Но на этот раз велел он вывести его собственного коня и пристегнуть шпоры к его сапогам.

И вот, когда вышли они к кургану, и сел король на его вершине, вновь появилась на тракте та женщина в прекрасных одеждах и на белом коне. И снова ступал ее конь неснешным шагом.

— Ха! — воскликнул тогда король Пуйлл. — Я вижу нашу леди. Коня!

И подвели ему коня, и когда поднялся он в седло, слова оказалось, что женщина уже миновала курган. Пустил тогда король своего коня с той быстротою, на которую был тот способен, но не догнал таинственную леди, и не приблизился к ней ни на шаг. Тогда решил он окликнуть ее.

— Девушка! — крикнул он. — Ради того, кто любим тобою более всех, остановись и подожди меня.

— С удовольствием, — отвечала она, — и не было нужды трижды загонять лошадей, когда можно было позвать меня.

И она остановилась, чтобы подождать короля, и когда тот подъехал, подняла она ткаши, скрывшие ее лицо, и посмотрела на него.

Госножа, — спросил король Пуйлл, — откуда идешь ты, и куда лежит твой путь?

И пришла сюда, следуя своему делу, — ответила она, — и я рада встретить тебя на своем пути.

Будь моей гостьей, — сказал тогда король и подумал, что никогда не видел он девушки или женщины, чье лицо было бы более красиво и приятно ему.

Госножа, — сказал он, — расскажешь ли ты мне о своем деле?

Да, — сказала она, — главным моим делом было встретить тебя.

Ничего более радостного не могла ты сказать мне! — воскликнул король Пуйлл. — Но кто ты?

И Рианнон, дочь Хэвэйда Старого,* — ответила она, — и вот что привело меня сюда. Протчи моей воли была я обещана в жены одному человеку, но не хотела я быть ничьей женой, ибо давно люблю одного тебя. И потому хочу я слышать, что скажешь ты мне; но даже если ты отвернешь меня, я не вернусь и не буду женой чужою человека. Ради того, чтобы сказать тебе это и услышать твой ответ, я и пришла сюда из владений моего отца.

Клянусь тебе, госпожа, — воскликнул тогда Пуйлл, — если бы мог я выбирать среди всех женщин и девушек мира, я выбрал бы тебя. Скажи мне, что я должен сделать, чтобы увидеть тебя своею супругой?

— Если и вправду чувствуешь ты то же, что говоришь, — сказала она, — тогда ровно через год, считая с сегодняшнего вечера присажай в замок моего отца, Хэвэйда Старого. И там будет ждать тебя приготовленный шир, и накрытые столы, и барды, дабы ублажать слух гостей, и — вместе со всем этим — я.

— Хорошо, — отвечал король, — да будет так.

— Хорошо, — сказала и она, — доброго бытья тебе, король, я же отправлюсь своим путем.

И на том расстались они, и король Пуйлл вернулся к своей свите. Когда же спросили его люди о той женщине, ничего не сказал Пуйлл, сведя разговор на другую тему.

Прошел год, и, спарядившись, король Пуйлл отправился во главе сотни всадников ко двору Хэвэйда Старого. И там встретили их, и приняли с почетом, и усадили за накрытые столы. И Рианнион села по одну руку от короля, а Хэвэйд Старый — по другую.

За едой, вином и весельем провели они время шра, а когда настал час отдыха, спросил король Пуйлл, по обычаю знатных вождей тех времен, нет ли у кого просьбы к нему. И тогда выступил вперед юноша королевского вида, с каштаново-золотистыми волосами.

— Добро тебе, — сказал король Пуйлл, — подходи и садись с нами.

— Нет, — отвечал юноша, — не за угощением я пришел к тебе, а с просьбой.

— Что же, скажи свою просьбу, и если выполнить ее в моей власти, будет она исполнена.

— Ах, король, зачем же ты сказал это! — воскликнула вдруг леди Рианнион.

Он сказал так, как требует этого его честь, ответил ей юноша.

Удивился Пуйлл, но продолжал свою беседу с юношей.

— Что же просишь ты, друг? — спросил он его.

Женщину, — был ответ, — которую я люблю больше, чем ты, — чтобы провести с ней ночь, и большой шир для меня в этом замке.

Задумался король Пуйлл, и не знал, что ему сказать.

Молчи, молчи, — со вздохом сказала ему леди Рианнион, — никогда еще не было в этом замке человека, который давал бы такие немудрые обещания, как ты.

Но, леди, — сказал король, — я не знал, кто этот юноша, и не знаю сейчас.

— Это тот человек, которому я была обещана против моей воли, — сказала она, — Гваул, сын Канда, человек, богатый людьми и землями. И рано уж ты сказал то, что сказал, теперь обещай ему меня, иначе честь твоя пострадает.

Госпожа моя, — возразил ей Пуйлл, — я не знаю, что мне ответить ему, но никогда не сделаю того, что ты сказала.

Обещай меня ему, — повторила леди Рианнион, — а я сделаю так, что ничего у него не выйдет из этой затеи.

Как же ты сможешь сделать это? — спросил король.

Пусть он придет сюда через год, чтобы получить свой шир и свою ночь; и ты тоже присажай на тот шир, и пусть будет с тобою сотня воинов, цинни одежда и добрый охотничий рог. Когда

придет время, и станет Гваул, сын Клида, исполнять просьбы людей, ты оденешься нищим, войдешь в замок и потребуешь выполнить твою просьбу; и это будет лишь справедливо. Ты протянешь ему маленький мешочек, который я дам тебе, и попросишь наполнить его едой. Но свойство этого мешочка таково, что сколько ни клади бы в него еды, не станет он полнее, чем раньше. И когда спросит тебя Гваул, сын Клида, наполнится ли когда-нибудь твой мешок, ты ответишь ему: "Воистину, государь, не будет он полон, пока какой-либо знатный князь не ступит в него со словами "Довольно". И когда он сделает это, ты вздернешь края мешочка вверх, и он растянется и обхватит юношу. Ты же, затянув узлы на ремнях мешочка, протрубишь в рог свой, чтобы войны твои бросились в замок.

И на том Гваул, сын Клида, прервал их беседу.

— Государь, — сказал он, — слишком долго я жду ответа на свою просьбу.

— Хорошо, — сказал тогда король Пуйлл, — я выполню часть твоей просьбы, какую смогу. И обещаю и дарюю тебе одну ночь леди Рианнон, если сам ты сможешь получить ее. Остальное же — не в моей власти, ибо не я хозяин этого замка.

— Вождь, — продолжила Рианнон, — пир, который идет сейчас в этом замке, — не для тебя, ибо я приготовила его для мужей из Диведа. Но ровно через год, считая с сегодняшнего дня, я приготовлю не худший пир для тебя, и после того пира будешь ты спать со мною одну ночь.

— Пусть будет так, — ответил им Гваул, сын Клида, и покинул замок Хэвэйда Старого.

Вскоре и король Пуйлл распрощался со своей возлюбленной и уехал к себе в Дивед, чтобы вернуться ровно через год.

И вот прошел тот год, и к назначенному сроку прибыл Гваул, сын Клида, со своими людьми на приготовленный для них пир. Король же Пуйлл прибыл к замку тайно, во главе сотни всадников, и оставив людей своих в саду, переделался нищим и вошел в замковый холл.

Между тем подошло время пирующим отдохнуть, и тогда выступил не узнавший Пуйлла вперед и потребовал у Гваула исполнения своей просьбы.

Чего же ты хочешь? — спросил у него Гваул, сын Клида.

Немного, государь, — ответил ему король, лишь наполни едой маленький мой мешочек.

С радостью, — сказал Гваул, и распорядился, чтобы принесли нищему хорошей еды. Но сколько ни опускали ее в мешочек, не становился он полнее, чем был.

Да наполнится ли когда-нибудь твой мешок? воскликнул тогда Гваул.

Воистину, государь, — отвечал ему Пуйлл, не будет он полон, пока какой-либо знатный князь не ступит в него со словами "Довольно".

Что же, сделай это, — сказала леди Рианнон Гваулу, сыну Клида.

С радостью, — ответил тот.

Но едва подошел он к Пуйллу и ступил в мешок, как вздернул король края мешочка вверх, и швырнул их ремнями. И, выхватив из-под одежд

рог свой, затрубил он в него, что было мочи, и тотчас люди его бросились к нему на помощь.

И так скоро одолели они людей Гваула, сына Клида, и связали тех из них, кто не был ранен или убит в бою. И каждый из воинов Пуйлла подходил к мешку, где сидел Гваул, и наносил по нему удар, и так продолжалось до тех пор, пока не раздался из мешка голос Гваула:

— Государь, — сказал он, — выпусти меня, ибо не хочу я принять такую смерть.

— Что мы сделаем с ним? — спросил король Пуйлл у леди Рианнон и Хэвэйда Старого.

— Сохрани ему жизнь, государь, — попросили они, — пусть лишь обещает не метить тебе и нам.

— И возьми у него в том заложников, — сказал Хэвэйд Старый.

— И в наказание за бесчестное требование на пиру, — добавила леди Рианнон, — пусть с этих пор он сам выполняет все просьбы, которые будут сказаны тебе людьми на пирах.

— Хорошо, — сказал Пуйлл, и выпустил Гваула из мешка.

И на следующее утро уехали Пуйлл и Рианнон в Дивед, и зажили там счастливо и радостно. И что бы не попросили люди у Пуйлла на веселых его пирах, все обещал он и выполнял за счет Гваула, сына Клида.

И с той поры год и еще год благополучно правили король Пуйлл и леди Рианнон семью княжествами Диведа.

* * *

А на третьем году стали печалиться люди Диведа о том, что не имеет детей и наследников человек, которого любят они как своего господина. И тогда собрались знатные люди семи княжеств Диведа и пришли к королю с такой речью.

Государь, — сказали они, — два года живешь ты со своей молодой женой, и страх подступит к сердцам нашим, ибо не видим, кто унаследует земли Диведа после твоей смерти. Сам ты еще молод, и, значит, вдовата в том твоя жена; так возьми же другую жену, чтобы не остался Дивед без принца и наследника короны. Мы знаем, что не хочешь ты сделать так, но не изменим своей просьбы.

Еще не так много времени прошло, как мы вместе, — возразил им король, — отложите решение свое на год, считая с сего дня, и если через год не родится ребенок, я подчинюсь решению нашего совета.

Хорошо, государь, — ответили люди, и с поклоном удалились из королевских палат.

И к концу того года родился у короля Пуйлла и леди Рианнон прекрасный мальчик, и было то вечером, в замке Арберт. Шестерых женщин привели в палаты королевы, чтобы смотреть за ним и мальчиком.

Леди Рианнон уснула, а женщины ухаживали за ребенком, пока время не подошло к полуночи. И тогда вдруг почувствовали они непреодолимую сонливость и, упав, где стояли и сидели, тотчас крепко заснули.

Ближе к утру проснулись женщины, и подойдя к колыбельке, увидели, что принц исчез, и не осталось никакого следа его.

— Боже! — воскликнула та из женщин, что увидела это первой. — Мальчик исчез!

— Увы нам! — сказала, подойдя, другая. — Что-то будет теперь с нами?

— Нужно что-то придумать, — сказала третья, — иначе не сносить всем нам головы.

И тогда сказала одна из них, что есть у нее мудрый совет.

— Здесь, в замке, — сказала она, — есть недавно оценившаяся сука из гончей своры. Мы должны взять у нее одного щенка, убить его и намазать лицо и руки леди Рианнон его кровью, а кости побросать возле ее постели. И когда спросят нас, где принц, будем говорить, что сама госпожа убила его этой ночью.

На том и порешили они.

И вот с наступлением дня проснулась леди Рианнон и первым делом спросила у женщин, где ее ребенок.

— Государыня, — отвечали они, — не нас спрашивай о судьбе принца. Тяжко боролись мы с тобою, но ни один человек в мире не смог бы одолеть тебя этой ночью. Ты сама разорвала своего сына, и потому не спрашивай нас о нем.

— О чем говорите вы? — возмутилась королева. — И где, наконец, принц?

— Быть может, была ты в беспамятстве, — сказали тогда женщины, — но ночью произошло то, о чем мы рассказали тебе.

— Жалкие твари! — воскликнула королева. — Господь Бог, который знает все, не допустит, чтобы люди поверили вашей лжи. Расскажите правду, и, обещаю, не будет причинено вам никакого вреда.

— Нет, госпожа, было так, — повторили женщины.

Между тем проснулся ото сна король Пуйлль, Вождь Аннуна, и с ним князья и воины, бывшие в замке. И скоро услышали все рассказ тех шестерых женщин.

И было в замке Арберт великое возмущение, и каждый говорил против леди Рианнон. Одни требовали убить королеву, другие — выслать ее прочь из Диведа, но король Пуйлль не хотел ни того, ни другого. И тогда совет знатных воинов положил, что отныне будет леди Рианнон нести тяжелое наказание: каждого, приходящего в замок, будет она встречать рассказом о своем злодеянии, а после того переносить каждого через мост в замок на своей спине.

* * *

В то время правил в землях, что зовутся Гвэнт Ис Коэд, король по имени Тэйрнон Турив Лиант, о котором говорили, что он лучший человек в мире.

И была у него прекрасная кобыла. — во всем его королевстве не найти лучшей. Каждый год в канун Майского Дня* эта кобыла жеребилась, но когда приходили на утро люди, не было рожденного жеребенка. И вот однажды решил король Тэйрнон узнать, что же происходит с его кобы-

лой, и в канун Майского Дня привел ту кобылу в отдельный дом, вооружился и пришел туда сам.

И вскоре после заката родила она жеребенка, сильного и красивого, сразу вставшего на ноги. Порадовался король тому и остался в доме, — ждать, что будет дальше. Время шло, и ближе к полуночи почувствовал Тэйрнон, что тянет его ко сну, но, собрав свою волю, перетерпел он сонливость, и тогда услышал, как кто-то шумно возится за стеной дома. И вот распахнулось окно, и просунулась сквозь него в комнату ужасная длинная лапа с когтями и схватила жеребенка за гриву. Тотчас выхватил Тэйрнон свой меч и одним ударом перерубил страшную лапу возле локтя. Раздался из-за стены громкий пчеловеческий вопль, и лапа убралась обратно в темноту окна, оставив в доме жеребенка и когтистую мерзкую длань.

Распахнул король дверь и с мечом в руке выбежал из дома; но так темна была ночь, что не смог он ничего разглядеть. Бросился было Тэйрнон преследовать то, что пытаюсь похитить жеребенка, да вспомнил, что не закрыл дверь дома. И вот вернулся он к дому и увидел, что в дверях лежит мальчик, завернутый в шелковые пеленки и покрывало златотканой парчи. И был мальчик красив, и подумал король Тэйрнон, что вырастет он добрым воином.

Тогда позвал он конюхов к поворожденному жеребенку, а мальчика взял с собой и принес его в палаты к своей жене.

— Госпожа моя, — сказал он, — принес я тебе мальчика, и вряд ли ты видела другого мальчика, чтоб был он лучше этого.

И он рассказал ей обо всем, что случилось. И после того вместе решили они, что, верно, родители этого ребенка были из знатного люда, ибо богато изукрашены были пеленки его. И они окрестили мальчика, и имя, ему данное, было Гурн Златоволосый, ибо волосы его цветом своим напоминали чистое золото.

С тех пор рос мальчик в замке Тэйрнона, король Гвэнт Ис Коэда. И раньше, чем прошел год с той ночи, уже был он сильнее и больше трехлетнего ребенка; раньше, чем закончился второй год, — догнал он мальчиков, которым было уже шесть лет от роду; а к концу третьего года приставал он к конюхам, чтобы позволили ему сесть на лошадь. Тогда королева испросила у своего мужа для мальчика того жеребца, что родился, когда мальчик появился в замке, и очень скоро уже разъезжал он верхом.

Меж тем проикли в замок вести о леди Рианнон, ее сыне и ее наказании. И однажды, когда Тэйрнон Турив Лиант размышлял о пропавшем сыне Пуйлла, пришло ему в голову, что их воспитанник, появившийся в замке столь странным образом, как две капли воды похож на короля Пуйлла Вождя Аннуна. Тогда пришел он к своей сунруте и сказал ей об этом. И еще так сказал он:

— Великое зло держать у себя мальчика, если мы знаем, кто его родители, и если столь благородная женщина, как леди Рианнон терпит из-за этого столь ужасное наказание.

Ответила ему королева, что согласна с ним, и что нужно вернуть мальчика королю Пуйллу и несчастной его жене. И, подумав, добавила:

— И если все это окажется правдой, — сказала она, — то, сделав доброе дело, приобретем мы три прекрасные вещи: благодарность леди Рианнон, благодарность короля Пуйлла и благодарность самого мальчика.

На том и порешили они, и на следующее же утро отправились Тэйрнон в Каэр Арберт. Двое воинов из его людей были с ним, и мальчик, схавший на подаренном ему королем жеребце.

И вот прибыли они в Арберт, и на дороге перед воротами замка увидели сидящую на земле леди Рианнон. И когда приблизились они к ней, промолвила благородная женщина:

— Вождь, — сказала она, — не ходи дальше, ты и твои люди. Каждого из вас перенесу я в замок — это мое наказание за то, что убила я своего сына и собственными руками разорвала его.

— Ах, госпожа моя, — сказал ей Тэйрнон, — не думаю я, что кто-нибудь из нас захочет въехать в замок на твоей спине.

— Пусть каждый постоит, как знает, — сказал мальчик, — по я так не сделаю.

— Так, — сказал Тэйрнон, — никто из нас не сделает это.

И они прошли в ворота на своих ногах, и вступили в замок Арберт.

С радостью приняли их в замке, и немедленно стали готовить пир. И когда умылись они, провели их в пиршественный зал и усадили за столы; и король Пуйлл и леди Рианнон сели по обе стороны от короля Тэйрнона, а двое его воинов — сбоку от Пуйлла, и мальчик между ними.

И вот повели они беседу, и Тэйрнон Турив Линт поведал всем о своем приключении с кобылой, жеребенком и мальчиком. И рассказав о том, как рос мальчик в его замке, повернулся Тэйрнон к леди Рианнон и так сказал ей:

— Своего сына видишь ты, госпожа, сидящим среди моих воинов. Сделал злое тот, кто сказал против тебя слово лжи. Но сейчас, я верю, никто из сидящих здесь не усомнится в том, что этот мальчик — сын Пуйлла Вождя Аннуна.

— Нет среди нас таких, кто бы усомнился! — сказали все, бывшие в том зале.

— Воистину, — сказала тогда леди Рианнон, — избавилась бы я от тяжелой своей думы, если бы было это правдой.

Госпожа, — сказал тогда Пендаран Диведский, — славное имя дала ты своему сыну — Придери.* И прекрасно звучит полное его имя: Придери, сын Пуйлла.*

— Это хорошее имя, — сказал король Пуйлл, и хорошо, что взято оно из слов матери, когда та была обрадована его возвращением.

И затем обратился Пуйлл к королю Гвэнт Ис Коэда.

— Тэйрнон, — сказал король Пуйлл, — госпожа да возблагодарит тебя и ту леди, что растила мальчика. Клянусь, пока я жив, всегда сможете вы рассчитывать на мою любовь и мою помощь, а пока жив этот мальчик, — и он всегда будет помнить о вас и делать вам только доброе.

И пир продолжился с новой радостью и новым весельем; а когда завершился он, разъехались все по своим владениям. Придери, сын Пуйлла Вож-

дя Аннуна, остался в Диведе и вырос прекрасным и добрым юношей, пекущим во многих благородных занятиях.

С тех пор прошли годы и годы, закончилась земная дорога короля Пуйлла, Князя Диведа, Вождя Аннуна, владевшего семью княжествами земли Диведа, и по смерти его стал королем Придери, и правил мудро и благополучно, любимый воинами и всеми, кто окружал его. Три княжества Истрад Тьви присоединил он к владениям отца, и четыре княжества Кередигнона, которые зовутся вместе семью княжествами Сэйсиллуха. И после того взял он в жены женщину по имени Кнхва, дочь Гвиwa Гохойва, сына Глойва Валта Лидана, сына Каспара Вледига.

И НА ТОМ ЗАВЕРШАЕТСЯ

ПЕРВАЯ ВЕТВЬ МАБИНОГИ.

Бранвен, дочь Ллира

сидигейдван,* сын Ллира, был королем Острова Могущества, коронованным в Лондоне.

Однажды был он вместе со своим двором в замке Харддлех в Ардидви. И как-то днем сидел он со своим братом Манавиданом, сыном Ллира,* на верхушке скалы Харддлех, и смотрели они на расстилавшееся перед ними бескрайнее море. И были там, кроме них, два их юных брата по матери, Нишен и Эвишен, сыновья Эйрос-

вида и Пенардин, дочери Бели. Один из этих юношей был добрым человеком; встретив две дерущиеся толпы на вершине ярости, он сумел бы примирить их; -- то был Нишен. Другой же юноша мог бы стать причиной ссоры меж любящими друг друга братьями.

И так сидели они, когда показались на море тринадцать кораблей, идущих со стороны Южной Ирландии. Ветер наполнял их паруса, и, легко рассекая волны, быстро приближались они к холмам Ардидви.

-- Я вижу корабли, идущие к нашим берегам, -- сказал тогда король. -- Пусть кто-нибудь встретит их и узнает, что им нужно.

И когда воины короля Бендигейдврана спустились на берег и увидели вблизи подошедшие корабли, были они изумлены, ибо никогда в жизни не видели столь прекрасных кораблей, содержащихся в чистоте и отличном порядке, с чудесными знаменами и значками, шитыми золотом. Один из кораблей был прекраснее прочих; и на том корабле увидели они щит, поднятый над палубой острием вверх в знак мира. Вскоре спустились с кораблей лодки, и подошли они к земле, и сидящие в них люди приветствовали короля на вершине скалы.

-- Бог помощь вам! -- отвечал король. -- Добро пожаловать на землю нашего королевства. Но чьи это корабли, и кто вождь ваш?

-- Государь, -- был ему ответ, -- Матолух, король Ирландии с нами, и все эти корабли -- его.

-- Каковы намерения короля Матолуха? -- спросил Бендигейдвран. -- Желает ли он сойти на берег?

-- Король сойдет на берег, -- отвечали ему, -- если ты не будешь против того, что он хочет предложить тебе.

-- И что же он хочет предложить? -- спросил король.

-- Наш король ищет с тобой союза, -- сказали люди с кораблей. -- Он пришел просить в жены Бранвен, дочь Ллира, и хочет союза меж Ирландией и Островом Могущества, чтобы стали они еще сильнее, чем есть.

-- Почему нет? -- сказал король Бендигейдвран. -- Пусть он сойдет на берег и мы с ним обсудим этот вопрос.

И когда передали ответ Бендигейдврана королю Ирландии, тот сошел на берег и был радушно встречен и приглашен на пир. А на следующее утро два короля собрали совет и решили выдать Бранвен за короля Матолуха.

А нужно сказать, что Бранвен, дочь Ллира,* была прекраснейшей девушкой мира, и одной из Трех Матриархов острова Британии.

И вот отправились они в Аберфро, где была Бранвен, чтобы отпраздновать там их союз. Король Ирландии со своими людьми отправился по морю, а король Бендигейдвран со своим двором -- по суше. И прибыв в Аберфро, устроили они там большой пир. Для того пира раскинули во дворе замка высокие шатры, ибо король Бендигейдвран был велик ростом и статью, и не мог поместиться ни в одном чертоге Уэльса, как бы ни были высоки его своды. Манавидан, сын Ллира, сел по одну руку от короля Острова Могущества, Матолух, король Ирландии -- по другую, а Бран-

вен — рядом с ним. И закончился тот пир только когда король Матолух с молодой женой отира-
вился спать.

На следующий день прибыл в Аберфро Эвни-
шен, вздорный и злобный брат Бендигейдврана и
Манавидана с материнской стороны. И увидев
множество чужих лошадей в конюшнях, спросил
он у бывших там людей:

— Уж не кони ли это короля Матолуха?

— Так, — отвечали ему.

— А что делает он здесь, в Аберфро?

— Разве не знаешь ты? — отвечали ему люди.

— Король выдал за него Бранвен, дочь Ллира, и
поэтому был вчера большой пир.

— Ах, так! — сказал тогда Эвнишен. — Без
моего согласия выдали замуж Бранвен, мою сест-
ру и благороднейшую девушку Британии!

И от большой злобы пошел он к лошадям коро-
ля Матолуха и каждой из них отрезал хвосты и
уши.

Вскоре известие о том дошло до Матолуха.

— Хэй, вождь, — сказал один из его воинов, —
страшное оскорбление нанесено тебе; и это сде-
лано намеренно.

— Клянусь, это очень странно, — сказал ко-
роль. — Ведь если б хотели они оскорбить нас, то
не отдали бы мне в жены девушку столь прекрас-
ную и столь высокорожденную, как Бранвен.

— Но ты сам видишь, вождь, — сказал другой
воин, — что сделано, то сделано, и у тебя нет
иного пути, кроме как сейчас же вернуться на
корабли.

Так они и поступили.

И вскоре узнал Бендигейдвран, что Матолух и
его люди покинули замок Аберфро не прощаясь и
не сказав никому ни слова. Без промедления по-
слал король на ирландские корабли Иддига, сына
Анарауда, и Хэвэйда Высокого, узнать, что слу-
чилось. И когда пришли они на корабль Матолу-
ха, так ответил им король Ирландии:

— Клянусь, — сказал он, если б знал я, что так
будет, никогда не пришел бы на эту землю. Вели-
кое оскорбление было нанесено мне; и никогда
не было более неудачного предприятия, чем это
мое сватовство. Воистину, удивлен я.

— Чему удивлен ты? — спросили посланцы.

— Тому, что была дана мне Бранвен, дочь Лли-
ра, одна из Трех Матриархов Острова Могушест-
ва, сестра короля Острова Могушества, и я про-
вел с ней ночь, и после того претерпел страшное
оскорбление. Если король Бендигейдвран хотел
оскорбить меня, почему он сделал это лишь после
того, как я спал с его сестрой?

— Клянемся тебе, — сказали тогда люди Бен-
дигейдврана, — ни король, ни люди его совета не
повинны в оскорблении, нанесенном тебе — ка-
ким бы оно не было.

— Так, — сказал король Матолух. — Слова
ваши правдивы, я думаю. Но сделано то, что сде-
лано, и никто не повернет события вспять.

С таким ответом вернулись Иддиг и Хэвэйд к
королю Бендигейдврану и поведали ему о том,
что узнали.

— Так, — сказал король, — плохо для нас,
если уйдет он с враждою в сердце.

— Вождь, — сказали его воины, — еще раз пошли гонцов на ирландские корабли.

Согласился с тем король.

— Поднимайтесь, — сказал он, — Манавидан, Хэвэйд и Ише, и ступайте к королю Матолуху. Скажите ему, что за каждую испорченную лошадь дам я здоровую; а, кроме того, получит он серебряный посох толщиной с его мизинец и высотой с него, и золотое блюдо шириной с его лицо. И пусть он узнает, что совершено это злое дело без моего ведома и против моей воли моим братом по матери. И еще скажите королю Матолуху — я хочу, чтобы он пришел ко мне, и мы заключили мир на его условиях.

С тем пришли послы к королю Матолуху и передали ему слова Бендигейдврана. И решил король, что меньшим позором будет для него принять возмещение.

И они вернулись ко двору Бендигейдврана и примирились с ним. Снова устроили большой мир, и на том мире говорил Бендигейдвран Матолуху, что рад миру, и с тем еще увеличит возмещение.

— Я подарю тебе волшебный котел, — сказал Бендигейдвран, — сила которого в том, что человек, убитый сегодня, будучи положен в котел, оживет завтра, хотя и не будет иметь дара речи.

— Откуда у тебя столь чудесный котел? — спросил Матолух.

— Он перенес ко мне от человека из твоей страны, — ответил Бендигейдвран. — Но я знаю только то, что котел был в Ирландии, и ты сам мог найти его.

— Кто был тот человек? — спросил Матолух.

— Его имя — Лласар Ллаэс Гивневид, — отвечал Бендигейдвран. — Он пришел из Ирландии, и его жена Кимидей Кимейнволл с ним. Они бежали из Железного Дома в Ирландии, когда тот раскалился вокруг них добела. Я удивлюсь, если ты ничего не слышал о том.

— Государь, — сказал тогда Матолух, — я знаю кое-что об этом, и что знаю, расскажу тебе.

И вот каков был рассказ Матолуха, короля Ирландии.

Однажды, охотясь на своих землях, я оглядывал с вершины кургана озеро, называемое в Ирландии Озером Котла. И заметил я высокого человека с желто-красными волосами, идущего от озера с котлом на спине. Воистину, это был ужасный человек: огромный, и разбойного вида; женщина следовала за ним. И если он был огромен, то женщина была огромна вдвое.

Они шли в мою сторону, и, заметив меня, приветствовали. Я ответил им, и тогда мужчина заговорил со мной.

— Эта женщина, — сказал он, — через месяц и две недели зачнет ребенка, и сын, который родится от этого зачатия, будет воином, вооруженным с головы до ног.

И тогда я взял их с собой. Они прожили у меня больше года; и женщина действительно родила сына, облаченного в доспехи и при оружии. Долгое время они никому не мешали, но потом пробудилась в них злость, и стали они досаждать моим людям, творя пакости и чиня драки.

Тогда пришли ко мне советники и князья и сказали, чтобы сделал я выбор между своим королевством и теми людьми. И я разрешил им делать, что они хотят.

От моего имени запретили они гигантскому человеку, его жене и сыну разгуливать, где вздумается, и построили для них Железный Дом, где можно было их запереть, ведь каменные стены не были преградой их силе. И однажды принесли им в Железный Дом вдоволь еды и крепкого вина, и когда все трое напились пьяными, заперли дверь. К тому времени уже подготовлена была гора древесного угля высотой с Дом, и создано множество кузнецов с мехами. И вот, когда в Доме услышали, свезли люди уголь вокруг Дома, подожгли его и начали раздувать мехами. И скоро нагрелись стены Железного Дома до белого каления.

Но огромный человек оказался сильнее, чем думали мои люди; или, быть может, это ужасный жар придавал ему сил. Страшным ударом вышиб он стену Железного Дома и бежал, увлекая за собой жену.

— И я думаю, вождь, — сказал в заключение король Матолух, — что это мой огромный человек пересек море и пришел к тебе с тем котлом.

— И правда, — сказал Бендигейдвран, — должно быть, так.

* * *

Вскоре пришло время отправляться гостям домой; и вот из Абер Меней* вышли тринадцать прекрасных кораблей и направились на запад; и

на одном из них плыли король Матолух и Бранвен, дочь Ллира. В Ирландии их встретили с великой радостью, и не было на том острове такого князя или знатного воина, который не посетил бы Бранвен. Множество подарков получила дочь Ллира, и среди них прекрасные украшения, браслеты, броши и кольца, и драгоценный королевский камень, наделявший владельца волшебной способностью видеть минувшее. А но простетии недолгого времени родила она королю сына, и назвали его Гверн, сын Матолуха. И был он отдан на воспитание благороднейшим людям Ирландии.

Но на второй год после появления Бранвен в Ирландии напился при дворе короля Матолуха злые люди, что стали вспоминать о нанесенном ему в Уэльсе оскорблении. Среди них были сводные братья короля, и они вместе со своими людьми стали насмехаться над Матолухом, и даже не скрывали этого. Стали поговаривать при дворе, что должно быть отомщено то оскорбление, и вскоре дошло дело до того, что собрался большой совет князей и знатных воинов Ирландии, который потребовал у короля отомстить Острову Могущества — или лишиться королевства. И тогда ничего не осталось королю Матолуху, кроме как согласиться на предложенную им месть.

И вот что сделали они: выгнали Бранвен из палат, где жила она с королем, и отправили ее работать на кухню, и велели мящику каждый день давать ей пощечину. После того пришли те люди к королю Матолуху и сказали ему:

— Хэй, вождь! Теперь наложи своей властью запрет на все корабли, что есть в Ирландии, дабы никто не добрался до Острова Могущества; а если кто придет оттуда через море, вели заточить его, чтобы не смог он вернуться назад. И так избежим мы ответной мести короля Бендигейдврана.

И ничего не осталось королю Матолуху, кроме как согласиться на это.

Не меньше, чем три года продолжалось так.

Однажды на кухню, где работала Бранвен, залетел скворец; бывшая королева накормила и приласкала его, и он стал жить у нее. Недаром Бранвен была одной из Трех Матриархов Острова Могущества — она научила скворца речи и часто беседовала с ним, описывая своего брата, пока птица не запомнила все в точности. Тогда Бранвен написала письмо о горестях, которые вынаши на ее долю в Ирландии, привязала это письмо под крылом птицы и в один прекрасный день выпустила ее из окна дворцовой кухни, наказав лететь в Уэльс и разыскать там короля Бендигейдврана.

И вот однажды, когда говорил Бендигейдвран со своим советом в замке Сейнт-ин-Арвои, влетел в открытое окно скворец и уселся ему на плечо. Удивился король, а скворец взъерошил перья, так что все увидели привязанное письмо. И когда сняли с птицы письмо, и прочитали его, омрачилось сердце короля Бендигейдврана великой печалью о сестре его Бранвен.

Не раздумывая долго, разослали тогда гонцов по всему Острову Могущества. И вот — было то в Эдейроне — собралась воины из семидесяти два-

дцати и еще четырнадцать земель Острова, и на огромном совете решили они отправляться в Ирландию, чтобы выручить сестру короля Бендигейдврана. Тогда же решили оставить на Острове семь высоких князей, чтобы управляли землями в отсутствие короля и воинов, и главою их назначили Крадауга, сына Брана.

И вот взметнулись паруса на кораблях, и великое множество их взяло курс на запад. В те дни неширока была глубокая вода меж Уэльсом и Ирландией, и когда миновали ее корабли, многие воины сошли с них и отправились вперед, и среди них — король Бендигейдвран. И вскоре подняли они к берегам острова Ирландия.

На холмах того берега, к которому вышло войско Острова Могущества, свинопасы короля Матолуха пасли своих свиней. И глянули они однажды на море и увидели вдалеке то войско, но разглядеть, что это, не смогли. И пришли они к королю Матолуху.

— Государь, — сказали они, — мы видели странное: великий лес поднимается над морем, — там, где никогда не было ни одного деревца!

— Воистину, это странно, — сказал король. — И ничего больше не видели вы?

— Видели, государь, — отвечали свинопасы. — Еще была там великая гора рядом с лесом.

— И все? — спросил король.

— Нет, государь, — отвечали свинопасы, — а на той горе был высокий хребет, и озера по обе стороны от него. И все это было над морем, и все это двигалось!

— Воистину, страшная новость, — сказал король Матолух. — И я знаю, нет в Ирландии человека, который смог бы объяснить все это, кроме Браивен, дочери Ллира. Идите к ней и спросите ее об этом.

И посланцы короля отправились на кухню и рассказали Браивен о том, что видели свинопасы с прибрежных холмов.

— Государыня, — спросили они, — что думаешь ты обо всем этом?

— Хотя я не государыня вам, — отвечала она, — но я знаю, что это значит: это воины Острова Могущества, вышедшие в путь, услышав голос горестей монахов.

— Что же такое лес, который видели наши свинопасы? — спросили ее.

— То мачты их кораблей.

— А что за огромная гора близ того леса?

— То Бендигейдвран, царственный брат мой, спешащий в ярости.

— А что за великий хребет на горе той, и озера по обе стороны от него?

— То глаза моего брата, в гневе ищущие остров ваш среди морских просторов.

Тогда собрались все воины Ирландии и вожди их в великой спешке, дабы держать совет.

— Государь, — сказали вожди королю Матолуху, — велики силы острова Могущества, нет у нас выбора. Отступим за Ллинон,* оставив реку меж собой и Бендигейдвраном, и разрушим мосты через нее.

И они перешли через Ллинон и обрушили за собой мосты через великую реку. Тем временем

высадилось войско Бендигейдврана на берега Ирландии и подошло веком к реке Ллинон. И когда увидели они, что нет мостов через реку, сказал король:

— Вождь ваш будет вашим мостом, — и лег поперек реки; и войско перешло по его телу на другой берег.

Тогда пришли к ним послы короля Ирландии и приветствовали их.

— Король Матолух, — сказали послы Бендигейдврану, — не хочет драться с тобой, и, дабы возместить обиды и оскорбления, причиненные сестре твоей Браивен, готов он передать королевство твоему племяннику, сыну твоей сестры — Гверну, сыну Матолуха, — если будет на то твоя воля.

— Что ж, — отвечал им Бендигейдвран. — Возможно, я приму ваше предложение, а, может, и нет. Так или иначе, но сейчас не будет вам моего ответа.

— Вождь, — сказали тогда послы, — может быть, получим мы более добрый ответ, если принесем тебе предложение лучше, чем это?

— Может быть, — отвечал король.

— Тогда просим мы, чтобы подождал ты, пока мы вернемся.*

— Хорошо, — сказал Бендигейдвран, — если вернетесь быстро.

С тем пришли послы к королю Матолуху.

— Государь, — сказали они, — готовь новое предложение королю Острова Могущества, лучше старого. Не получили мы никакого ответа.

— Так, — сказал король Матолух своим людям, — что теперь присоветуете мне?

— Государь, — отвечали ему, — никогда король Бендигейдвран не вступал под своды домов, ибо препятствует тому великий его рост и могучая стать. Построй на ирландской земле славный Чертог, в который мог бы войти король Острова Могущества вместе со всеми своими людьми, и ты и твои люди — с ними; с почестями пригласи Бендигейдврана в этот Чертог; передай ему власть над королевством и присягу верности припеси ему. И, может быть, тогда согласится он заключить с тобой мир.

И с тем вернулись послы Матолуха к королю Бендигейдврану. И по совету Бранвен, не хотевшей разора и гибели для той земли, принял король их предложение. И так стал мир между ними.

И вот, когда истекло оговоренное время, поднялся на ирландской земле высокий и просторный Чертог; сотня могучих колонн подпирала его своды. Тогда позвали ирландцы людей с Острова Могущества в тот Чертог, согласно уговору, но умыслили при этом предательство. В каждую колонну Чертога вбили они по два деревянных штыря, и на каждый из тех штырей повесили кожаный мешок, и в каждом мешке был вооруженный воин.

Когда пришел туда Бендигейдвран со своими людьми, шел впереди всех Эвнишен — тот юноша, что испортил лошадей Матолуха, — и придирчиво осматривал зал Чертога. И вот подошел он к первой колонне и спросил у ирландцев, что в этом мешке.

Цветы, друг, — отвечали они.

Но не поверил им Эвнишен, и сузил руку в мешок и стиснул голову бывшего там воина так, что вытекли через кость мозги. После того подошел он к следующему мешку и снова спросил, что это.

— Цветы, — отвечали ему ирландцы.

И снова повторились то же.

А после того, как убил Эвнишен две сотни воинов, предательски скрывавшихся в мешках, повернулся он к ирландцу, который говорил с ним, и спросил его:

— А это что?

— Цветы, друг, — отвечал ирландец, и последовал за воинами в мешках.

Тогда пропел Эвнишен такой энглин:*

В этих мешках цветы особого сорта:
Победители, вояки, искатели сраженья,
Против воинов, всегда готовых к драке.

И тогда вошли в Чертог люди Острова Ирландии и люди Острова Могущества, и сели там, одни против других. И установился между ними мир, и с общего согласия передали власть над королевством Ирландии сыну Матолуха и Бранвен. Тогда позвал Бендигейдвран мальчика к себе, и выказал ему любовь свою; и после того подошел сын Бранвен к Манавидану, и к Нишпену, и оба они говорили ему добрые слова.

Но Эвнишен, видя, что только его обходит стороною его племянник король Ирландии, распустил гнев в сердце своем. И, не думая, что делает, схватил он мальчика за одну ступню и швырнул его в пылавший посреди Чертога огонь.

И тогда поднялся в Чертоге страшный шум, и каждый воин выхватил оружие, и люди Матолуха бросились на людей Бендигейдврана, обвиняя их в убийстве юного короля. И столь ужасной была сеча, что очень скоро осталась в живых лишь малая часть воинов.

Тогда развели ирландцы огонь под котлом перерождения, подаренным Матолуху Бендигейдвраном. И в него начали они складывать тела своих погибших воинов, и на утро все они были бы вновь живы, лишь лишены дара речи. Тогда огляделся Эвнишен и сказал, увидев множество трупов людей с Острова Могущества:

— Господи, — сказал он, — горе мне, что стал я причиной смерти стольких людей Острова. И позор мне, если не найду я нужного решения.

И тогда занозил он меж мертвыми телами ирландцев и притворился убитым. И взяли его вместе с другими, и опустили в волшебный котел; оказавшись внутри, распрямился Эвнишен и уперся руками и ногами в стенки котла. И такова была сила его, что разлетелся котел на четыре части — а вместе с ним и сердце Эвнишена.

И так была выиграна та битва людьми Острова Могущества, вернее — семерыми из людей Острова, ибо остальные погибли в Чертоге и возле него. Сам Бендигейдвран был ранен в ногу отравленным копьём и знал, что должен умереть. Вот имена тех, кто остался в живых: Придери, Манавидан, Глири, сын Тарана, Талеин и Инауг, Гридди, сын Мириэля и Хейлин, сын Гвина Старого.

И когда вышли эти семеро к побережью, и с ними Бранвен, дочь Ллира, и смертельно ранен-

ный Бендигейдвран, сказал король Острова Могущества следующее:

— Когда договорю я, вы, семеро, срубите голову мою с плеч, после чего возьмете вы голову и отнесете ее к Белому Холму в Лондоне,* и там захороните ее лицом к Франции. Долгое время будете вы в пути. В Харддлехе будете вы проводить семь лет; и птицы Рианнон будут петь вам; и голова будет веселиться с вами не хуже, чем веселилась она с вами на моих плечах. На острове Гвэль в Пенвро будете вы четырежды двадцать лет; и пока вы не откроете дверь на Абер Хенвелен, в сторону Корнуолла, вы можете быть там, и голова пребудет с вами. Но как только откроете вы ту дверь, вы должны убраться отсюда и идти в Лондон хоронить голову. Теперь же — уходите за море.

И тогда отрубили они королевскую голову и вместе с ней пересекли море и вышли к Абер Алау, что в Талеболионе.* Там остановились они отдохнуть, и там посмотрела Бранвен на Ирландию и на Остров Могущества.

— О, Сыне Божий, — сказала она, — горе мне, что родилась я на белый свет. Опустилась великая печаль на два славных острова, и я — причина тому.

С тем испустила она тяжкий вздох, и разорвалось ее сердце. И похоронили ее в четырехгранной могиле на берегу Алау.*

И после того продолжили эти семеро свой путь в сторону Харддлеха, и Голова Брана с ними. И вот в пути своем повстречали они толпу мужчин и женщин.

— Хэй, есть ли новости на этом Острове? — спросили они у них.

— Нет новостей, — отвечали люди, — кроме того, что Касваллаун, сын Бели, завоевал Британию и сидит коронованным королем в Лондоне.

— Что же случилось с Крадаугом, сыном Брана, — спросили они, — и с теми людьми, что были оставлены с ним?

— Касваллаун напал на них и убил шестерых, — был ответ, — и он не хотел убивать сына Брана, но сердце юности разорвалось от ужаса при виде меча, одиноко парящего в воздухе и разищего его людей. Ибо Касваллаун одел убийцу в волшебную мантию, и не был тот виден, и казалось, что сверкающий меч летает сам по себе.

И услышав печальную весть, семеро с Головою Брана продолжили свой путь в сторону Харддлеха. И когда они добрались туда, и уселись на землю есть и пить, прилетели три птицы, и запели некую песнь, и ничего более чудного и прекрасного не слышали доселе семеро, пришедшие с Головою Брана. Там устроили они пир, и пировали, слушая песни птиц, семь лет. И Голова Брана шировала с ними.

А на исходе седьмого года поднялись они, и продолжили путь свой, и пришли на остров Гвэльс в Ценвро.* И там со светлого королевского места окинули они взглядом расстилавшееся перед ними море, и был там великий чертог. Три двери были в том чертоге, и две из них были распахнуты настежь; третья же, смотревшая в сторону Корнуолла, была закрыта.

— Хэй, вожди, — сказал Манавидан, — вот дверь, которую не должны мы открывать.

И они остались там; и той ночью не посетила их печаль, и в радости провели они время до утра. И все горести и печали покинули их, и четырежды двадцать лет провели они там, ширя и радуясь, и Голова Брана пребывала с ними. И те, кто слышали позже об этом их сидении на острове Гвэльс, назвали эти четырежды двадцать лет Сидением Чудесной Головы.

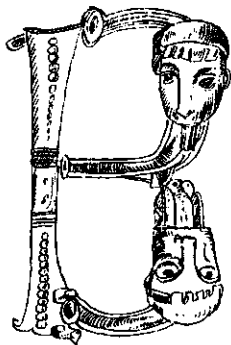
Но в один день поднялся Хэйлин, сын Гвина.

Позор на мою бороду, — сказал он, — если не узнаю я, что скрывается за закрытой дверью чертога.

И он распахнул ту дверь, что смотрела в сторону Корнуолла и Абер Хэвелен.* И тотчас все пережитое ими горе вернулось к ним, и все беды, что перенесли они, и все лишения, что они претерпели. И печаль о гибели стольких друзей пала на них; и умерла Голова Брана. С того мига не знали они покоя, и, подняв Голову, перенесли пролив и отправились в Лондон. И там, на Белом Холме, похоронили они Голову Бендигейдврана, короля Острова Могущества.

И НА ТОМ КОНЧАЕТСЯ ВТОРАЯ ВЕТВЬ МАБИНОГИ,
ГДЕ ПОВЕСТВУЕТСЯ О БРАНВЕН, ДОЧЕРИ ПЛИРА,
И О БРАТЕ ЕЕ БРАНЕ БЛАГОСЛОВЕННОМ,
И О СИДЕНИИ ЧУДЕСНОЙ ГОЛОВЫ.

Манавидан, сын Ллира

от семеро людей Острова Могущества, вернувшихся из Ирландии, похорошили голову Бендгейдврана на Белом Холме в Лондоне; и Манавидан, сын Ллира, оглядев с холма лежащий перед ним Лондон, тяжело вздохнул, ибо тоска и великое горе были у него на сердце.

— Увы, Господи, горе мне без брата, — сказал он.

— Государь, — возразил ему Придери, сын Нуйлла, — пусть не ты, а Касваллаун, твой родственник, король Острова Могущества, по

ведь ты сам никогда и не хотел править этой страной. Ты — один из Трех Безземельных Вождей Британии.

— Кто бы ни был на троне моего брата, — сказал Манавидан, — не будет он лучше прежнего короля.

— Хэй, вождь! — сказал тогда Придери. — Печально видеть мне столь славного воина в такой печали. Семь княжеств Диведа получил я от отца, и после смерти его одинокой осталась прекрасная Рианнон, моя мать. Возьми, вождь, в жены леди Рианнон, а вместе с нею я подарю тебе семь славных княжеств Диведа.

— Благодарю тебя, вождь, — отвечал ему Манавидан, — но, кроме твоей дружбы, мне ничего от тебя не нужно.

— И у меня нет ничего лучшего, чем твоя дружба; но все же подумай о моем предложении. В давние годы юности моего отца была Рианнон прекраснейшей девушкой Острова, и сейчас не найдешь ты женщины милее ее.

— Бог да возблагодарит тебя, — сказал тогда Манавидан, — я пойду с тобою, чтобы посмотреть на леди Рианнон.

— И ты будешь сражен ее красотой, — сказал Придери.

И они отправились в Дивед в Каэр Арберт, и к приходу их славный пир приготовили леди Рианнон и Кисва, дочь Гвина Глойва, жена Придери. И на том пиру Манавидан и Рианнон вели долгую беседу, и любовь к прекрасной женщине вошла в голову и в сердце вождя. И он восхищался, что никогда ранее не встречал женщины столь прекрасной и милой, как леди Рианнон.

— Придери, — сказал Манавидан после пира, — да будет так, как сказал ты на Белом Холме в Лондоне.

— О чем ты? — спросила его Рианнон.

— Государыня, — сказал Придери, — я дарую тебя в жены славному вождю, Манавидану, сыну Лшира.

— С радостью я исполню это, — сказала тогда Рианнон.

— И я поступаю так с радостью, — сказал Манавидан, — и пусть Господь возблагодарит вождя, что одарил меня столь доброй дружбой.

И леди Рианнон стала женой Манавидана, сына Лшира, и он провел с ней ту ночь. А на следующий день Придери собрался ехать в Логрино, чтобы выразить свое почтение Касваллауну, сыну Бели. Но Рианнон остановила его.

— Государь, — сказала она, — Касваллаун сейчас в Кесте,* и ты можешь остаться с нами на пиру и подождать, пока Касваллаун не объявится где-нибудь поближе.

— Пусть будет так, — согласился Придери.

И все четверо — Манавидан и Придери и их жены — продолжали пировать, а потом отправились путешествовать по Диведу. И дружба между ними все росла, и каждый радовался тому, что остальные были рядом с ним, и тому, что земля Диведа вокруг них была прекрасна и обильна и медом, и рыбой, и иными богатствами.

Тем временем дошло до них известие, что Касваллаун вернулся в Логрино, и Придери отправился навестить его и выразить ему свое почтение; когда же вернулся он к своим друзьям, от-

правдись они в Каэр Арберт, главный замок в Диведе. Там Рианнон и Кигва приготовили большой пир, и множество благородных и знатных вождей и воинов были приглашены на него.

И вот начался пир, и спустя некое время, когда опустелась на землю ночь, эти четверо оставили веселящихся гостей, и вышли за стены замка, чтобы прогуляться, и отправились к Горседд Арберт — большому кургану, что был неподалеку.* И вместе поднялись они на его вершину, и тогда немедленно раздался удар грома, и густой туман пал на землю. И таким густым был этот чудесный туман, что никто из них не мог видеть другого. А после того пространство вокруг них наполнилось ярким светом, и когда чудесные явления завершились, и они взглянули на дорогу, по которой пришли, то увидели, что все удивительным образом изменилось. Не шел дым из замковых труб, и не горели огни в его окнах, и не было видно вокруг ни одного человека и ни одного животного. Все исчезло, кроме самого замка, и не осталось никаких следов того, что совсем недавно здесь шел большой пир.

— Увы нам, Боже! — воскликнул Манавидан. — Что случилось здесь?

И они спустились с кургана и пришли в замок; но нигде не обнаружили они ни одного человека; и везде лежала пыль и царило давнее запустение.

И тогда они продолжили свой пир четвером, а после того стали жить в замке, питаясь запасами в кладовых, и тем, что добывали на охоте, и медом диких пчел. Часто покидали они замок, чтобы посетить разные места, но нигде не встретили

они людей, и даже дома и замки, казалось, исчезли с земли Диведа.

Так провели они год, а потом еще один. Но такая жизнь была им не по душе, и однажды Манавидан воскликнул в сердцах:

— Боже! — сказал он. — Мы не можем так жить! Не лучше ли отправиться нам в Логрию, быть может там найдем мы людей и лучшую жизнь?

И они отправились в Логрию, и пройдя ее границы, встретили людей и вступили вскоре в город Хэрэворд. И там они поселились, и стали зарабатывать на жизнь тем, что делали седла. Манавидан стал украшать седла голубой лазурью, на манер тех седел, что видел он у Лласара Ллаэса Гыдневида. И седла его были лучшими во всем городе, и вскоре стало так, что никто в Хэрэворде не покупал седел ни у кого, кроме Манавидана и Придери. И тогда седельные мастера города стали собираться и приходить к Манавидану, и угрожать ему, и советовать ему покинуть Хэрэворд.

— Клянусь Богом, — сказал тогда Придери, — не мой это совет — покинуть город, но если мы останемся здесь, то мастера убьют нас.

— Не так, — сказал Манавидан, — они не смогут убить нас, но, если мы вступим в борьбу с ними, плохое станут говорить о нас, и бросят в темницу. Лучше для нас переехать в другой город.

Так они и поступили, и вскоре обосновались в другом городе.

— Какое теперь выберем мы ремесло? — спросил Придери.

— Будем делать щиты, — отвечал Манавидан.

— Но ты понимаешь что-нибудь в этом деле?

— Никогда этим не занимался, — отвечал Манавидан, — но мы постараемся разобраться, и научимся этому ремеслу.

И они стали делать щиты, вспоминая лучшие щиты, виденные ими в жизни, и стали украшать их так, как делают это лучшие оружейники. И в конце концов они так приуспели в этой работе, что ни у кого в городе, кроме Манавидана и Придери, воины не покупали более щиты. И тогда оружейные мастера стали собираться и приходить к Манавидану, и угрожать ему, и советовать ему покинуть тот город.

— Придери, — сказал тогда Манавидан, — эти люди убьют нас.

— Но мы не можем дожидаться этого от простых людей, — отвечал Придери, — давай сами нападем и уничтожим их.

— Не так, — сказал Манавидан, — это принесет нам лишь горе. Лучше для нас покинуть этот город.

И они снова ушли и из этого города и поселились в другом.

— Каким ремеслом займемся мы на этот раз? — спросил Манавидан.

— Выбирай ты, — отвечал ему Придери, — займемся тем, что умеем.

— Хорошо, — сказал Манавидан, — давай будем шить обувь. И если ты не умешь этого, я научу тебя.

И тогда Манавидан стал покупать в городских лавках лучшие кожи, и скоро скупил все город-

ские запасы. Потом он стал договариваться с лучшими городскими ювелирами, чтобы они делали золотые пряжки для сапог; и он подолгу наблюдал за их работой и вскоре научился делать пряжки сам. И вскоре Манавидан с Придери стали продавать прекрасную обувь с золотыми пряжками. И потому прозвали Манавидана одним из Трех Мастеров Золотой Обуви. Все жители города стали покупать обувь только у Манавидана, и все другие обувных дел мастера потеряли свои заработки. И тогда они стали приходить к Манавидану, и угрожать ему, и требовать, чтобы он покинул город.

— Придери, — сказал тогда Манавидан, — эти люди решили нас уничтожить.

— Давай первыми нападем на них, и сами убьем их всех, — сказал Придери.

— Нет, — сказал Манавидан, — только горе будет у нас, если поступим так. Нельзя нам более оставаться ни в этом городе, ни вообще в Логрии. Вернемся обратно в Дивед, и там посмотрим, что сможем мы сделать.

И с тем вернулись они в Дивед, и снова стали жить, как жили раньше, питаясь мясом диких зверей и медом диких пчел.

И вот однажды Манавидан и Придери охотились неподалеку от замка, и они шли по тропе, и собаки бежали впереди них. И небольшая рощица зеленых деревьев оказалась на их пути, и собаки первыми вошли в нее, и тотчас выбежали обратно на тропу, заливаясь, объятые страхом, громким лаем. И люди решили подойти поближе к рощице и посмотреть, что так испугало собак.

И едва приблизились они к деревьям, как поднялось из рощи облако яркого света, и зависло над тропой. Жалобно заскулили собаки; а облако двинулось к людям, то разгораясь ярче, то почти угасая. Оно прошло мимо людей, и двинулось дальше по тропе, и Манавидан с Придери отправились вслед за ним, и долго шли, пока не увидели, наконец, большой и высокий замок на том месте, где раньше никогда не было ни одного строения. И облако света прошло в открытые ворота замка, и собаки пробежали за ним, люди же остались снаружи, чтобы посмотреть, что будет дальше. И сначала они слышали лай собак в замке, но постепенно звуки стихали, и вскоре воцарилась мертвая тишина.

— Государь, — сказал тогда Придери, — я тоже пройду в ворота, быть может удастся мне найти наших собак и какие-нибудь новости.

— Вотстину, — отвечал ему Манавидан, — это не было бы хорошо. Мы никогда не видели здесь этого замка; не мог он появиться здесь без того, чтобы некто могущественный не произнес какое-то заклятие. Ты можешь сходить осмотреть замок снаружи, но не рискуй входить внутрь.

— Хорошо, государь, — сказал Придери и отправился осматривать замок.

Но когда подошел Придери к воротам замка, он не увидел и не услышал ничего нового; и тогда решил он войти внутрь. И он прошел через ворота, и вышел на пустынный внутренний двор, и увидел там источник, бьющий среди мраморных плит, и близ него — золотую чашу искуснейшей работы, висевшую на четырех цепях чистого зо-

лота. И Придери подошел к источнику, чтобы осмотреть эту чашу. И едва ноги его коснулись мраморных плит, а руки — золотых цепей, колдовской холод объял его тело и сковал его мускулы, и способность говорить покинула его. И так застыл он, не в силах двинуться с места или вымолвить слово.

А Манавидан прождал его до самого вечера, и не дождавшись, воротился домой в Каэр Арберт. И в воротах их замка встретила его леди Рианнон.

— Где же твой спутник и твои собаки? — спросила она, увидев, что он возвращается один.

— Здесь со мной только мой рассказ, — отвечал Манавидан и поведал ей обо всем, что с ними приключилось.

— Воистину, — сказала Рианнон, когда муж ее закончил свою повесть, — воистину, прекрасного друга потерял ты, вождь.

И вышла она из замка Арберт и направилась по следам Манавидана и Придери к тому замку, причиной появления которого стало некое могущественное заклятие. И, подойдя к его стенам, увидела она по-прежнему открытые врата, и, не медля, вошла в них. И на пустынном внутреннем дворе замка нашла она неподвижного Придери, и столь велико было горе ее о сыне, что со слезами легла она на землю у его ног. И тогда ноги ее коснулись мраморных плит источника, а руки — золотой чашы искуснейшей работы, и тот же недуг овладел и ею, и так же, как Придери, потеряла она способность двигаться и говорить.

И так остались в Каэр Арберт только Манавидан и Кигва, жена Придери. И увидев, что про-

цал Придери, и пропала Рианнон, и оба они не возвращаются назад, пришла Кигва в отчаяние и стала горько рыдать, восклицая, что теперь для нее все равно, жить ей или умереть. Но тогда Манавидан подошел к ней с добрым словом, и утешил ее, и сказал ей, что он верит в то, что Придери и леди Рианнон пропали не навсегда и — так или иначе — смогут вернуться в мир.

— Что же будем мы делать теперь, о вождь? — спросила Кигва.

— Отправимся в Логрино, чтобы заработать себе на жизнь, — отвечал Манавидан, — ибо теперь, лишившись наших собак и доблести Придери, сына Пуйлла, не сможем мы добывать себе пропитание охотой.

И они снова отправились в Логрино, и поселились в одном городе, и тогда спросила Кигва у Манавидана, чем будет он заниматься.

— Изю всех ремесел, что пробовали мы с Придери, лучше всего удалось нам сапожничество. Займусь и теперь этим.

— Но, вождь, — возразила ему Кигва, — для человека столь высокого мастерства и столь знатного происхождения не слишком ли это грязная работа?

— Нет, — сказал Манавидан, — я буду обувным мастером.

И он взялся за дело, и делал обувь из лучших кож и украшал ее золотыми пряжками, и вскоре никто в том городе не покупал обувь ни у кого, кроме Манавидана. И тогда стали собираться обувных дел мастера, и приходили к Манавидану, и угрожать ему, и советовать ему покинуть тот город, ибо никто не покупал обувь у них.

И тогда собрался Манавидан и вместе с Кигвой вернулся в Дивед, в Каэр Арберт, и с собою принес он мешок пшеницы и привел отличных собак, купленных на заработанные в Логрии деньги. И он снова стал охотиться на диких зверей, и ловить рыбу, и собирать мед диких пчел. А еще он трижды высеял пшеницу на трех небольших полях неподалеку от Каэр Арберт, и пшеница взошла и быстро поднялась, и никто никогда не видел колосьев более налитых и более золотистых, чем встали на полях Манавидана.

И Манавидан смотрел, как сменяют друг друга времена года; и однажды пришло время собирать пшеницу. И тогда отправился он на первое свое поле, и сердце его наполнилось радостью при виде созревшей пшеницы.

— Хэй! — воскликнул он, — завтра я сожгу это поле.

И он вернулся в Арберт, а на следующий день встал с седым рассветом и отправился на свое поле. Но пусто было там, когда он пришел на поле, и голые стебли лежали были свалены слева, а пустые колосья — справа. И, исполненный горечи и удивления, пришел Манавидан на свое второе поле, и прекрасная золотая пшеница колосилась там.

— Хэй! — сказал он, — завтра я сожгу это поле.

Но когда на следующее утро пришел он на это поле, вновь увидел он лишь гору голых стеблей и гору пустых колосьев.

— Увы, Господи, — сказал тогда Манавидан, — кто это хочет совершенной моей гибели?

Ведаю, тот уничтожил мои поля, кто прежде опустошил Дивед, и чьим заклятием возник тот злоедающий замок, где исчезли Придери и Рианнон. Прежде начал он губить меня, и ныне хочет меня добить.

И пошел он на третье свое поле, и увидел там прекрасную зрелую пшеницу, лучше которой не доводилось видеть никому из смертных.

— Позор ляжет на мою бороду, — сказал тогда Манавидан, — если этой ночью не усторожу я грабителя. Тот, кто унес зерно с первых полей, придет и сегодня ночью.

И с тем вернулся он в Каэр Арберт, и поведал обо всем Кигве. А ближе к вечеру ушел он караулить свое последнее поле.

И долго ждал он, сидя на краю поля, но вот, ближе к полуночи, странное волнение объяло окрестные травы. И, оглянувшись, увидел Манавидан несметное полчище мышей, подходившее к его полю; и не было им числа, и невозможно было видеть границы того полчища. И доселе невиданное узрел Манавидан: мыши добрались до его поля, и каждая из них выбрала себе колос, и перекусила стебель его у основания; когда же пшеница оказалась на земле, каждая мышь отгрызла сам колос от стебля и поволокла его прочь.

И объятый гневом, бросился Манавидан на мышей, но ловить их было — как комара в воздухе или птицу в небе. И тут увидел он одну мышью, неповоротливую и тяжелую; и он поймал ее и сунул в свою перчатку. После того покинул он погибшее поле и вернулся домой. И там Кигва спросила его, что принес он в своей перчатке.

— Ворюшку, — отвечал Манавидан, — которого поймал я на своем поле.

— Что за ворюшка, государь? — спросила Кигва, и Манавидан рассказал ей обо всем, что он видел.

— И вскоре я казню его, — закончил он.

— Государь, — сказала тогда Кигва, — поистине, не подобает человеку столь знатному и достойному, как ты, казнить тварь, столь мелкую.

— Не вижу причин, чтобы помиловать ее, — сказал Манавидан.

И после того пошел он к кургану Горседд Арберт, и взял ту мышь с собою. И он поднялся на вершину кургана и воткнул там две ветки, разветвляющиеся кверху. И едва он сделал это, как увидел некоего служителя Бога, идущего к нему в старой и потертой одежде. И то был первый человек, которого видел Манавидан за последние семь лет, не считая леди Рианнон и Придери с его женой.

— Добрый день, государь мой, — приветствовал его монах.

— Господь с тобою, — отвечал ему Манавидан, — добро пожаловать в эти земли. Скажи мне, для чего пришел ты сюда?

— В полном одиночестве иду я в свою страну, мнящая твои земли, государь, — сказал монах. — А что за дело у тебя здесь, на вершине этого кургана?

— Я казню ворюшку, которого поймал сегодня на своем поле, — отвечал Манавидан.

— Какого ворюшку, вождь?

И тогда Манавидан рассказал ему, кого поймал он на своем уничтоженном поле.

— Хэй, вождь, — воскликнул тогда монах, — негоже, что человек столь высокого происхождения, как ты, ловит столь мелких тварей, да еще собирается казнить одну из них. Отпусти ее, вождь!

— Нет, — сказал Манавидан, и тогда монах отвернулся и ушел прочь.

И он вернулся к своему делу, и стал укладывать поперечное бревнышко на развилки веток; и едва он закончил это, как увидел священника, едущего к нему на лошади, покрытой попоной.

— Добрый день, государь мой, — сказал священник.

— Господь с тобою, — отвечал ему Манавидан, — добро пожаловать в эти земли.

— Благодарю тебя, государь, — сказал священник, — а что за дело у тебя здесь, на вершине этого кургана?

— Я казню ворюшку, которого поймал сегодня на своем поле, — отвечал Манавидан.

— Какого ворюшку, вождь?

И тогда Манавидан рассказал ему, кого поймал он на своем уничтоженном поле.

— Хэй, вождь, — воскликнул тогда священник, — негоже, что человек столь высокого происхождения, как ты, ловит столь мелких тварей, да еще собирается казнить одну из них. Отпусти ее, вождь!

— Нет, — сказал ему Манавидан.

— И все же не могу я видеть то, что собираешься ты сделать. Пусть останется эта мышь жива, я выкуплю у тебя ее.

— Нет, — сказал Манавидан, — клянусь Богом, мне не нужны твои деньги; я хочу лишь казнить эту тварь.

— Хорошо, вождь, пусть будет по-твоему, — отвечал священник и ушел прочь.

Тогда Манавидан принялся обматывать веревку вокруг мышинной шеи, и едва он сделал это, как показался епископ, сопровождаемый свитой и многими повозками с поклажей.

— Государь, — сказал епископ, — чем занимаешься ты здесь, на вершине кургана?

— Казню воринку, которого поймал на своем поле.

— Но разве не мышь вижу я у тебя в руках?

— Да, — отвечал Манавидан, — но она и есть тот воринка.

— Государь, — сказал тогда епископ, — пригорбно мне видеть человека столь знатного за казнию столь мелкой твари, как эта. Должно тебе отпустить ее.

— Воистину, нет, — отвечал Манавидан.

— Тогда я выкуплю ее у тебя, чтобы не совершилось это дело, — сказал епископ.

— Воистину, нет, — отвечал Манавидан, — я собрался казнить ее, и сделаю это.

— Если ты не хочешь взять деньги за эту мелкую тварь, — продолжил епископ, — я дам тебе семь прекрасных лошадей, что видишь ты здесь, и семь повозок с поклажей, чтобы ты отпустил ее.

— Воистину, нет, — отвечал Манавидан.

— Чего же хочешь ты за жизнь этой мыши? — спросил епископ. — Назови свою цену.

— Я хочу, — сказал Манавидан, — чтобы леди Рианнон и Придери снова были свободны.

— Будут, — сказал епископ.

— Воистину, не отпущу воринку за такую плату.

— Что же еще?

— Чтобы чары и лихое колдовство были уничтожены во всем Диведе и в семи пограничных с ним княжествах.

— Будут, — сказал епископ, — отпусти мышь.

— Воистину, не отпущу воринку за такую плату.

— Что же еще?

— Я хочу знать, кто такая эта мышь.

— Хорошо, — сказал епископ, — я — Ливид, сын Киль Коэля; и чтобы отомстить за судьбу Гваула, сына Канда, стал я колдуном. Неразумно поступил с ним Пуйлла Вождь Аниуна, совершив злое, и теперь Придери, сын Пуйлла, и друзья его платят по старым счетам. Мыши, что уничтожили первое твоё поле, были моим войском, которое превратил я в стаю мышей. И второе твоё поле уничтожили они же. А когда собрались они перегрызть колосья третьего поля, пришли ко мне женщины моего двора во главе с женой моей, и просили меня, чтобы и их превратил я в мышей. И я сделал так, но жена моя была беременна, и потому не могла бегать так быстро, как другие мыши, и потому ты поймал ее. И если бы не было так, не беседовали бы мы с тобою сейчас. Но случилось то, что случилось, и я рассказал тебе, кто эта мышь, и я верну тебе Придери и леди Рианнон, и уничтожу чары, что лежат на Диведе. Теперь же отпусти мышь!

— Воистину, нет, — сказал Манавидан, — не сделаю я этого, пока не обещаешь ты, что нико-

гда месть твоя не падет ни на меня, ни на Придери, ни на леди Рианнон.

— Мудры слова твои, и я обещаю тебе это. Отпусти мышь.

— Вонстину, пег, — сказал Манавидан, — не сделаю я этого, пока не увижу Придери и Рианнон.

— Оглянись, — сказал маг.

И Манавидан оглянулся, и увидел Рианнон и Придери, и пошел им навстречу, и радовался их возвращению.

— Теперь отпусти мою жену, — сказал маг.

— С радостью, — отвечал Манавидан.

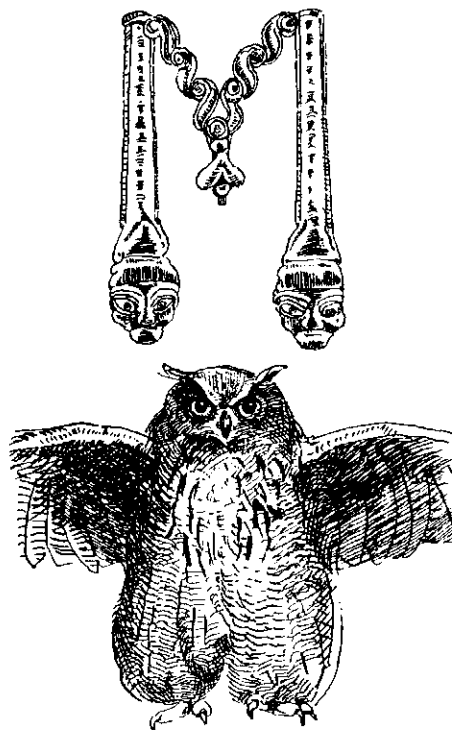
И он отпустил мышь; тогда маг коснулся ее своим посохом, и тотчас превратилась она в прекрасную юную женщину.

— Оглянитесь, — сказал маг.

И Манавидан с Придери и леди Рианнон оглянулись, и увидели, что земли Диведа вновь стали обитаемы, и все стало так, как было ранее; и вернулись исчезнувшие дома, и люди с женами и детьми, и многочисленный скот. И втроем вернулись они в Каэр Арберт, и радости их не было предела.

И НА ТОМ ЗАВЕРШАЕТСЯ ТРЕТЬЯ ВЕТЬ МАГИИ,
ГДЕ ПОВЕСТВУЕТСЯ О МАНАВИДАНЕ, СЫНЕ ПИИРА,
И ДРУГЕ ЕГО ПРИДЕРИ, СЫНЕ ПУЙЛЛА ВОЖДА АННУЧА,
И ЖЕНЕ ЕГО ПРЕКРАСНОЙ ЛЕДИ РИАННОН.

Маг, сын Матонви

Маг, сын Матонви, был государем Гвинедда, и Придери, сын Пуйлла, был государем двадцати и одного княжества Юга: семи княжеств Диведа, и семи княжеств Морганпуга, и четырех Кередигнона, и трех Истрад Гыви.

И в те времена Маг, сын Матонви, не мог жить без того, чтобы обе ноги покоились на девичьих коленях, за исключенным

тех случаев, когда шум войн отвлекал его. И по той причине никогда не объезжал он своих земель, но посылал вместо себя Гильваэтли и Гвидиона, сыновей Дои, своей сестры, и воинную дружину воннов с ними.

В те времена девушкой, что жила с ним в его замке, была Гоэвин, дочь Пебина из Дол Бебина в Арвоне. И это была прекраснейшая девушка тех времен, и потому не удивительно, что юный Гильваэтли полюбил ее, и много страдал от своей любви.

И однажды Гвидион, брат его, сурово взглянул на него и сказал:

— Хэй, царь, — сказал он, — что случилось с тобою? Отчего печаль и бледность на лице твоём?

— Государь братец, — отвечал Гильваэтли, — что бы ни случилось со мною, не стоишь мне говорить об этом.

— Почему так? — спросил Гвидион.

— Ты знаешь, — был ответ, — что Мат, сын Матонви, слышит все, о чем говорят люди; даже слово, сказанное шепотом, донесет до него ветер.

— Хэй, брат, можешь не говорить дальше. Я знаю твою печаль — ты любишь Гоэвин.

И вместо ответа Гильваэтли лишь тяжело вздохнул.

— Не беспокойся, друг, — сказал Гвидион, — и будь с добрым сердцем: я добуду тебе любовь этой девушки.

И с тем пошли они к Мату, сын Матонви.

— Государь, — сказал Гвидион, — слышал я, что появился на юге создания, коих прежде не знал этот Остров.

— Как же они называются? — спросил Мат.

— *Хобей*, государь.*

— И что же это за существа?

— Это небольшие животные, государь, и мясо их вкуснее мяса быка.

— Кому принадлежат они?

— Придери, сыну Нуйлла, государю Юга. Они присланы из Ангуна королем Аравном в память о его дружбе с отцом короля Придери.

— Хэй, — сказал тогда Мат, — хочется мне попробовать мяса этих удивительных тварей.

— Хорошо, государь, — сказал Гвидион, — для тебя отправлюсь я с одиннадцатью друзьями под видом бардов в земли Юга, и не вернусь без этих свиней.

— Прекрасно, — сказал Мат, сын Матонви, — ступай же этой дорогой.

И Гвидион отправился в Кередион, и с ним Гильваэтли и еще десять воинов; и пришли они в место, что зовется сейчас Риддлан Тэйви; там был тогда двор Придери. Под видом бардов вошли они в замок, и их пригласили к пирушественному столу, и Гвидион сидел той ночью рядом с Придери.

И они пировали, и сказал Придери, что хочет послушать, как барды Гвидиона рассказывают сказания и сказки.

— Вождь, — отвечал ему Гвидион, — есть такой обычай, что когда приходят барды ко двору знатного человека, то в первую ночь рассказ ведет старший из них.

— Хорошо, — сказал Придери, — пусть будет так.

И тогда Гвидион стал говорить истории и сказки; и был он лучшим рассказчиком во всем мире. И всю ночь развлекал он двор Придери чудесными сказками, и закончив, так обратился он к хозяйну:

— Скажи, государь, мог ли кто-нибудь сделать мое дело лучше меня?

— Нет, — сказал Придери, — воистину, ты лучший из сказочников, что посещали мой двор, и язык твой — великоленен.

— Тогда исполни мою просьбу: дай мне тех животных, что присланы тебе из Аннуна.

— Ничего не было бы проще, — сказал Придери, — если бы не был я связан словом: пока не размножатся эти животные так, что число их увеличится вдвое, ни одно из них не будет подарено или продано мною.

— Государь, — сказал Гвидион, — я смогу освободить тебя от твоего слова. Так поступи сейчас: не даруй мне своих свиней, и не отказывай мне; утром же я покажу тебе достойную замену для них.

И той ночью Гвидион и его спутники собрались в отведенных им палатах, чтобы держать совет. И тогда обратился Гвидион к своему искусству, и сотворил магию. И своей магией создал он двенадцать прекрасных жеребцов и двенадцать борзых, и каждая из них была черной с белой грудью, в ошейнике из чистого золота и с отделанным золотом поводком; жеребцы же были под чудесными золотыми седлами и с поводьями и уздечками, изукрашенными так же, как поводки собак. И после того сотворил еще Гвидион двена-

дцать золотых щитов; и все это сделал он из грибов-поганок.

И на следующее утро с собаками и жеребцами пришел Гвидион к Придери.

— Государь, — сказал он, когда Придери приветствовал его, — вот способ освободить тебя от сказанных тобою слов. Ты не можешь продать или подарить мне своих свиней, но — вот — пред тобою то, что гораздо лучше их. И ты можешь обменять несколько свиней на этих двенадцать прекрасных жеребцов, и двенадцать борзых, вместе с их седлами, поводьями, ошейниками и поводками, столь чудесно изукрашенными золотом, и с двенадцатью золотыми щитами в придачу.

Тогда Придери созвал своих советников, и вместе решили они совершить обмен, предложенный Гвидионом. И Гвидион, получив свиней, удалился с друзьями своими из королевского чертога.

— Хэй, мои brave парни, — сказал он, — в спешке должны мы покинуть земли Придери, сына Нуылла, ибо лишь один день будут держаться сотворенные мною чары.

И той же ночью покинули они нагорья Кередигона, и вышли на дорогу в Гвинедд. И когда прошли они часть пути, так сказал Гвидион своим людям:

— Друзья, погоня за нами.

И тогда остановились они в одном из княжеств Мата, сына Матонви, и построили там высокий загон для свиней; и, оставив там животных, налегке двинулись они далее. И потому названо то место Крайврын.*

И вскоре прибыли они в Каэр Датил, ко двору короля Мата.

— Какие новости? — спросил Гвидион у королевских людей.

— Придери, — отвечали ему, — поднял двадцать и одно княжество в погоно за вами.

— Так, — сказал Гвидион и пришел в покои Мата, и приветствовал его.

— Где же животные, за конми ходил ты в Кередион? — спросил его король.

И Гвидион рассказал ему, где построили они загон для свиней. И тогда Мат со своими людьми отправился в то место; и Гвидион с братом своим Гильваэгни пошел с ними, но с полдороги вернулся в Каэр Датил. И той ночью спал Гильваэгни с Гоэвиц на постели Мата, сына Матонви; и девушка не хотела того, но была приведена к нему против воли.

А когда увидел следующий день рассвет, вернулся Мат со своими людьми, и Гвидион с Гильваэгни пришли к нему; и вместе стали они держать совет, где встретить им Придери с воинами Юга. И было решено ждать Придери там, где сходятся земли Мэнавр Бенардд и Мэнавр Коэд Алш.

И когда пришел Придери, чтобы сразиться с ними, встретили его воины Гвинедда, и была там великая битва, и большое кровопролитие, и воины Юга отступили. Мат гнал их до Дол Бенмаэи, и там Придери не просил перемирия и дал Мату двадцать и четыре заложника — сыновей знатных воинов. Потом послал он гонцов к королю Гвинедда, и те, придя к Мату, сказали ему так:

— Государь, незначем губить стольких людей; пусть спор Юга и Севера решится поединком. Было бы справедливо, если бы выступил против Придери тот, кто причинил ему такое зло и обиду.

— Хэй, — сказал тогда Мат, — клянусь Богом, если захочет Гвидион, сын Дон, сразиться с кем бы то ни было, не стану я чинить тому препятствий. Но никто не будет вместо меня драться за Гвинедд, пока сам я могу сражаться. И я сам выступлю против Придери, сына Пуйлла.

И послы принесли этот ответ своему государю.

— Хэй, — сказал Придери, — пусть будет так.

И они снаряжились и сошлись для боя. И силой и доблестью, и чарами Гвидиона, победил Мат, сын Матонви; и Придери был убит. У Маэи Тыриог погребли его тело, и там находится его могила.

Воины же Юга в печали отправились в свои земли; и печаль их неудивительна, ибо потеряли они своего государя, и много славных воинов, и лошадей, и оружия.

Люди же Гвинедда возвращались от Дол Бенмаэи в радости и ликовании, освободив заложников, чтобы могли они вернуться в земли Юга.

Мат со своими людьми направился в Каэр Датил; Гильваэгни же, сын Дон, со своей дружиной начал объезд земель Гвинедда, и Гвидион, сын Дон, с ними. И вот пришел Мат в свои палаты, и возлег на ложе, и велел позвать его девушку, чтобы положить свои ноги ей на колени.

— Государь, — сказала Гоэвиц, входя в палаты, — ищи новую девушку, чтобы держала она на коленях твои ноги. Я — жепщина.

— Как так? — спросил Мат.

— Насилье было совершенно надо мною, когда отсутствовал ты и твои люди. Твои племянники, сыновья твоей сестры приходили сюда: Гвидион и Гильваэтли. И последний спал со мною в твоём замке на твоей постели.

— Хэй, — сказал Мат, — что могу, я сделаю: сначала возмещение для тебя, а потом я найду способ возместить урон и для своей чести. Тебя же сделаю я своей женою, и власть над моим королевством дам в твои руки.

Тем временем Гильваэтли со своей дружиной совершал объезд земель Гвинедда, и вот получили они приказ от Мата не есть и не пить. И спустя некое время пришли они в Каэр Датил.

— Государь, — сказали они, — да будет тебе добрым сей день.

— Хэй, — сказал Мат, сын Матонви, — пришли ли вы возместить мне мое бесчестие?

— Мы в твоей власти, государь, — отвечали они.

— Но не в моей власти обратить содеянное зло в добро. И теперь я налагаю на вас наказание.

И он поднял свой волшебный жезл и ударил им Гильваэтли; и тотчас обратился Гильваэтли в оленуху. Тогда ударил Мат своим жезлом Гвидиона, бывшего там же, и обратился Гвидион в оленя. И тогда сказал им Мат, сын Матонви:

— От сего дня ходить вам вместе в таком обличье ровно год. И за это время родится у вас ребенок. И спустя год возвращайтесь ко мне.

И ровно через год услышал Мат, пребывая в

своих палатах, шум во дворе замка, и лай собак. И он поднялся со своего ложа и вышел во двор, и там увидел оленя, и оленуху, и крепкого олененка с ними.

— Хэй, — сказал Мат, — тот из вас, кто был этот год оленухой, станет диким боровом, а тот, кто был оленем, станет дикой свиньей.

И он ударил их своим волшебным жезлом, и оленуха обратилась в дикого борова, а олень — в дикую свинью.

— А вот мальчика, — сказал Мат, — я заберу, и буду воспитывать, и дам ему имя.

И он ударил детеныша волшебным жезлом, и тот обратился в красного мальчика с чудесными каштановыми волосами. И имя, которое дал ему Мат, было Хыддун.*

— Что же до вас, — сказал Мат борову и свинье, — быть вам в таком обличье ровно год от сего дня. Ступайте и через год возвращайтесь, вы и ваш ребенок.

И ровно через год услышал Мат, пребывая в своих палатах, шум во дворе замка, и лай собак. И он поднялся со своего ложа и вышел во двор, и увидел там трех зверей. И были те звери: дикий боров, и дикая свинья, и крепкий юный поросенок с ними.

— Хэй, — сказал Мат, — тот из вас, кто был этот год диким боровом, станет волчицей, а тот, кто был дикой свиньей, станет волком.

И он ударил их своим волшебным жезлом, и дикая свинья обратилась в волка, а дикий боров — в волчицу.

— А мальчика, — сказал Мат, — я заберу, и буду воспитывать, и дам ему имя.

И он ударил детеныша волшебным жезлом, и тот обратился в красивого мальчика с чудесными капитановыми волосами. И имя, которое дал ему Мат, было Хыхдун.*

— Что же до вас, — сказал Мат волку и волчице, — быть вам в таком обличе ровно год от сего дня. Ступайте и через год возвращайтесь, вы и ваш ребенок.

И ровно через год услышал Мат, пребывая в своих палатах, шум во дворе замка, и лай собак. И он поднялся со своего ложа и вышел во двор, и увидел там трех зверей: волка, и волчицу, и спящего, стройного волчонка.

— Хэй, — сказал Мат, — этого мальчика я заберу, и буду воспитывать, и дам ему имя. И он ударил детеныша волшебным жезлом, и тот обратился в красивого мальчика с чудесными капитановыми волосами. И имя, которое дал ему Мат, было Блэйддун.*

И после того ударил он своим волшебным жезлом волка и волчицу, и приняла Гвидион и Гильваэвн свой собственный облик.

— Вожди, — сказал тогда Мат, — вы долго несли свое наказание, и великий позор на вас. Я думаю, достаточно того, что было сделано; и я возвращаю вам мир между нами, и мою дружбу. Теперь же дайте мне совет: какую девушку взять мне, чтобы держала она на коленях мои ноги?

— Государь, — сказал Гвидион, — проще простого дать тебе такой совет. Возьми Арианрод, дочь Дон, твою племянницу, дочь твоей сестры.

И Арианрод была вызвана к Мату, сыну Матонви, и она пришла к нему.

— Девушка, — сказал Мат, — ты девушка?

— Не знаю я ничего, кроме того, что я есть, — отвечала Арианрод.

— Хэй, — сказал Мат, — переступи через это, и я буду знать, девушка ты или нет.

И он опустил к земле свой волшебный жезл, и Арианрод переступила через него; и тогда выпал из нее чудесный мальчик с густой желтой шевелюрой.

— Хэй, — сказал Мат, сын Матонви, — и этому ребенку я тоже дам имя.

И он нарек его именем Дилан, и как только было дано мальчику имя, как сразу направился он к морю, и потому назвали его Дилан Эйль Тош, что значит “сын морской волны”. И всю свою жизнь он плавал, как рыба, и никогда волны не разбивались под ним, и море не причиняло ему никакого вреда.

Арианрод же велела уходить прочь из Каэр Датил, и она ушла; но когда подходила она к дверям того покоя, уронила она нечто маленькое, и прежде, чем кто-либо успел заметить это, Гвидион подхватил это, и обернул в шелк, и спрятал. А после того он унес сверток в свои комнаты и спрятал там в сундуке, стоявшем в изножье его постели.

И вот однажды ночью проснулся Гвидион от плача и крика, что исходил из этого сундука. И он поднялся и открыл сундук, и увидел там младенца, вытягивающего ручки из-под шелковой

простыни. И Гвидион взял младенца и пошел с ним в город, где нашел для него кормилицу. И когда прошел с того дня год, мальчик вырос так, что казался двухлетним ребенком; а к концу второго года он был уже достаточно взрослым, чтобы самому прийти ко двору Гвидиона. Гвидион же очень полюбил мальчика, и заботился о нем, и называл его своим сыном, и мальчик отвечал ему любовью. Когда же исполнилось мальчику четыре года, он стал уже подростком, и ни один ребенок восьми лет не превосходил его ростом.

И вот однажды отправился Гвидион в Каэр Арианрод* навестить Арианрод, сестру свою, и мальчик пошел вместе с ним. И когда пришел Гвидион к воротам замка, вышла Арианрод, чтобы встретить его, и поприветствовать, и пригласить в палаты.

— Блага и удачи тебе, — сказал ей Гвидион.

— А что это за ребенок с тобою? — спросила его Арианрод.

— Это мой сын, — отвечал Гвидион.

— А как зовут твоего сына? — спросила она.

— У него еще нет имени.

— Хорошо, — сказала Арианрод, — ты опозорил меня перед Матом, сыном Матонви, и теперь я налагаю заклятие на этого мальчика, что никогда не сможет он получить имени, кроме как от меня. Я же никогда не сделаю этого.

— Клянусь Богом, — сказал Гвидион, — ты злая жестокая женщина, но у мальчика все равно будет имя, как бы не было тебе это досадно.

И он отвернулся в гневе, и вместе с мальчиком отправились они в Каэр Датил, и там остались на ночь.

А на следующее утро пошел Гвидион вместе с мальчиком на берег моря между Каэр Датил и Абер Менеп. И там сотворил он чары, и магией своей сделал из морских водорослей прекрасную ткань удивительной расцветки; и никто не мог бы сказать, что видел когда-нибудь материну, более прекрасную, чем эта. И после того наложил Гвидион чары на себя и на мальчика, так что невозможно было узнать их.

И с тем поднялись они на корабль и отплыли в сторону Каэр Арианрод, и, причалив к берегу под стенами замка, принялись шить из их чудесной материи туфли.

И вот Арианрод увидела их из своего окна и велела слугам сходить на берег и посмотреть, что они там делают. И слуги спустились к морю и, вернувшись, рассказали Арианрод о том, что они видели.

— Хорошо, — сказала Арианрод, — снимите мерку с моей ноги, и отнесите им, и попросите их сделать мне туфли из этой чудесной ткани.

И Гвидион с мальчиком сшили ей туфли, но не по мерке, а больше. И когда слуги принесли эти туфли Арианрод, все увидели, что они были ей велики.

— Эти туфли слишком большие для меня, — сказала Арианрод, — мы заплатим за них, но пусть они сделают другую пару, помельше.

И Гвидион сделал другую пару туфель, на этот раз меньше, чем нужно, и отослал заказ в замок.

— Передайте же этим мастерам, — сказала тогда Арианрод, — что и эти туфли мне не подходят.

И когда Гвидиону сказали эти слова, отвечал Гвидион, что не будет делать ей туфель, пока сам не снимет мерку. И Арианрод, услышав этот ответ, сама спустилась к морю.

— Доброго дня вам, государыня, — сказал Гвидион, когда она приблизилась к их кораблю.

— Добро вам, — отвечала Арианрод, — удивлена я, что мастера не могут сшить туфли по готовой мерке.

— Да, я не мог, — отвечал Гвидион, — но теперь сделаю.

И вдруг маленькая птичка, которую называют крапивник, села на борт корабля. И мальчик поднял свой лук и выстрелил в нее, и стрела прошла между сухожилием и костью. И Арианрод, увидев это, воскликнула:

— Вотстинну, ловкой рукой была пущена эта стрела!

Хэй! — воскликнул тогда Гвидион, — ты будь проклята, а у мальчика есть теперь имя, и это доброе имя. Отныне и впредь будет зваться он Ллей Ллау Гифе.*

И тогда исчезла вся их работа, и превратилась в водоросли; и Гвидион и мальчик приняли их собственный облик.

— Ох, — сказала изумленная Арианрод, — что вам хорошего в том, чтобы так вредить мне?

— Но я не сделал тебе ничего плохого, — сказал Гвидион.

— Так, — вскричала тогда Арианрод, — новое заклятие налагаю я на этого мальчика — никогда не будет он носить оружие, до тех пор, пока я сама не вооружу его.

— Бог свидетель мне, — сказал Гвидион, — ты поступаешь так только от своей злобы. Но мальчик все равно будет носить оружие.

И Гвидион с мальчиком отправились в Динас Диндлей.*

И там Ллей Ллау Гифе рос до тех пор, пока не стал достаточно большим, чтобы скакать на любом коне. И тогда Гвидион заметил, что мальчик томится желанием владеть оружием, и он призвал его к себе и сказал:

Парень, завтра мы отправимся в путь, чтобы сделать одно важное дело, так постарайся же выглядеть веселее, чем сейчас.

— Хорошо, — отвечал ему мальчик, — я сделаю так.

И утром следующего дня вышли они из замка, и пошли морским побережьем в сторону Брии Ариен, и на вершине Кевин Клин Тино сели они на коней и отправились в Каэр Арианрод. Изменив свою внешность, подъехали они к воротам замка в обличье двух молодых мужчин.

— Привратник, — сказал Гвидион, — пойдти и доложи, что пришли барды из Моргануга.

И привратник пошел к своей госпоже и сказал ей о том, что пришли барды. И Арианрод велела ему впустить их.

И Арианрод устроила большой пир, и украсила пиршественный зал, и накрыла столы. И когда с трапезой было покончено, она и Гвидион развлекали всех сказками и историями; и все восхищались тем, как хорошо рассказывает сказки Гвидион. Когда же закончился пир, слуги проводили Гвидиона и его сына в отведенные им покои.

А на следующий день Гвидион поднялся с первым петушиным криком, и сотворил свои чары. И к рассвету поднялась в замке страшная суета; трубачи трубы и люди в смятении бегали по двору. И вскоре в комнату Гвидиона и мальчика пришла Арианрод со служанкой.

— Вожди, — сказала она, — в недоброе время вы очутились здесь.

— Хэй, — сказал Гвидион, — и вправду, слышим мы звуки труб и голоса людей, но скажи нам, госпожа, что случилось?

— Воистину, — отвечала им Арианрод, — не видно моря из-за кораблей, спешащих сюда под всеми парусами. Что же нам делать?

— Государыня, — сказал Гвидион, — думаю я, что не остается нам ничего, кроме как закрыть ворота замка и защищать его, сколько хватит нам сил.

— Хэй! — сказала Арианрод. — Да поможет вам Бог. Готовьтесь к сражению, благо оружия и доспехов у нас достаточно.

И с этими словами отправилась она за оружием. И вот вернулась она, и с нею две служанки со всем оружием, необходимым для двух воинов.

— Государыня, — сказал тогда Гвидион, — помоги вооружиться этому юноше, а эти две служанки помогут вооружиться мне.

— С радостью, — сказала Арианрод, и обратилась к юноше.

И вскоре спросил Гвидион:

— Что, государыня, снаряжен ли этот юный воин?

— Да, — отвечала ему Арианрод.

— Я тоже, — сказал Гвидион, — ну а теперь можно снимать все эти доспехи, ибо более они не нужны нам.

— Как так? — воскликнула Арианрод. — Ведь множество кораблей спешит к стенам нашего замка!

— Женщина, — отвечал ей Гвидион, — там нет никаких кораблей.

И когда Арианрод взглянула на море, увидела она, что море чисто и нет на нем ни одного корабля. И тогда Гвидион вернул себе и юноше их собственный облик.

— Это были лишь чары, нужные для того, чтобы преодолеть то зло, что сделала ты моему сыну. — сказал Гвидион.

— Воистину, — сказала тогда Арианрод, — ты жестокий человек. И потому налагаю я на твоего сына новое заклятие: никогда не будет у него жены — ни из одного народа, что живут сейчас на земле.

— Хэй! — сказал Гвидион. — Видит Бог, ты злая женщина, самая злая из всех женщин, что жили когда-либо на земле; и никто не может совершить деяния более жестокого, чем то, что ты сейчас совершила. Но у этого юноши все равно будет жена.

И Гвидион с юношей покинули стены Каэр Арпапрод и направились к Мату, сыну Матонви, и поведали ему обо всем.

— Хэй, — сказал Мат, — давай попробуем ты и я — с помощью всей нашей магии сделать для него жену.

И они взяли цветы дуба, и цветы ракитника, и цветы лабазника, и из них сотворили жемчужину, самую прекрасную и очаровательную из всех, которых видели когда-нибудь смертные. И совершив те обряды, что были приняты в те времена, они дали ей имя, и это имя было Блодэйдд.*

И после того устроили они пир; и ночь после того пира провел юноша со своей новой женой. И тогда сказал Гвидион:

— Трудно вождю без земель содержать семью.

— Хэй, — сказал Мат, сын Матонви, — я дам ему самые лучшие из моих земель.

— Государь, — спросил юноша, — что же это за земли?

— Княжество Динодинг, — ответил Мат.*

И Ллей Ллау Гифе отправился в те земли со своей женой; и там, в горах над Ардидви, выстроил он замок, названный Мир Кастелл. И с тех пор стал он править землями Динодинга, и все были довольны его правлением.

И однажды отправился Ллей Ллау Гифе в Каэр Датил навестить Мата, сына Матонви. И после того как он ушел, жена его Блодэйдд услышала звуки охотничьего рога и увидела, выглянув в окно, пробежавшего мимо запряженного оленя, а за ним — собак и всадников.

— Пошлите кого-нибудь, — сказала Блодэйдд, — узнать, что это за люди.

И послали к охотникам мальчика, и когда спросил он у охотников, кто они, люди отвечали ему:

— Это охота Гроива Бебира, властелина Пепллина.

И мальчик передал это своей хозяйке.

Гроив продолжал погоню за оленем вдоль долины реки Кинваэл, и они достигли зверя и убили его. Тем временем стемнело, и приблизилась ночь. И когда Гроив проходит обратно мимо степ замка Ллей Ллау Гифса, сказала Блодэйдд своим людям:

— Должны мы пригласить этого вождя заочевать у нас, ибо иначе пойдет о нас дурная слава.

— Так, госпожа, — отвечали ей люди и отправились пригласить Гроива переночевать в Мир Кастелл.

И Гроив с радостью принял приглашение, а Блодэйдд сама вышла поприветствовать его.

— Государыня, — сказал Гроив, — Бог да возблагодарит тебя за твое гостеприимство.

И люди Гроива сменили свои одеяния и вышли в пиршественный зал. И Блодэйдд взглянула на него, и в тот же миг она поняла, что в сердце ее нет места, не занятого любовью к этому вождю. И когда Гроив пристально взглянул на нее, и та же мысль пришла ему в голову. И не мог он скрывать свою любовь к Блодэйдд, и тотчас же сказал ей об этом. Сердце ее наполнилось ликованием, и их беседа той ночью была полна страсти и любви. И за пиршественным столом Гроив обнял Блодэйдд, и той ночью спали они вместе.

А на следующий день решил Гронв покинуть Мир Кастелл.

— Воистину, — сказала тогда Блодэйдд, — не можешь ты оставить меня одну следующей ночью.

И эту ночь они снова были вместе; и мысли их были о том, как им быть вместе всегда.

— Нет другого совета тебе, кроме такого, — сказал Гронв, — разузнай у мужа, как можно убить его, сделай это под предлогом заботы и беспокойства о нем.

И на следующий день снова решил Гронв уехать.

— Воистину, — сказала ему Блодэйдд, — мой совет тебе — не оставлять меня сегодня.

— Пусть будет так, — сказал Гронв, и остался еще на одну ночь.

И на следующий день собрался он уезжать, и Блодэйдд более не задерживала его, ибо была опасность, что вернется ее муж. И уезжал, сказал ей Гронв, чтобы она не забыла его слова, и Блодэйдд обещала ему сделать все, как он сказал.

И этой ночью вернулся домой Ллей Ллау Гифе, и следующий день провели они за пиршеством и разговорами. Когда же пришла ночь, и Ллей Ллау Гифе и Блодэйдд отправились спать, увиделись хозяин, что жена его грустна и не отзывается на его вопросы.

— Что с тобою? — спросил он.

— Я думаю о печальном, — отвечала ему Блодэйдд, — я боюсь, что тебя могут убить раньше, чем я умру.

— Хэй, — воскликнул Ллей Ллау Гифе, — Бог да воздаст тебе за твою заботу. Но если он сам не призовет меня к себе, то меня не так-то просто будет убить.

— Как так? — спросила Блодэйдд. — Расскажи мне.

— С радостью, — сказал Ллей, — меня можно убить только копьём, которое специально для этого делали ровно год. Меня нельзя убить ни когда я в доме, ни когда я во дворе. Меня нельзя убить, когда я следую пенкэм, и меня нельзя убить, когда я еду на коне.

— Хэй, — сказала Блодэйдд, — тогда тебя убить невозможно.

— Воистину, возможно.

— Как же?

— Расскажу тебе с радостью. Нужно приготовить котел на берегу реки и сделать над ним сводчатый купол. Потом нужно привести козла и поставить его рядом с котлом. И тогда, если я встану одной ногой на спину козла, а другой — на край котла, и если в это время кто-то метнет в меня такое копьё, о каком я говорил, то все это приведет к моей смерти.

— Воистину, — сказала Блодэйдд, — хвала Господу, что все это так сложно сделать и так легко этого избежать.

И вскоре после того передала она Гронву, правителю Пенллина, то, что услышала от мужа. И тогда Гронв принялся делать копьё, чтобы убить Ллей Ллау Гифе, и ровно через год было оно готово. И тогда приехал он в княжество Дишодинг, и сообщил Блодэйдд, что копьё изготовлено.

Тогда пришла Блодэйд к своему мужу с такими словами.

— Государь, — сказала она, — интересно мне было бы видеть, как может выглядеть то, о чем ты когда-то рассказывал мне. Не покажешь ли ты мне, как должен ты стоять на козле и котле, чтобы можно было убить тебя?

— Хорошо, — сказал Ллей Ллау Гифе.

Тогда Блодэйд послала за Гронвом и велела ему быть на берегу реки под защитой холма, что зовется теперь Брин Гьвергир. И после того она приготовила котел, и навес над ним, и козла. И на следующий позвала она мужа на берег реки.

И по ее просьбе он встал одной ногой на котел, а другой — на спину козла. И тогда вышел из-за холма Гронв, и встал на одно колено, и метнул в Ллей Ллау Гифеа свое копьё. И копьё пронзило его, и удар был столь силен, что древко копья осталось снаружи, а наконечник — внутри тела. И тогда Ллей Ллау Гифе обернулся в орла, и взлетел, и издал ужасный пронзительный крик. И с тем он исчез.

А Блодэйд и Гронв отправились в замок, и в ту ночь спали они вместе. И на следующий день Гронв подчинил себе земли Элей, и правил с тех пор и Пенллином и Ардидви.

И вскоре вести об этих событиях дошли до Мата, сына Матонви, и тяжкое горе наполнило его душу. Но горе Гвидиона было еще больше.

— Государь, — сказал он, — не будет мне ни минуты отдыха, пока не получу я известий о моем сыне.

— Хэй, — сказал Мат, — ступай, и пусть Бог придаст тебе силы.

И Гвидион покинул Каэр Датил, и отправился в долгий и тяжкий путь; и он вдоль и поперек не ходил многие земли в поисках своего сына.

И вот однажды пришел он в Арвоп, и остановился на ночлег в доме одного крестьянина. И поздно вечером, когда все остальные давно уже были дома, пришел молодой свинопас, и хозяин дома спросил его, вернулась ли его свинья. И тот отвечал, что она только что зашла в свишарник.

— Куда это путешествует ваша свинья? — спросил Гвидион.

— Каждое утро, — отвечали ему, — едва открывают ворота хлева, она убегает и исчезает на весь день, и никто не может уследить за ней.

Тогда Гвидион попросил свинопаса, чтобы на следующий день тот разбудил его раньше, чем откроет хлев.

— Охотно, — сказал свинопас.

И на следующий день рано утром он разбудил Гвидиона, и, когда тот встал у ворот хлева, открыл ворота. И тотчас выскочила из хлева свинья, и побежала прочь, и Гвидион последовал за ней. А свинья бежала вверх по реке и остановилась под деревом в некой долине. И там она стала кормиться, подбирая что-то с земли, и когда Гвидион подошел поближе, он увидел, что она ест гнилое мясо и личинок мух. И Гвидион глянул на вершину дерева и увидел сидящего там орла; и когда орел стряхивал с себя червей и мух, с него падала гнилая плоть, и свинья пожирала ее.

И Гвидион понял, что видит Ллей Ллау Гифса. И тогда пропел он такой энглин:

Растет дуб между двух озер,
Меж долиной и мрачным небом,
И если я не ошибаюсь,
Из-за цветов Ллей все и случилось.*

И когда пропел он свое заклинание, орел спустился до середины дерева. Тогда пропел Гвидион другой энглин:

Растет дуб на высокой равнине,
Ни дождь не мочит его, ни жара не плавит,
Девятью двадцать тягот вынес
На вершине его Ллей Ллау Гифе.

И после этого заклинания орел спустился еще ниже, и сидел уже на самой нижней ветке дерева. И тогда Гвидион пропел последний энглин:

Растет дуб над крутым обрывом,
Убежище прекрасного лорда;
И если я не ошибаюсь,
Ллей сядет ко мне на колено.

И тогда орел слетел с дерева, и опустился на колено Гвидиона. И Гвидион коснулся его своим волшебным жезлом, так что принял он свой прежний облик. И никто из смертных не видел человека в более жалком виде, чем был у Ллей Ллау Гифса.

И они отправились в Каэр Датил, и самые лучшие врачи Гвинедда собрались там и ухаживали за сыном Гвидиона, и раньше, чем кончился год, был он здоров. И тогда пришел он к Мату, сыну Матонви.

— Государь, — сказал он, — пришло время возмездия тем, кто был причиной моих страданий.

— Воистину, — ответил Мат, — я не стану мешать тебе.

И они собрались и поехали в Ардидви, и Гвидион следовал спереди всех. Заслышав об их приближении, Блодэйдд взяла своих служанок, и вместе с ними укрылась в горах над рекой Кннвалл; но все они пребывали в постоянном страхе перед гневом Гвидиона и его сына, так что оглядывались на каждый порох. И оттого они спотыкались на горных тропах, и падали в реку, и одна только Блодэйдд осталась в живых. И Гвидион наступил ее, и сказал ей так:

— Я не убью тебя, — сказал он, — то, что я сделаю, будет хуже смерти. Никогда не осмелишься ты показать свое лицо при свете дня, и все будут бояться тебя, и в вечной вражде со всеми пребудешь ты до конца своих дней. Я сделаю тебя совой, и отныне имя твое будет — Блодэйвэдд.

Блодэйвэдд — это “сова” на языке нашего времени. И со времен заклатья, совершенного Гвидионом над Блодэйдд, все птицы враждуют с совой, и сова до сих пор зовется Блодэйвэдд.*

А Гронв Бебир сбежал в свои владения в Пенлинне и оттуда отправил гонцов к Ллей Ллау Гифсу, чтобы предложили они землю, и золото, и серебро за причиненную обиду.

— Клянусь Богом, не будет так, — сказал им Ллей Ллау Гифе, — пусть Гронв встанет на то

место, где стоял я, когда он пронзил меня своим копьём, а я встану туда, где стоял он. И я сам метну в него копьё, так же, как сделал он. И это самое меньшее, что могу я принять как возмещение за причиненное мне зло.

И гонцы передали это Гронву.

— Хэй, — сказал он, — я должен сделать это.

И после того он обратился к своим друзьям, и к воинам своей дружины, и к своим молочным братьям, и спросил у них, готов ли кто-нибудь принять этот удар вместо него.

— Воистину, никто, — отвечали воины; и поскольку все они отказались принять удар за своего вождя, зовутся они с того дня Одной из Трёх Вероломных Дружин на Острове Могущества.

— Так, — сказал Гронв, — я сам приму удар.

И вместе с Ллей Ллау Гифсом пришли они на берег реки, и Гронв встал на то место, где стоял Ллей, когда Гронв пронзил его копьём, а Ллей встал на его место у холма. И тогда Гронв попросил Ллей Ллау Гифса:

— Вождь, то, что сделано мною, сделано из-за женских чар, и именем Бога я прошу тебя: позволь мне поставить между мной и твоим ударом камень, что лежит на берегу реки.

— Воистину, — сказал Ллей Ллау Гифс, — я не откажу тебе.

— Бог да возблагодарит тебя за это.

И Гронв взял камень и поставил его между собой и ударом. И Ллей метнул в него копьё; и копьё пронзило камень и пронзило Гронва, так что вышло у него из спины. И так умер Гронв Бебир, властитель Пенланна. А камень тот и по сей час

стоит на берегу реки Кинваэл в Ардидви, и в нем — дыра от копыя Ллей Ллау Гифса. И потому до сих пор зовется этот камень Ллах Ронв.*

И после того Ллей Ллау Гифс вернул себе все земли княжества Динодинг в Ардидви, и долго и благополучно правил. А после смерти Мата, сына Матошви, был он королем всего Гвинедда.

И НА ТОМ ЗАВЕРШАЕТСЯ

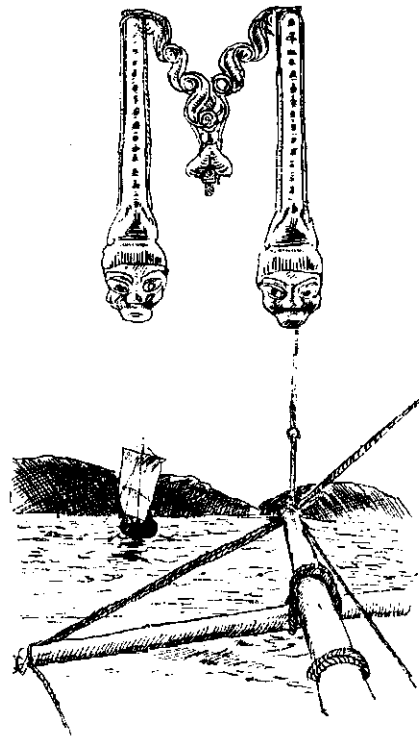
ПОСЛЕДНЯЯ ВЕТВЬ МАГИИ.

КРУГ АРТУРА

Сон Максена Вледига

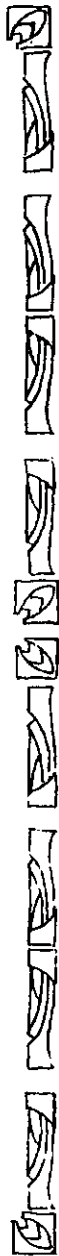
Максен Вледиг* был Императором Рима, это был красивый и мудрый мужчина, словно рожденный для императорского сана.

Однажды рано утром выехал он со своей многочисленной свитой на охоту и остановился на берегу реки, что бежала по направлению к Риму. До полудня охотился Император в живописной долине, и тридцать два короля со своими слугами и воинами охотились вместе с ним.

Высоко в небе ярко сияло солнце, и жарок был лесной воздух. И вот сладкий сон окутал Императора, и воины окружили его своими щитами, дабы защитить его от палящих лучей солнца, а остальные участники охоты расположились вокруг, согласно занимаемому каждым положению. И так мудрый Максен крепко уснул.

И видел он удивительный сон. Снилось ему, что шел он вдоль речной долины. И увидел он величественную гору - самую высокую гору во всем мире. Белые облака закрывали ее вершину, уходящую высоко-высоко в небеса; и когда поднялся он на гору, и оказался на другом ее склоне, предстала его взору красивейшая равнина, какую когда-либо видел смертный. Еще увидел Император широкие реки, что начинали свой путь в горах и впадали в море. И отправился он в путешествие по реке, и долгим был путь его, так что добрался Император до устья той реки. А на берегу стоял величественный город, и в городе был прекрасный замок со множеством башен. И еще на реке стоял флот, и это был самый огромный флот, который когда-либо видел человек. И один корабль красотою выделялся среди всех остальных; борта его были выложены серебряными пластинами, а одна была золотая. Мост слоновой кости соединял судно с землей, и по нему взшел Максен на корабль.

И тогда поднялся на корабле паруса, и поплыл он в дальние края, пересекая море и океан. И после долгих странствий прибыл Император на остров - самый замечательный во всем мире. Он прошел его от начала и до конца, увидел долины

и скалы, и каменные россыпи, и зеленые поля. Окинув взором морскую гладь, увидел Император еще один маленький островок, и между ним и большой землей был горный хребет, поросший деревьями. И еще увидел Максен речку, что рождалась в горах и закапчивала свое течение в море, и на ее берегу стоял прекрасный замок, и ворота его были открыты.

И войдя в замок, увидел Максен великолепную залу. Двери и потолки были там из чистого золота, и сверкали на стенах драгоценные камни, одни прекраснее другого. Большой стол с серебряной столешницей и золотые ложа украшали ее. Двое прекрасных юношей с золотисто-каштановыми волосами возлежали на одном из них и играли в гвиддбуйлл.* Их одежды были из чисто черного парчового шелка, а волосы поддерживали золотистые ленты, расшитые сверкающими драгоценностями; рубины перемежались самоцветами и другими великолепными камнями.

А неподалеку от одной из колонн, в кресле из слоновой кости, сидел величественный старец. На руках у него было много колец, и золотая цепь обвивала шею, и поддерживала седые волосы золотая лента. Весь вид его говорил о благородстве и величии. Золотой стол с гвиддбуйлл стоял перед ним, а в руках он держал скипетр из черного золота — символ власти.

Напротив старца, в кресле из красного золота, сидела девушка. Столь прекрасна была она, что невозможно было отвести от нее взор; казалось, красота ее излучала некое необыкновенное сияние. Одежды из белого шелка и плащ из злато-

тканой парчи, который застегивался золотой брошью, придавал еще больший блеск ее облику. В роскошные длинные косы были вплетены шелковые ленты, расшитые великолепными камнями, а на руках сверкали браслеты из красного золота с изумрудами невиданной красоты. Это было самое прекрасное зрелище, какое когда-либо приходилось видеть Императору.

И вот красавица поднялась и пошла навстречу Максену, и они взглянули друг другу в глаза и сердца их затрепетали от налетевшего чувства. И тогда Максен положил руки свои ей на плечи, и она подвела его к своему креслу и усадила вместе с собой.

Крепко обнявшись, сидели они, приклонив щеку к щеке, но вдруг, откуда ни возьмись, в зале появились воины с копьями в руках и со сворой бойцовых собак. Мгновенно они окружили Императора и его прекрасную возлюбленную...

И в тот же миг пробудился Максен от своего сна. И к удивлению своему, нигде не видел он девушку; не было и прекрасного замка с его великолепием и роскошью. И грусть посетила сердце Императора, оттого что разлучили его с прекрасной девой, которую он уже полюбил всем сердцем.

И тогда вскочил Максен на своего коня и поехал в Рим; и на всем белом свете не было человека печальнее и несчастнее его. Всю следующую неделю грусть не покидала Императора. Его свита всячески пыталась отвлечь своего повелителя от грустных дум. Великие празднества и

всевозможные развлечения устраивали они; но ко всему оставался он безучастен. Больше всего Император мечтал уснуть и в своих снах вновь увидеть прекрасную девушку, которую полюбил больше всего на свете. А когда он не спал, то грезил ею наяву. И грусть его была безутешна; и не знал он, где искать ему даму своего сердца.

Но однажды один из его подданных осмелился заговорить об этом с мудрым Максеном.

— Повелитель, — сказал он, — прости, что обращаюсь к тебе с этой речью, но все обеспокоены твоим здоровьем. Что с тобою? Ты стал совсем другим. Не веселишься вместе с нами, не отвечаешь на вопросы. Скажи, что гнетет тебя, и, быть может, сможем мы чем-то помочь тебе.

— Друг мой, ты говоришь, что я болен, — ответил Император, — пожалуй, ты прав. Собери отовсюду самых мудрых мужей, и я расскажу вам о своей печали.

И вот со всего света созвали к Императору мудрецов, и держали они совет.

— О мудрейшие из мудрейших! — сказал Император. — Вы все познали в этом мире. Я расскажу вам о своей тоске, а вы, в свою очередь, скажете, как мне быть. Я видел сон, и привиделась мне чудная дева. Подобно солнцу, ослепила меня ее красота, и я полюбил ее. С тех пор я потерял покой, и нет мне жизни без моей прекрасной возлюбленной.

— Повелитель, — отвечали ему мудрецы, — ты собрал нас, дабы мы дали совет тебе; вот он: в течение трех лет посылай гонцов в трех направлениях, и пусть ищут они девушку, которую ты ви-

дел во сне. Пройдут дни и ночи, и если надежда поддержит тебя в ожидании, то хорошая новость придет непременно.

И Максен сделал так, как сказали ему мудрые старцы. Целый год посланники ездили по свету, ища возлюбленную Императора. Но их поиски не увенчались успехом, и когда вернулись они в Рим, так и не смогли рассказать своему повелителю ничего утешительного. И вновь грусть поселилась в сердце Максена, и потерял он всякую надежду увидеть девушку, которую любил больше всего на свете.

А на следующий день пришел к нему один из королей Рима и сказал так:

— О мой повелитель, выслушай меня. Я думаю, что ты должен поехать туда, где видел ты свой чудесный сон, и там рассказать своим гонцам о том, что тебе приснилось.*

Максен послушался совета и в тот же день собрал свою свиту и отправился на берег реки, где была охота.

— Это было здесь. На берегу этой реки я спал и видел мой чудный сон, — сказал Максен и поведал о приснившемся ему подробнее.

И вслед за тем тринадцать воинов отправились по поручению Императора искать его мечту. Они поднялись вверх по реке и прошли, спустя некое время, к высокой горе. Она была столь высока, что вершина ее терялась в синеве неба. И путники обошли гору, и взорам их открылась прекрасная широкая равнина, нестриженная разноцветием трав.

— Смотрите! — воскликнули посланники. — Да ведь это та земля, которую наш Император видел во сне!

Увидели они и реки, берущие начало в горах и впадающие в море; и соорудив лодку, поплыли они по реке и добрались до ее устья — такого громадного, что не сразу смогли охватить его взором. И там на берегу реки стоял город, и в том городе был чудесный замок со множеством прекрасных башен. Еще увидели они огромный флот, стоящий на реке, и корабль, сияющий на солнце, который был краше других.

— Смотрите! Смотрите же! — в изумлении кричали гонцы. — Все это Император Максен видел во сне, а мы видим это своими глазами!

Вслед за этим поднялись они на прекрасный корабль, пустились в путь по морю и добрались до Острова Британии.* И они пересекли Остров и доехали до земли Эрыри.

— О чудо! — еще раз воскликнули воины. — Ведь эту землю Максен видел во сне!

И они направились дальше, и увидели Мон, а потом и Арвои.*

— Взгляните же, — снова воскликнули они, — это та земля, что приснилась Императору!

И они увидели Абер Сэйнт* и замок, стоящий на берегу реки. Через распахнутые ворота вошли путники внутрь и лицезрели громадную залу; и двое юношей возлежали на золотом ложе и играли в гвиддбуйлл, и седовласый старец сидел в кресле из слоновой кости, и прекрасная юная леди отдыхала в кресле из красного золота.

И тогда опустились гонцы на колени.

— Приветствуем тебя, о Императрица Рима! — воскликнули они.

— Добрые путники, — сказала девушка, — я вижу на вас знаки, свидетельствующие о вашем высоком происхождении и значки, говорящие о том, что вы посланники. Но скажите, чем же я заслужила вашу немилость, что вы сместесь надо мной?

— Мы не смеемся, о прекраснейшая из женщин. Император Рима Максен Вледиг видел тебя во сне и полюбил всем сердцем. Он послал нас, чтобы найти тебя. Пойдем с нами, и будешь ты Императрицей Рима.

— О славные мужи, — ответствовала красавица, — я несколько не сомневаюсь в ваших словах, но все же, если Император ваш действительно любит меня и хочет на мне жениться, то пусть сам он придет за мной.

Днем и ночью мчались гонцы в Рим, ни на минуту не останавливаясь отдохнуть. Когда лошади их уставали, они брали других и нелегкий их путь продолжался. Вернувшись в Рим, немедленно пришли они к Императору и поведали ему обо всем.

И тогда переполнилось счастьем сердце Максена, и немедленно отправился он в путь, взяв с собой своих самых верных воинов, что помогли ему найти возлюбленную. И вот пересекли они море, и достигли Острова Британии, сразу направились в Арвои. И Император узнал эту благословенную землю, как только увидел ее.

— Хэй, вон там вижу я замок! — воскликнул Император, указывая в сторону Абер Сэйнт. —

Точно такой же, какой видел во сне! В нем я встретил свою любовь!

И тогда пришли они к замку и вошли в распахнутые его ворота. И в прекрасной зале увидел Максен Кинона, сына Эйдава, и Гадсона, сына Эйдава. Братья играли в гвиддбуйлл. И увидел он самого Эйдава, сына Карадауга,* сидящего в кресле из слоновой кости и вырезающего фигурки для игры в гвиддбуйлл. Девушка, которую видел он во сне, сидела в кресле из красного золота.

— Приветствую тебя, Императрица Рима! — воскликнул Максен.

И он страстно обвил ее шею руками, а ночью разделал с прекрасной девушкой ложе.

Ранним утром женщина попросила свою женскую плату, поскольку была рождена женщиной. И он спросил ее, что она хочет. Она же попросила для своего отца Остров Британию от Северного моря до Ирландского. И еще она решила, что Императрице Рима должны принадлежать три острова, а на Острове Британии должны быть построены три крепости, и самая мощная из них должна находиться в Арвоне, а землю под нее надо привезти из Рима, чтобы Император не чувствовал себя на чужой земле. И то было выполнено, и кроме Каэр Арвон были возведены для нее еще две крепости — Каэр Ллеон и Каэр Вирдлин.* Потом Елена задумала соорудить хорошие дороги, пересекающие Остров Британии от одной крепости к другой. И дороги были построены. И потому зовутся дорогами они Елены-воительницы.

* * *

Семь счастливых лет прожил на Острове Император Максен. Но в те давние времена по законам Рима, если Император семь лет подряд жил в другой стране, он должен был остаться там, где жил. И ему запрещалось возвращаться в Рим когда бы то ни было. И посему римляне выбрали себе нового Императора.* И новый Император немедленно написал Максену угрожающее письмо, в котором было ни больше, ни меньше, чем:

НИКОГДА НЕ СМЕЙ ПРИХОДИТЬ В РИМ

Письмо и угроза дошли до Максена, когда тот был в Каэр Ллеоне, и вот какой ответ послал он тому, кто называл себя Императором Рима:

**Я ПРИДУ В РИМ
Я ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРИДУ**

И Максен собрал огромное войско и двинулся на Рим. Они покорили Францию, Бургундию и все страны на пути к Риму, и добрались наконец до стен вечного города.

Целый год Максен осаждал стены Рима, но не продвинулся ни на шаг. Но тогда на помощь ему пришли Кинон и Гадсон, братья Елены-воительницы с Острова Британии, а с ними — маленький отряд бесстрашных воинов, сила и мужество которых превосходили силу огромного войска римского. Они разбили лагерь у ворот неприятельской крепости; и никто и никогда не видел воинов красивее, смелее и доблестнее, чем эти.

И после недолгой осады город был сломлен.

И тогда обратился Максен к Елене:

— Твои братья в честном бою завоевали этот город и по праву могут называться хозяевами Рима.

— Государь мой Император, — ответила она, — мои братья — благороднейшие юноши на всем белом свете. Вы с честью можете обратиться к ним с просьбой вернуть по праву принадлежащий вам город. И я уверена, что с превеликой радостью отдадут они его в ваши руки.

И когда Император Рима с Еленой-вондельницей пришли к се братьям просить город, сказали они:

— Врата Рима открыты для вас.

И Максен занял свой трон, и все римляне бурными возгласами приветствовали его.

Тогда обратился Император к Гадеону и Киноцу.

— Я лишил вас Рима, который вы завоевали. Посему я вручаю вам свое войско, возьмите его и идите завоевывать земли, какие только пожелаете и поступайте с ними по своему усмотрению.

И отправились они в ратный путь, и обагрили землю кровью, завоевывая города и монастыри.* И петреблиали они всех мужчин, оставляя лишь женщин для продолжения своего рода. Жестокый этот поход продолжался до тех пор, пока юнцы не стали воинами, убеленными седью, а доблестные их мечи не притупились от битв. И тогда сказал Кинон своему брату Гадеону:

— Скажи, мой брат, чего ты хочешь: остаться на этой земле или вернуться на родину?

И ответил Гадеон:

— Брат мой, я устал от ратных дел и хочу на покой. Моя родина там, где я родился и вырос, где покоятся останки моих предков. Место мое — рядом с ними. Прощай, мой друг, ты был верным спутником все эти годы. Я отзываю свое войско и возвращаюсь домой.

А Кинон и многие воины вместе с ним остались на завоеванных землях, и основали там свое королевство, и Кинон стал королем той земли. И потомки его правили там многие века.

Мерлин, пророк Гвортигирна

пророчестве мага Мирддина Эмбрэйса, коего звали иначе Мерлин Амброзиус, повествуется ниже.

По смерти императора Максена,* правил в Британии некто Константин, в коем текла кровь знатнейших римлян и королев Арморик. И он был последним правителем, при коем Британия была под властью Рима; и при нем римляне покинули Остров.*

От Константина, умершего неожиданно, осталось три сына: Константин, старший, и еще двое, совсем мальчики: Аврелий Амброзиус и Утэр. И Константин стал королем бриттов, но был вскоре убит стара-

ниями одного из князей по имени Гвортигирн. И тогда Гвортигирн занял самозванно трон Британии, а малолетние сыновья Константина бежали вместе со своими воспитателями в Арморик, и там приняли их король Будэк, двоюродный брат Аврелия Амброзиуса и Утэра.

И после того правил Гвортигирн, ненавидимый бриттами за убийство Константа и изгнание его братьев, и теснимый воинственными племенами пиктов.* Трон его шатался, и корона с трудом держалась на его голове; и тогда, чтобы не потерять власть, призвал Гвортигирн дружину саксов во главе с неким Хенгистом, и те пришли на Остров и принялись чинить разор и гибель бриттам. И сначала служили они призвавшему их Гвортигирну, а после отказались подчиняться ему, и Хенгист объявил себя королем собственного королевства. И стал он призывать все больше саксов с материка, и одну за другой отвоевывать у Гвортигирна бриттские земли.

Тем временем Гвортигирн ко всем своим мерзким делам добавил еще и то, что взял себе в жены свою дочь, и родил с нею сына. И тогда последние знатные бритты отвернулись от него, и остался он один перед лицом страшных опасностей, грозивших королевству бриттов.

Тогда призвал к себе Гвортигирн множество колдунов, древних седых старцев, и спросил у них, как ему поступить. И те сказали:

— Направься в крайние пределы твоего королевства и построй мощную крепость, в которой сможешь ты защитить себя, ведь саксы, коих поселил ты в своем королевстве, люто ненавидят

тебя и коварно с тобой расправятся, а после твоей смерти захватят любимые тобою земли вместе со всем народом твоим.

И Гвортигирн ушел с колдунами на поиски места для такой крепости. И обойдя многие земли, пришли они в Гвинедд, и там, в горах Эрыри, нашли подходящее место на вершине скалы. Там собрал король множество работников и свез туда все потребное для постройки. Но чудесным образом каждую ночь разрушалось все, что успевали построить за день, и исчезало все подвезенное на место будущей крепости.

Тогда Гвортигирн вновь призвал к себе колдунов и спросил у них, в чем тут дело. И колдуны, посоветовавшись меж собою, ответили ему так:

— Не будет построена эта крепость, пока не отыщешь ты ребенка, который никогда не имел отца, и не приведешь его на эту гору, и не убьешь здесь, и не окрошишь его кровью фундамент.

И взяв их совет, разослал Гвортигирн гонцов по всей Британии, чтобы нашли они такого ребенка. Обойдя множество земель, добрались гонцы до одного местечка в нижнем течении реки Иск и там услышали, как дети, играя, говорили об одном мальчике, что нет у него отца. И гонцы наняли этого мальчика и поговорили с его матерью. И та поклялась им, что никогда в жизни не знала она мужчины. Тогда гонцы Гвортигирна взяли с собою мальчика и доставили его пред лицо короля.

И вот, когда привели мальчика на гору, где должна была появиться крепость, и собралась уже толпа, чтобы наблюдать его умерщвление,

спросил мальчик у короля Гвортигирна, зачем привели его сюда. И король поведал ему о происходящих здесь чудесах и о пророчестве его колдунов.

Тогда засмеялся мальчик и спросил, повернувшись к колдунам:

— Знаете ли вы, почему происходит эти чудесные вещи?

И колдуны промолчали в ответ, ибо не знали они причины этих чудес.

— Знаете ли вы, что сокрыто в недрах этой горы? — спросил мальчик.

И снова промолчали колдуны Гвортигирна, ибо и это не было им ведомо.

Тогда обратился мальчик к самому королю:

— Государь, — сказал он, — молчат твои колдуны, но я открою тебе эту тайну. На вершине горы зарыты два чана, а в них — свернутые златотканые холсты, и два дракона — красный и белый — свит в тех холстах. Прикажи, о король, разрыть землю на том месте, где хочешь ты построить крепость, и увидишь, что я прав.

И Гвортигирн сделал так, как сказал мальчик; и, разрыв землю на вершине горы, нашли там два чана, и в них — свернутые златотканые холсты. И когда развернули их, оказались там два дракона — красный и белый. И поднялись драконы в воздух, и сойдясь вплотную друг с другом, вступили в ожесточенную схватку, бия друг друга страшными когтями и извергая из ноздрей языки пламени. И белый дракон явно был сильнее красного, и уже одолевал его, когда красный вдруг воспрянул, и бросился с неожиданной силой на белого, и победил его.

Тогда попросил Гвортигири, чтобы мальчик объяснил увиденное ими. И тот сказал:

— Горе дракону красному, ибо близится его унижение. Пещеру его хочет занять дракон белый, олицетворяющий призванных тобою саксов, тогда как красный дракон — исконное племя бриттов, теснимое белым драконом. Горы Британии сравняются с ее долами, и реки в долах ее потекут кровью.

Но придет на подмогу вепрь из Корнубии, и копытами своими растопчет выи иноземцев. Властью своей охранит он лежащие на океане острова, и овладеет галльскими лесами. Деяния его доставят нищу неврам и бардам, и уста народов прославят его доблесть.*

И когда стояли все, потрясенные услышанным, спросил король у мальчика, кто он таков.

— Имя мое на языке римлян Мерлин Амброзиус, — отвечал мальчик, — для бриттов же я — Мирддин Эмбрайс Вледиг.*

И так сказал мальчик королю:

— Не постройте тебе крепости на этом священном месте, и потому ступай отсюда, и обойди многие земли, дабы обрести надежное обиталище. Ибо близок час сынов Константина!

И с тем ушел мальчик прочь, и никто не мог задержать его. Король же последовал его совету, и ушел прочь с той горы, и в другом месте построил крепость, названную Каэр Гвортигири по его имени.

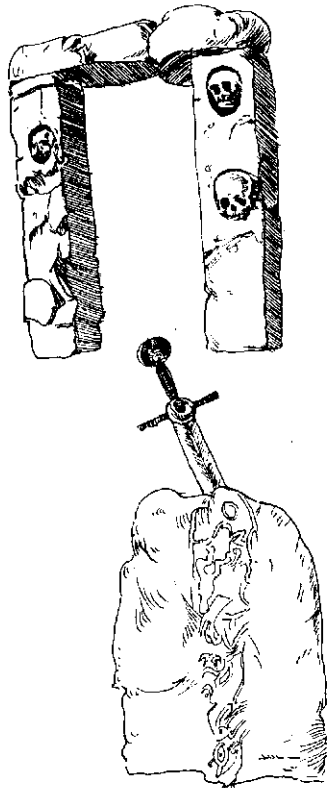
* * *

И по прошествии нескольких лет возмужавшие сыновья Константина высадились у берегов Британии с собранным в Арморике войском. И стремителен был путь их по землям бриттов, и везде с радостью принимали их как законных владельцев Острова. Придя к стенам Каэр Гвортигири, взяли они город и сожгли его вместе с несчастным королем.

И тогда был коронован Аврелий Амброзиус, который мудро и справедливо правил Британией до своей смерти; и при нем бритты сдерживали никтов на севере и отогнали саксов на запад, к берегам Армориканского моря.

Артур становится королем

осле смерти короля Аврелия Амброзиуса правил в Британии его младший брат Утэр, прозванный Пендрагоном, что означает по-бриттски “Голова Дракона”.

И вот однажды на большом шире, что был устроен на Пасху в королевском замке, увидел Утэр среди множества благородных гостей прекрасную женщину, равной которой не встречал он до тех пор. И тогда зажглась в его сердце любовь ней, и спросил он у своих людей, кто она. Отвечали ему, что это Ингерн, супруга Горлоя, владетеля Корнубин, из рода Корниев.

И Утэр приступил к прекрасной женщине со словами любви, но та, покраснев, молчала, не решаясь отвечать верховному королю Британии. И вскоре заметил то сам Горлой, правитель Корнубин. Случилась тогда великая распря между ним и Утэром, и в гневе покинул Горлой королевский замок, забрав с собою жену.

Утэр же остался со своею любовью, и так велика была сила его чувства, что не мог он с тех пор ни есть, ни спать, и вскоре слег с тяжелой болезнью. И разные лекари пытались исцелить его недуг, но ни один из них не смог помочь королю, хотя многие догадывались о причине болезни. Тогда призвали к королю Мирддина Эмриса, великого мага, певца и прорицателя, прославившегося еще при короле Гвортигирие. И Утэр поведал ему о своей печали, и просил мага помочь ему добыть любовь Ингерн, говоря, что иначе умрет от любовной тоски.

И на то отвечал ему Мирддин, что он поможет королю провести ночь с супругой владетеля Корнубин, если обещает ему Утэр отдать своего первого ребенка. И Утэр с радостью согласился, и вскоре поправился, исцеленной надеждой на обещание мага.

И вот однажды случилось так, что Горлой, который вел тогда сражения с войсками короля Утэра, оставил жену в замке Тинтагель, что на скалистом северном берегу Корнубин. И тогда пришел к королю Мирддин, и сказал, что наступило время осуществления его желания. И силой своей магии придал он Утэру вид и повадки правителя Корнубин, и так провел его темной ночью

в замок Тинтагиль. И Ингерн приняла его как своего сунруга, и той ночью Утэр разделил с ней ложе.

На утро же, едва король Британии покинул замок, пришло известие о том, что Горлоу, повелитель Корнубии, погиб той ночью, защищая одну из своих крепостей. Тогда явился Утэр ко вдове, и рассказал ей о том, что это он приходил к ней в обличье ее мужа. И Ингерн призналась королю, что любит его. И вскоре после того Утэр взял ее в жены.

И по прошествии трех четвертей года в замке Тинтагиль родила королева Ингерн мальчика, зачатого в ту ночь, когда был убит ее первый муж. И тотчас явился в замок Мирддин Эмрис, и согласно договору, мальчик был отдан ему.

* * *

Тем временем саксы, которых и до того сдерживали бритты с великим трудом, все чаще стали совершать набеги на бриттские земли. Король Утэр непрестанно сражался, отражая их дерзкие вторжения, но все больше прибывало саксов с континента, и все большей кровью давались бриттам непрочные победы.

К исходу четырнадцатого года с женитьбы короля на Ингерн сразила короля непонятная болезнь, и саксы, этим воодушевленные, двинули свои полчища в глубину Логрии. Тем больше боялись бритты смерти своего короля, что до сих пор не было у него сына, который мог бы принять отцовский меч.

И вот пришел его смертный час; и князья и лорды бриттов окружили его ложе, вопрошая, кто станет верховным правителем Британии по его смерти. И каждый знал, что на британской земле не осталось более прямых наследников короны Макссна и Константина Великого,* и опасался повторения бесчинств и хаоса правления Гвортигирна.

И тогда появился Мирддин Эмрис, и с ним — прекрасный и сильный юноша. И когда взоры всех присутствующих обратились к магу, объявил он, что этот юноша — сын короля Утэра и королевы Ингерн, и что эти четырнадцать лет провел он на священном острове Аваллон, где воспитывался и обучался эльфами и самим магом. И затем потребовал маг, чтобы умирающий король признал этого юношу своим сыном и наследником. И Утэр не замедлил поступить так, ибо всегда доверял мудрости мага, и умер вскоре с легкой душой.

По смерти его многие князья возмутились и отказались признать Утэрова сына законным королем. Но тогда случилось великое чудо: появился пред воротами королевского замка огромный камень с вонзенным в него мечом. И, как говорят старые книги, была на клинке того меча надпись на языке римлян:

*Кто извлечет меч сей из камня,
тот есть верховный король Острова Британии*

Многие благородные воины пытались извлечь из камня волшебный меч, и никому не удалось совершить это чудо; но лишь юноша, которого

привел маг, взялся за рукоять меча, как вышел он из камня, будто из масла. И тогда сказал Мирддин, обращаясь к народу и князьям:

— Воистину, верховный король Острова перед вами, всерьь, что пришел из Корнубии, дабы сокрушить выш ненавистных саксов. Имя его — Артур, и будет прославлено это имя во всех сторонах света.

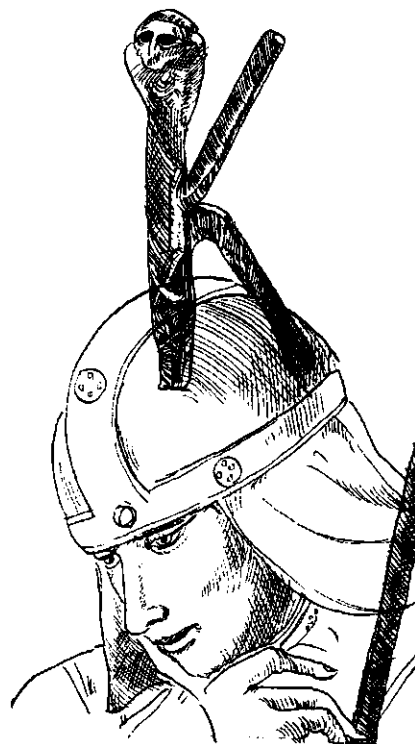
* * *

И так был коронован Артур, величайший из королей бриттов. И в его правление бритты отгеснили саксов в Каннино,* и не смели саксы совершать набеги на бриттские земли. На Арморику и Альбу, и многие лежащие в море острова простерлась власть могучего короля, и никакой враг не рещался нарушить границы его владений. Лучших из лучших воинов и искуснейших мастеров Европы собрал Артур вокруг себя, и Британия цвела при нем изобилием и благородством.

Многие чудеса свершились на британской земле в его правление, и мудрые люди записали в книгах рассказы об этих чудесах. Им шесть числа, и среди них — рассказы о приключениях Килуха, сына Киледда, и о странствованиях Овэйна, сына Уриена, в чудесной Стране Фонтана.

Килух и Олвэн

наидд, сын Киледдона Вледига, был одним из королей в Уэльсе* в те времена, когда верховным королем Британии был Артур. Когда пришло ему время, женился он на принцессе Голэйдидд, дочери Анлаудда Вледига.

С нетерпением ждали люди той земли, когда родятся у них дети, и молились о том, чтобы родился наследник. И молитвами их родился сын, и случилось так, что разродилась королева в загоне для свиней, и потому при крещении дали мальчику

имя Килух.* И был мальчик знатен рождением, ибо приходился двоюродным братом королю Артуру.*

Вскоре после рождения Килуха королева Голэйддидд тяжело заболела. Предчувствуя скорую свою смерть, позвала она к постели мужа. Как не уговаривал ее король Килидд, уверяя, что пригласил лучших лекарей и знахарей из всех окрестных земель, и уж они-то быстро поставят бедняжку на ноги, но королева все твердила свое.

— После моей смерти ты захочешь снова жениться — негоже королю жить без королевы. Пусть будет так, хотя чует мое сердце, что все, что у тебя есть, окажется в руках твоей новой жены. Смотри, не допусти, чтобы сын наш остался без того, что причитается ему по праву рождения! А сейчас я умру спокойно, если ты обещаешь мне, что выполнишь мою последнюю волю. Обещай, что не женишься до тех пор, пока не вырастет на моей могиле шиповник.

И король обещал ей.

Королева же позвала своего старого учителя, щедро одарила его и велела следить за ее могилкой, и пропалывать на ней землю, чтобы не выросло на ней ни листочка.

И королева Голэйддидд умерла.

И вскоре после того, как была она погребена, король послал слугу на кладбище, посмотреть, не пророс ли шиповник, но не оказалось на могиле ни ростка. И после того стал король посылать слугу каждое утро, и каждый раз возвращался он с тем же ответом.

И так было долгое время, и понемногу учитель совсем состарился, стал ленив, и ему казалось совсем ненужным часто пропалывать могилу королевы. Постепенно он и вовсе забыл про нее.

И вот спустя семь лет после смерти королевы король Килидд возвращался с охоты. Долгое время не было его в замке, и никто не доносил ему, пророс ли шиповник на могиле. И по дороге домой король решил заскочить к могиле жены, и приблизившись, увидел на ней молодой куст шиповника.

Тогда созвал король Килидд совет, чтобы решить, какую из благородных женщин Уэльса взять ему в жены. И сказал один из лордов, что не найти для короля лучшей жены, чем жена короля Догедда;* тогда решили они получить эту женщину, и отправились в земли Догедда, и убили его. И вскоре женился король Килидд на вдове убитого короля, и привел ее и ее дочь в свой замок, и все случилось так, как предчувствовала перед смертью королева Голэйддидд: все земли и богатства короля Килидда оказались в руках его новой жены.

Но никто не сказал ей о сыне, которого родила прежняя королева.

С тех пор прошли годы, и вот однажды поехала королева на прогулку по королевским землям. И в глухом лесу встретила ее убогая хижина, откуда вышла дряхлая старушка, чтобы поприветствовать свою королеву.

И спросила ее королева:

— Старуха, именем Господа, скажешь ли ты правду мне, если спрошу тебя? — сказала коро-

лева. — Правда ли, что не было детей у человека, что энлоу привел меня в дом свой?

— Не было, госпожа моя, не было, — сказала старушка.

— Увы мне, — воскликнула тогда королева, — этот человек еще и бездетен!

И старушка пожалела ее.

— Вот что нужно сказать тебе, государыня, — молвила она, — было предсказано в свое время, что будет у короля Килинда один отпрыск. И была бы ты матерью этого ребенка, но другая уже стала сю — есть у короля сын, и имя его — Килух.

И королева вернулась в замок, и там пришла к своему мужу.

— Почему скрываешь ты от меня своего сына? — спросила она.

— Недолго будет так, — отвечал ей король.

И отправили гонцов за Килухом, и на следующий день привели его к новой королеве.

И королеве, и дочке ее от короля Догса принц Килух очень понравился. Недолго думая, королева подвела к принцу свою дочь.

— Оказывается, у меня такой красивый пасынок! — сказала она. — Тебе, юноша, пора уже и жениться. Моя дочь будет тебе прекрасной парой — она красива и знатна, и могла бы стать достойной невестой для любого принца!

Но дочка королевы не понравилась принцу, да он еще и не задумывался о женитьбе — ему больше хотелось сражаться или искать приключений. Так он и сказал.

Разгневалась королева и стала угрожать принцу, что наплет на него черное колдовство, если тот не согласится взять в жены ее дочь. Но принц только качал головой: мол, если уж он сам не захотел, то и угрозами его тоже не заставишь. Тогда впала королева в черную ярость и сказала такие слова:

— Если ты, принц Килух, не женишься на моей дочке, то не видать тебе жены до тех пор, пока не найдешь ты Олвэн, дочь Ысбаддадена Великана-из-Великанов!

Но едва сказала королева злые свои слова, как сердце принца загорелось любовью к девушке Олвэн, которую он никогда даже не видел. Покрыснел мальчик и, ни слова не говоря, вышел из покоев королевы.

С тем пришел он к отцу, и спросил его король.

— Скажи, сын мой, отчего у тебя такое странное лицо? О чем ты задумался? Что с тобой?

— Мачеха моя наложила на меня заклятье, что не будет мне жены, пока не найду я Олвэн, дочь Ысбаддадена Великана-из-Великанов, — отвечал Килух.

— Хэй, не так сложно для тебя добиться того, чего хочешь ты, — сказал король, — ибо Артур твой двоюродный брат. Отправляйся к его двору, и пусть Артур острижет твои волосы,* и тогда проси в дар его помощь.

И так отправился Килух ко двору Артура. Был под ним светлогривый конь четырех зим от роду, с уздечкой и седлом, изукрашенными золотом. Два копья с наконечниками, отделанными серебром, в руках его, и боевой топор, что мог бы вы-

сечь кровь из ветра, что мог быть быстрее, чем падающие росы со стебля на землю, когда тяжелы росы в месяце Июне; и меч с золотой рукоятью и драгоценным клинком на его бедре; и пурпурный плащ на нем, с четырьмя яблоками красного золота по углам его; и пряжка небесно-синего камня и слоновой кости на том плаще, гравированная золотом.

Словно птицы, летели перед его конем две борзые в золотых ошейниках от плеч до ушей, и комья земли выбивали из дороги копыта его коня.

И вот приехал Килух к воротам замка Артура, и были закрыты ворота.

— Хэй, есть здесь привратник? — спросил Килух.

— Есть, — был ему ответ, — я привратник короля Артура каждый первый день Января.

— Так открой же ворота, — сказал принц.

— И не подумаю, — отвечал привратник.

— Почему? — удивился юноша.

— Уже ножки — в мясе, и мед — в кубках на столах у Артура. И никто, кроме верных Артуру королей и сыновей их или искусных мастеров с их изделиями, не войдет в эти ворота — не годится мешать королю, когда он пирует. Отправляйся на постоянный двор, и там найдешь ты корм и стойло для своего коня, и ночлег, еду и медовое пиво для себя. А завтра приходи снова к замку, и другой привратник впустил тебя к королю.

— Нет, — отвечал ему юноша, — я не сделаю так. И если ты не впустишь меня, то ослаблю я и тебя и твоего короля на весь мир. И издам я три страшных крика, таких, что содрогнутся вершины

Пенгвадд в Корнуолле и глубины Динсэл на Севере и Осгэйр Оэрвал в Ирландии, и все беременные женщины разрешатся до срока в тот же час.

— Делай, что хочешь, — сказал Глевлвид Могучая Хватка (ибо таково было имя привратника), — но я все равно не впустию тебя в замок, пока не спрошу королевское слово.

И Глевлвид отправился в зал, где пирует Артур, и когда он вошел туда, спросил его король, не с вестями ли он от ворот.

— Да, — отвечал Глевлвид, — и вот что я скажу тебе, государь мой. Как и ты, две трети жизни прожил я, и бывал я в Каэр Сэ и Ассэ, в Сахе и Саллахе, в Логоре и Фоторе. Был я в Каэр Бритух и Бритах и Нертах. Я был с тобою, когда разбил ты войско Глэйса, сына Мерина, и когда разбил ты Миля Черного, сына Дигима. Был я в Каэр Оэх и Аноэх, и в Каэр Невенир. И много прекрасных лицом и телом королей видел я, служа тебе; но мужа, столь прекрасного, как юноша, стоящий у твоих ворот, не встречал я прежде.

— Что же ты не впустил его? — спросил Артур, — позор для нас оставлять у ворот замка такого мужа!

— Но по традиции никого, кроме верных нам королей и сыновей их, не пускаем мы в замок, когда идет пир, — отвечал Глевлвид.

— Так, — сказал Артур, — но если этот юноша действительно таков, как ты говоришь, то ради него можем мы сделать исключение.

— Если спросишь ты моего совета, — сказал Кай,* — то не стоит нарушать обычаев ради кого бы то ни было, клянусь рукою друга!

— И все же, — сказал Артур, — нам надлежит великодушно встречать достойных мужей; чем больше щедрости мы проявим, тем громче будет слава о нашем дворе. Иди, Глевлвид, и впусти этого юношу, и пусть поднесут ему вина в серебряном кубке и подадут жаркое на золотом блюде!

И Глевлвид впустил Килуха в замок.

Принц Килух на коне въехал прямо в широкую залу замка и опустил поводья перед королем Артуром.

— Приветствую тебя, государь Артур! — сказал он, — и твоих воинов, и твоих князей и вождей.

— И мы приветствуем тебя, юноша, — сказал король, — я рад, что вижу тебя в этот день, и прошу тебя отведать нашей еды и нашего вина, послушать наших певцов и музыкантов, а завтра, когда я буду раздавать дары гостям и людям издалека, я выношу и твоё желание.

— Не затем я пришел к тебе, чтобы есть и пить, — сказал Килух, — но есть у меня к тебе великая просьба. И если ты исполнишь ее, буду я благодарить и восхвалять тебя; если же нет — буду поносить твоё имя во всех четырех сторонах земли.

— Хорошо, — сказал Артур, — будет исполнена твоя просьба; и это так же верно, как то, что ветер сушит, а дождь мочит, как то, что солнце восходит утром и заходит вечером. Все, что в моей власти, я дам тебе, исключи лишь мою мантию и мой корабль; и Каледвуах, меч мой; и Ронгомшнад, конь мое; и Винегрутихер, щит мой; и Каривеннан, мой кшижал; и Гвенхвивер, мою жену.* Скажи же, чего ты хочешь.

— Я прошу пострижения, — сказал тогда Килух.

— Прекрасно! Твоя просьба будет исполнена немедленно. Чем дальше, тем больше нравишься ты мне, и чувствую мое сердце, что ты мне родня.

Король взял золотые, украшенные серебром, ножницы и гребень и срезал прядь золотых волос с головы принца Килуха.

— А теперь скажи мне, юноша, кто ты? — спросил король.

— Я Килух, сын Килидда, сына Киледдона Вледига; и Голэйддидд, дочь Анлаудда, — моя мать.

— Я был прав, — сказал Артур, — когда чувствовал тебе родную кровь, — ведь ты мой двоюродный брат. Теперь проси у меня чего хочешь, и что бы не изрекни уста твои, ни в чем не встретишь ты отказа.

— Государь, я прошу в жены Олвэн, дочь Ёббаддадена Великана-из-Великанов, — сказал Килух.

— Хэй, вождь, — сказал тогда Артур, — никогда не слыхал я о такой девушке. Но с радостью разошлю я гонцов, чтобы они нашли ее.

И король разошл гонцов во все края земли; и через год с того дня вернулись они, и каждый сказал, что нигде не слыхал об Олвэн, дочери Ёббаддадена Великана-из-Великанов.

Сказал тогда Килух:

— Государь! Каждый, приходя к тебе, получает тот дар, который желает, один только я, испросивший у тебя в жены принцессу Олвэн, остаюсь с чем был. Пострадает честь твоя, господин мой, если обещание твое останется невыполненным!

Тогда ответил ему сэр Кай.

— Хэй, вождь! — сказал он. — Слишком много ругаешь ты Артура. Лучше соберемся в путь сами, и я обещаю, что мы не оставим тебя и будем продолжать поиски до тех пор, пока не найдем Олвэн, или пока сам ты не скажешь, что нет на свете такой девушки.

И согласился с тем Килух; и король Артур сам выбрал ему спутников.

Кай, что велел первым, славился тем, что меч его наносил врагу раны, которые не мог исцелить ни один знахарь, а еще тем, что умел сдерживать под водой дыхание в течении девяти дней и ночей, и тем, что во время боя так сильно горел в нем огонь ярости, что одежда и все вещи, что были с ним, оставались от этого огня сухими даже под дождем.

Вторым король Артур назвал Бедуира, великодушнее и щедрее которого не было мужа на Острове Британии, исключая Артура и Дриха, сына Гибдара. Славен был Бедуир своим умением владеть коньем — хоть и был он одиорук, но сражался за троих воинов, и конье, пущенное им, наносило сразу десять ударов.

Третьим назвал Артур Кинддилига Проводника. Кинддилиг был славен тем, что в любой чужой стране был он таким же хорошим провожатым, как и в своих собственных землях.

Четвертым назвал Артур Гурира Переводчика, который знал все языки, что есть на земле.

Пятым назвал Артур сэра Гвалхмэя, сына Гвнара,* который приходился ему родным племянником, так как славен был Гвалхмэй тем, что нико-

гда не возвращался он домой, не выполнив своего дела, или не добившись успеха в том, что задумал. А еще был Гвалхмэй лучшим наездником среди рыцарей Артура.

И последним, шестым, назвал король Артур Мену, который умел говорить заклинания, совершать всякое волшебство и делать себя и других невидимым.

И вот, вооружившись и снарядившись, запасшись едой и доброй одеждой, оседлали шесть рыцарей и принц Килух коней, получили благословение короля Артура и отправились на поиски Олвэн, дочери Ысбаддасна Великана-из-Великанов.

* * *

После долгих странствий выехали они на широкую равнину без конца и края. И не было в той равнине ни куста, ни деревца; серым было над нею небо, и туман местами покрывал землю. И стоял на равнине огромный замок.

Отправились рыцари к этому замку, но не так-то просто оказалось добраться до него. Скакали они целый день; вот уже скрылся из виду лес, из которого они вышли, и было теперь кругом лишь серое поле, а замок так и остался где-то далеко впереди.

И второй день изо всех сил скакали они по этой равнине, прищипывая лошадей, но оставался замок все таким же далеким.

И лишь на третий день приблизились они к замку, и оказались на зеленом лугу, где паслось огромное стадо белоснежных овец. Посреди этого

луга, что раскинулся под стенами замка, возвышался зеленый курган, а на кургане стоял пастух в одежде из кожи. Огромный лохматый пес, ростом с жеребца, помогал пастуху охранять стадо; когда этот пес рычал, огонь вырывался из его пасти.

Тогда обратился Кай к Гуриру Переводчику.

— Гурир, — сказал Кай, — ты один из нас знаешь все языки земли. Иди, поговори с тем пастухом.

— Кай, — отвечал ему Гурир, — не обещаю я никому ходить дальше, чем сам ты.

— Пойдем тогда вместе, — вздохнул Кай, ибо всем было страшновато приближаться к ужасному псу.

— Не бойтесь этого пса, — сказал Мену, — пойдемте все вместе, а я сотворю заклинание, чтобы никому из нас не причинил он никакого вреда.

И направились они к пастуху; и, подойдя, приветствовали его, и спросили, чей скот охраняет он.

— Откуда свалились вы, чужеземцы? — удивился пастух. — Все знают, что это стада Ысбаддадена Великана-из-Великанов, а вон там — его замок.

— А ты кто? — спросили его.

— Кистэнниц, сын Минвэдига, и не увидели бы вы меня таким, каков я сейчас, если бы не причинил мне зла и урона Ысбаддаден. А кто вы, чужеземцы?

— Послы короля Артура, — отвечали ему, — мы ищем Олвэн, дочь Ысбаддадена Великана-из-Великанов, — и они рассказали ему их историю.

— Хэй, люди! — воскликнул тогда пастух. — Господь да хранит вас! Никто в мире не сможет увести Олвэн; немало славных воинов приходили сюда, чтобы получить ее, и все они оставили здесь и Олвэн, и свою жизнь.

И сказав так, взял он у Килуха золотое драгоценное кольцо и отправился на свой двор, к жене, и отдал жене кольцо.

— Откуда у тебя это кольцо? — спросила жена. — Не так часто появляются у нас драгоценные вещи.

— Прекрасный юноша пришел к нам; и он дал мне это кольцо для тебя.

— И кто же он?

— Килух, сын Килидда, сына Киледдона; Голэйдидд, дочь Анлаудда, твоя сестра, была его матерью. И он хочет взять в жены Олвэн.

Тогда два чувства посетили сердце женщины: она была рада увидеть сына своей сестры, и была опечалена, что столь опасную и труднодостижимую цель поставил он перед собой.

Тем временем Килух и рыцари подошли к воротам их двора, и женщина, услышав шум, выбежала им навстречу.

— Будь осторожен, — крикнула Кистэнниц Килуху, — остерегайся ее родственных объятий.

— Ха! Нет такой женщины, которая внушила бы мне страх! — сказал принц с безрассудством юности.

Женщина же бросилась к Килуху, чтобы обнять его. Но сэр Кай оказался разумнее принца и проворнее жены пастуха, — схватив большое полено, он подсекунул его женщине. И тотчас посы-

пались на землю мелкие щепки и древесная труха — все, что осталось от полена.

— Неумны шутки твои, женщина, — воскликнул, видя такос, Кай, — а если б обняла ты не полено, а принца, или, скажем, кого-нибудь из нас? Не видать бы ему больше других объятий!

И после того прошли они в дом, и там приготовили для них хозяева еду и питье; женщина же открыла большой сундук, что стоял у стены комнаты, и оттуда выбрался красивый светловолосый паренек.

— Это последний из наших сыновей, — сказал жена Кистэннина, — было их двадцать и три, и всех, кроме этого, убил Ысбаддаден Великан-из-Великанов.

— Отпусти его с нами, женщина, — сказал Кай, — и пока будет он держаться рядом со мной, клянусь тебе, не умрет он раньше меня.

И за сдой Килух и его рыцари рассказали жене Кистэннина, что привело их на поиски Олвэн.

— Ради Бога, — сказала женщина, когда закончили они рассказ свой, — пока не видели вас со стен замка, возвращайтесь назад.

— Нет, — отвечали они, — не увидев Олвэн, не покинем мы этих мест. Скажи нам, бывает ли она в этом доме?

— Каждую субботу приходит она сюда мыть свои волосы, — отвечала женщина.

— А можешь ли ты послать за ней?

— Видит Бог, не хочу я погубить свою душу, — сказала она, — и не хочу предавать ту, которая верит мне. Только если обещаете вы, что не причините вреда девушке, и не уведете ее силой, пошла я за ней.

— Мы обещаем тебе, — сказали рыцари.

Тогда послала женщина за Олвэн, и пришла девушка в дом настуха.

Огненно-красные одежды были на ней, и украшения красного золота на ее шее, с драгоценными жемчугами и рубинами. Ярче, чем желтые цветки ракутника, были ее волосы, и кожа — белее, чем пена морских волн. Ни ястреб, ни сокол не могли сравниться с нею красотой глаз. И четыре белых тридцетника вырастали там, куда ступали ее ноги; и потому и звалась она Олвэн.*

И вот вошла она и села между Килухом и хозяином дома; и Килух, едва взглянув, узнал ее.

— О девушка, — сказал он, — ты — любовь моя. Пойдем со мною!

— Нет, — отвечала ему девушка, — не можем мы с тобой сделать так: отец взял с меня слово, что не уйду я без его согласия, ибо суждено жить ему лишь до того, как выйду я замуж. Но если и правда хочешь ты того, о чем говоришь, я дам тебе совет: ступай к отцу моему просить меня в жены. Многое будет он требовать у тебя, но, что бы ни сказал он, обещай ему, и если сможешь ты выполнить его задания, то буду я твоей. Если же нет — прощайся со своей жизнью.

— О девушка, — сказал Килух, — я сделаю так, и я получу тебя.

С тем ушла Олвэн в чертоги свои. И вскоре после того тронулись Килух и рыцари к замку Ысбаддадена Великана-из-Великанов. Девять ворот нужно было пройти, чтобы попасть во внутренние его покои, и у каждого ворот стоял на страже воин со злобным огромным псом. Но столь искус-

ны были воины Килуха, что прошли они через девять ворот и сразили девять стражей и цесов их, так что ни один из них не издал ни звука.

И вот вошли они в большой зал, где сидел сам Ысбаддаден Великан-из-Великанов; и они приветствовали его.

— Хэй, а вы кто? — спросил Ысбаддаден.

— Мы пришли просить Олван для Килуха, сына Киллида, — отвечали они.

— Где слуги мои? — воскликнул тогда великан. — Возьмите вилы, поднимите мне веки, чтобы мог я видеть моего будущего зятя!

И явились слуги, и подняли ему веки, и подперли их вилами.

— Ага, — сказал великан, — приходите завтра, и тогда я дам вам ответ.

И когда повернулись они, чтобы уйти, поднял Ысбаддаден Великан-из-Великанов одно из трех коней с отравленными наконечниками, что были у него в руках, и метнул его им во след. Но Бодур на лету поймал то копые и отправил его обратно.

Взвыл тогда Великан-из-Великанов, ибо пронзило отравленное копые его колено.

— Хэй, будь ты проклят, грубый мой зять! — сказал он. — Теперь буду я хромать на прогулках. Подобно осинному жалю жжет это отравленное железо. Будь проклят кузнец, создавший его, и с ним наковальня, на коей ковали это копые!

Ту ночь провели они в доме Кистэншна; на утро же, в великолепных одеждах и с драгоценными гребнями в волосах, вступили они в зал Великана-из-Великанов.

— Ысбаддаден Великан-из-Великанов! Отдай нам твою дочь Олван в обмен на богатый выкуп, иначе встретишь ты свою смерть, — так сказали они.

На то отвечал им Великан-из-Великанов:

— Еще живы четыре ее прабабки и четыре ее прадеда. И должен я посоветоваться с ними раньше, чем принять решение. Приходите завтра.

— Пусть будет так, — сказали рыцари.

И когда повернулись они, чтобы уйти, поднял Ысбаддаден Великан-из-Великанов второе из трех коней с отравленными наконечниками, что были у него в руках, и метнул его им во след. Но Мену, сын Тэйргваэдда, на лету поймал то копые и отправил его обратно.

Взвыл тогда Великан-из-Великанов, ибо пронзило отравленное копые его грудь, так, что острие его вышло наружу.

— Хэй, будь ты проклят, грубый мой зять! — сказал он. — Теперь будет болеть моя грудь. Подобно укусу большоголовой шивен жжет это твердое железо.

И на третий день снова пришли они в замок.

— Ысбаддаден Великан-из-Великанов, — сказали они, — не трогай больше свои отравленные конья, иначе узнаешь ты боль, и смертельные раны, и саму смерть.

— Где слуги мои? — воскликнул тогда великан. — Возьмите вилы, поднимите мне веки, чтобы мог я видеть моего будущего зятя!

И явились слуги, и подняли ему веки, и подперли их вилами.

И тогда поднял Ысбаддаден Великан-из-Великанов копьё с отравленным наконечником и метнул его в них. Но Килух на лету поймал то копьё и отправил его обратно.

Взвыл тогда Великан-из-Великанов, ибо пронзило отравленное копьё его глаз, так, что острие его вышло наружу через затылок.*

— Хэй, будь ты проклят, грубый мой зять! — сказал он. — Теперь будет болеть у меня голова, и глаза станут слезиться на ветру. Подобно укусу бешеной собаки жжет это отравленное железо.

С тем покинули они замок Великана-из-Великанов, чтобы вернуться на следующий день. И в четвертый раз придя в тот зал, сказали они:

— Вот снова пришли мы, и не вздумай метать в нас свои отравленные копьё, иначе придет к тебе твоя смерть. Отдавай нам свою дочь.

— Хэй, где слуги мои? — воскликнул тогда великан. — Возьмите вилы, поднимите мне веки, — я хочу видеть того, кто хочет получить мою дочь.

И явились слуги, и подняли ему веки, и подперли их вилами.

— Я ницую ее, Килух, сын Килидда, — сказал тогда Килух.

Взглянул на него великан и сказал так:

— Обещай мне выполнить то, что я скажу тебе, и если сдержишь ты свое обещание, будет Олвэн твоею.

— Обещаю, — сказал ему Килух, — назови мне, чего ты хочешь.

— Хорошо, — сказал Великан-из-Великанов, — для начала: хочу я иметь чашу Ллуйра Ллуй-

риона,* в которой держит он самое лучшее нитьё в мире; нет другой чашки, что могла бы вмещать столь крепкий напиток. Да только не даст он тебе эту чашу по доброй воле, а принудить его тебе не под силу.

— Нет для меня ничего проще, — отвечал Килух, — хотя ты, похоже, не думаешь так.

— Хорошо. Даже если и добудешь ты ее, то уж другой дар, что потребую я, не достать тебе. Хочу я иметь корзину Гвидно Длинногого;* даже если соберутся вокруг той корзины все люди мира и еще трижды девять, всем хватит еды из нее. Да только не даст он тебе корзину по доброй воле, а принудить его тебе не под силу.

— Нет для меня ничего проще, — отвечал Килух, — хотя ты, похоже, не думаешь так.

— Хорошо. Даже если и добудешь ты ее, то уж другой дар, что потребую я, не достать тебе. Хочу я иметь рог Гулгада Гододдина, чтобы подавать питье гостям в ночь свадьбы. Да только не даст он тебе этот рог по доброй воле, а принудить его тебе не под силу.

— Нет для меня ничего проще, — отвечал Килух, — хотя ты, похоже, не думаешь так.

— Хорошо. Даже если и добудешь ты его, то уж другой дар, что потребую я, не достать тебе. Хочу я иметь арфу, принадлежащую Тэйрти, чтобы она веселила меня в ночь свадьбы; когда пожелает хозяин этой арфы, будет она играть ему, когда же захочет он тишины, будет так. Да только не даст он тебе арфу по доброй воле, а принудить его тебе не под силу.

— Нет для меня ничего проще, — отвечал Килух, — хотя ты, похоже, не думаешь так.

— Хорошо. Даже если и добудешь ты ее, то уж другой дар, что потребую я, не достать тебе. Хочу я иметь котел Дьорнаха Ирландца,* чтобы варить мясо для наших гостей. Да только не даст он тебе этот котел по доброй воле, а принудить его тебе не под силу.

— Нет для меня ничего проще, — отвечал Килух, — хотя ты, похоже, не думаешь так.

— Хорошо. Даже если и добудешь ты его, то уж другой дар, что потребую я, не достать тебе. Должен я причесать к ночи свадьбы свою бороду, но невозможно будет сделать это, если не принесешь ты мне кровь Черной Ведьмы, дочери Белой Ведьмы, из верховий Долины Горя в горах Ада. Да только не даст тебе Черная Ведьма свою кровь по доброй воле, а принудить ее тебе не под силу.

— Нет для меня ничего проще, — отвечал Килух, — хотя ты, похоже, не думаешь так.

— Хорошо. Даже если и добудешь ты ее, то уж другой дар, что потребую я, не достать тебе. Видишь, будущий зять, волосы мои отросли и спутались, и стали перьяшлывы. Не могу я с такой головой принимать гостей на свадьбе моей дочери. И нет в мире гребня и ножниц, которыми можно было бы расчесать мои волосы и остричь их, кроме ножниц и гребня, что спрятаны меж ушей дикого борова Турх Труйта, сына Таредда Вледига. Должен ты принести мне их — но Турх Труйт не отдаст тебе их по доброй воле, а принудить его тебе не под силу.

— Нет для меня ничего проще, — отвечал Килух, — хотя ты, похоже, не думаешь так.

— Не поймать тебе Турх Труйта, пока не будет у тебя Дридвина, пса Грэйда, сына Эри. Не удержат тебе того пса, пока не будет у тебя поводка Корса Столаного. Не связать тебе тот поводок с ошейником того пса, пока не будет у тебя цепи Киледда Ста Владений.

— Нет для меня ничего проще, — отвечал Килух, — хотя ты, похоже, не думаешь так.

— Не поймать тебе Турх Труйта, без великого охотника Мабона, сына Модрона.* Но ничего не знает, где сейчас Мабон, сын Модрона, и никому не ведомо, жив ли он или мертв. Не найти тебе Мабона без Эйвоэля, сына Эра, его двоюродного брата. И не пойдет Мабон на охоту на Турх Труйта, пока не приведен ты ему Гвина Серогривого, коня Гведду, что быстр, как волна в море.

— Нет для меня ничего проще, — отвечал Килух, — хотя ты, похоже, не думаешь так.

— Не поймать тебе Турх Труйта без помощи Гвина, сына Недда, которого Господь поставил Стражем демонов Аннуна,* чтобы хранить от гибели этот мир; и без Гареслита, главного охотника Ирландии; и без Гвиленхша, короля Франции; и без Артура, короля Британии. Но никто из них не станет помогать тебе.

— Нет для меня ничего проще, — отвечал Килух, — хотя ты, похоже, не думаешь так.

— И даже если будет у тебя все то, о чем говорил я, не убить тебе Турх Труйта без меча Урнаха Великана; но не отдаст он тебе свой меч ни за

выкуп, ни по любви, и никогда не принудить тебе его силой. И не сможешь ты выполнить мои задания, и никогда не получишь мою дочь.

— Нет для меня ничего проще, — отвечал Килух, — хотя ты, похоже, не думаешь так. Государь мой и родич король Артур поможет мне добыть все, что ты назвал. И я завоюю твою дочь, — и твою жизнь в придачу!

— Ступай же, — сказал ему Ысбаддаден Великан-из-Великанов.

* * *

И Килух с его рыцарями покинули замок великана и отправились ко двору Артура, и Горн, сын Кистэинна, с ними. И прибыв к королю, поведали они ему обо всем, что с ними приключилось.

Спросил тогда Артур:

— Какое сокровище будем мы некать первым?

— Меч Урнаха, — отвечали ему.

И отправились они к замку Урнаха Великана и добыли его меч.

— Что следующее? — спросил тогда Артур.

...И так спрашивал он после каждого найденного сокровища. Долгими и опасными были приключения Артура, Килуха и их рыцарей в поисках тех вещей, но пришло время, когда оказалось, что выполнены все задания Великана-из-Великанов. Тогда вернулись они к его замку и, миновав девять ворот, пришли к хозяину.

— Хэй, Ысбаддаден, — сказал Килух, — принесли мы все дары, что ты потребовал. Отдавай нам свою дочь!

— Хэй, где слуги мои? — воскликнул тогда великан. — Возьмите вилы, поднимите мне веки, — я хочу видеть того, кто хочет получить мою дочь, будь он проклят, и дары, что приготовил он для меня.

И явились слуги, и подняли ему веки, и подперли их вилами.

И когда увидел Великан-из-Великанов, что и вправду принес ему Килух все, что было указано, воскликнул он:

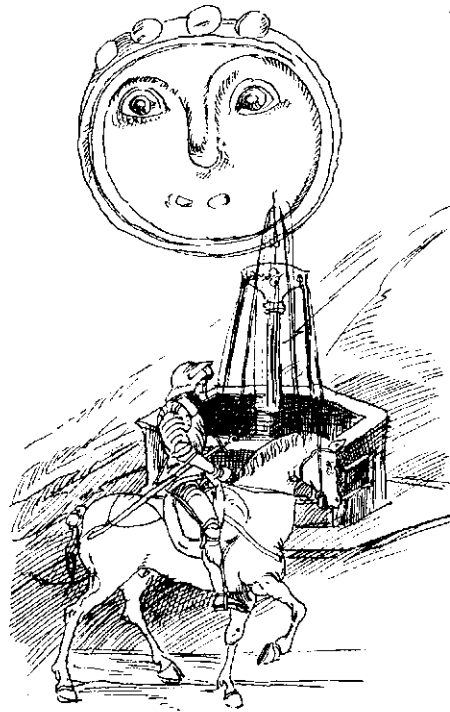
— Ну, что же, ненавистный зять мой, забирай мою дочь, — и жизнь мою в придачу!

И тогда Горн, сын Кистэинна, схватил Великана за волосы и отволол на высокий зеленый курган, что был перед замком, и там отсек ему голову.

А Килух и Олван поженились и жили счастливо.

НА ТОМ КОНЧАЕТСЯ СКАЗКА
О КИЛУХЕ, СЫНЕ КИЛИДДА, И ОЛВАН, ДОЧЕРИ
ЫСБАДДАДЕНА ВЕЛИКАНА-ИЗ-ВЕЛИКАНОВ.

Страна Фонтана

Однажды был король Артур* со своим двором в Каэр Леоне на Иске, и в некий предобеденный час сидел он в палатах, и были с ним королева Гвенхивер,* Овэйн, сын Уриена,* Кай, сын Кинира, и Киннон, сын Кидно.* Король сидел на своем ложе из свежего тростника, застеленом красными и желтыми тканями.

И вот потянуло короля в сон, и он объявил своим лордам, что отдохнет до обеда, и предложил им продолжить беседу без него.

Тогда сэр Кай приказал подать каждому мяса и золотой кубок с медом, и попросил, чтобы кто-нибудь из лордов рассказал о приключениях, которые довелось им пережить, или о каких-либо чудесных вещах.

— Киннон, — сказал тогда Овэйн, — рассказывай ты.

— Воистину, — отвечал Киннон, — ты старше меня и лучший, чем я, рассказчик. Говори ты.

— И все же, начинай ты, — сказал Овэйн, — ты больше меня знаешь о разных чудесах.

— Хорошо, — ответил Киннон.

И вот что рассказал Киннон, сын Кидно, благородным лордам в палатах Артура.

* * *

Однажды в своих странствиях после долгого пути попал я в прекрасную долину, равной которой по красоте, я думаю, нет во всем мире. Зеленые деревья росли на земле той долины, а меж их стволов протекала тихая речка, и у ее берега увидел я тропку, что вела вдоль реки. И по этой тропе ехал я до полудня, никого не встретив, а после того увидел море, и высокий замок на побережье. Подъехав к замку, увидел я двух юношей в богатых желтых одеждах, со светлыми вьющимися волосами, перехваченными золотыми обручами. Луки из слоновой кости, с тетивой из оленьих сухожилий, были у них в руках; и стрелы к тем лукам были с костяными древками и золотыми наконечниками. Были у них изукрашенные золотом пожи, и юноши развлекались тем, что метали ножи в цель.

А неподалеку от них увидел я светловолосого мужчину в богатых одеждах; желтый атласный плащ, расшитый золотыми полосами, был на нем. И я подошел и приветствовал его, и мужчина ответил мне тем же, а потом проводил меня в замок. И там увидел я два десятка и еще четырех девушек, поднявшихся мне навстречу, и прекраснее их не встречал я на Острове Британии. Прекрасные девушки подошли ко мне, и шесть из них взяли моего коня и сняли мои сапоги, другие шесть — помогли мне освободиться от доспехов, еще шесть девушек сменили мои походные одежды на тунику и накидку дорогого желтого атласа, а остальные в это время накрыли на стол.

И мы отобедали с ним, а после еды я рассказал ему о том, кто я, и о том, что путешествую в поисках приключений. Тогда усмехнулся тот человек и сказал, что укажет мне рыцаря, достойного сразиться со мною.

— Проведи сегодняшнюю ночь в моем замке, — сказал он, — а завтра вставай пораньше и выезжай на дорогу, что привела тебя сюда. Продолжив то ней путь, доберешься ты до большого и темного леса. В том лесу встретишь ты поляну, а на поляне увидишь высокий курган. На кургане всегда сидит огромный черный человек; одна нога и один глаз у него, и в руках у него железная палица; ростом он вдвое превышает любого человека этого мира. Ужасных диких животных увидишь ты у его ног. Этот черный человек — страж того леса. Спроси у него с поляны; и даже если будет он груб с тобою, все же укажет тебе дорогу, на которой не минешь ты приключений.

И долгой была для меня та ночь. На утро же встал я раньше всех, покинул замок и отправился по дороге. И пересек я равнину и, вступив в лес, проехал его и оказался, наконец, на поляне, о которой говорил мне хозяин замка.

И увидел я черного человека, сидящего на вершине кургана, и приветствовал его. Но он лишь огрызнулся. Тогда я рассказал ему о том, кто я и чего ищу, и он велел мне ехать по тропинке, что ведет от конца той поляны.

— Скоро приедешь ты к огромному дереву, покрытому зеленой листвою, — сказал страж леса, — и под тем деревом увидишь фонтан в мраморном ложе, а на плитах фонтана — серебряную чашу, прикованную серебряной цепью. Возьми чашу и плесни ею на плиту воды из фонтана. И тогда не останешься ты без приключений!

И я последовал указанной мне тропе, и вскоре открылось моему взгляду огромное дерево, и внизу, у его корней, нашел я источник, бывший фонтаном из мраморных плит. Серебряная чаша стояла у воды; и я поднял ее, и наполнил водой, и плеснул на плиты.

Тотчас страшный удар грома сотряс небо и землю, и обрушился с небес град, какого не видел я до того. В ужасе прикрыл я щитом свою голову, и только тем спасся; когда же кончился град, и я поднял глаза, то увидел — ни одного листа не осталось на прекрасном дереве. И тогда прилетели чудесные птицы, и опустились на голые ветви, и защекали. Кляпуюсь, не слышал я песни, ни птичьей, ни человеческой, что была бы прекраснее той.

И увидел я рыцаря на черном, как смоль, коне, в черных доспехах и в одеждах черного атласа.

— Рыцарь, — воскликнул он, обращаясь ко мне, — что ты имеешь ко мне? Какое зло причинил я тебе, что ты вызвал этот град? Или ты не знаешь, что погубил на моих землях весь скот и всех людей, что были без укрытия?

И с яростью он напал на меня; я же взял свое конье и поскакал ему навстречу. И черный рыцарь выбил меня из седла, и, не удостоив меня никаким вниманием, продел древко конья в уздечку моего коня и ускакал.

Я же, расстроенный поражением и лишенный коня, отправился обратно в тот замок, где провел предыдущую ночь. И в замке снова радушно приняли меня и ни словом не обмолвились о моем путешествии через лес и о том, как потерял я коня.

А наутро мне подвели прекрасного гнедого коня, уже оседланного и собранного в путь. И простившись с хозяином, я отправился в путь и вернулся в свой замок.

И странно, что ни до, ни после моего приключения не встречал я человека, который бывал бы в тех землях или слышал бы что-нибудь о них и о людях, живущих там.

* * *

Так закончил рассказ свой Кинон, сын Кладно.

— Хэй, лорды, — сказал тогда Овэйин, сын Уриена, — было бы хорошо отыскать те земли и фонтан с чашей.

— Клянусь рукой друга, — усмехнулся сэр Кай, — сколько раз произнесил твой язык то, что не решался ты воплотить в деле!

— Видит Бог, — сказала королева Гвенхивер, — тебе, Кай, было бы лучше помолчать, чем возводить хулу на человека столь доблестного, как сэр Овэйин.

Тем временем пробудился король Артур и спросил, не пришло ли время обедать.

— Хэй, государь, — ответил ему Овэйин, — и правда, пришло время идти ко столу.

* * *

И решил Овэйин, сын Уриена, разыскать те места, о которых говорил Кинон, и испытать счастья, сразившись с рыцарем Фонтана. И не было ему сна в ту ночь, а наутро поднялся он, когда все еще спали, снаряжился в путешествие, вооружился и покинул замок.

Через дикие горы лежал путь его к границам мира, и спустя неизвестное нам время добрался он к долине, о которой поведал Кинон. Тихая речка несла там свои воды меж деревьев, и тропа тянулась по ее берегу. И отправился Овэйин по тропе вдоль реки, а потом перешел ее и продолжил путь свой по другому берегу, пока не увидел он море и замок. Приблизившись к замку, встретил он двух юношей, развлекавшихся метанием ножей, а неподалеку — светловолосого рыцаря в желтых атласных одеждах. Они приветствовали друг друга, и рыцарь пригласил Овэйина в замок,

где прекрасные девушки обслужили его так же, как Кинона.

И когда принялись они за еду, спросил хозяин замка у Овэйна, кто он таков и куда держит путь. И Овэйн рассказал ему, что прослышал про рыцаря, стерегущего Фонтан, и хочет сразиться с ним. Тогда хозяин замка улыбнулся и рассказал ему то же, что и Кинону.

И Овэйн провел в замке ночь, а на следующее утро отправился дальше в путь. Дорога привела его в лес, и выехал он на поляну, где сидел на кургане одноглазый и одноногий черный человек. И Овэйн попросил его указать путь, и тот рассказал ему то же, что и Кинону. И так Овэйн добрался до высокого зеленого дерева, под которым был среди мраморных плит фонтан. Серебряной чашей зачерпнул он воды и плеснул на плитку. И тотчас раздался удар грома, и крупный град обрушился на землю.

Под щитом укрылся Овэйн от тяжелых градин, а когда просветлело небо, взглянул он на дерево и увидел, что ни одного листа не осталось на нем. И тогда прилетели птицы, и опустились на оголенные ветви дерева, и пели сладостно и прекрасно.

А после того увидел Овэйн рыцаря на черном, как смоль, коне, в черных доспехах и одеждах черного атласа. И рыцарь мчался на Овэйна, опустив копьё; и тогда Овэйн также опустил копьё и поскакал навстречу рыцарю.

И когда столкнулись они, удар каждого был столь силен, что сломались дровки обоих коней;

но оба рыцаря остались в седлах. Выхватив мечи, снова бросились они навстречу и страшные удары наносили один другому, пока Овэйн, собрав все силы, не ударил черного рыцаря столь жестоко, что рассек его шлем, и кольчужный подшлемник, и кость, и оставил страшную рану в его голове. И когда попил черный рыцарь, что смертельно ранен, развернул он своего коня и помчался прочь, а Овэйн бросился преследовать его.

И тогда сияющий город открылся его взгляду.

И черный рыцарь въехал в ворота города, и Овэйн последовал за ним. Но едва вступил он под каменные своды, как стража опустила решетки ворот, и одна из них упала за спиной Овэйна, разрубив надвое его коня; сам же Овэйн оказался запертым меж двух решеток.

И уже думал Овэйн, что пришло ему время умереть от мечей стражников, когда увидел он прекрасную девушку за внутренней решеткой ворот. И она приблизилась к нему и стояла, разглядывая потерявшего коня рыцаря. Тогда обратился Овэйн к девушке.

— Госпожа, — сказал он, — если можешь ты сделать что-нибудь для моего освобождения, сделай это.

— Видит Бог, — отвечала девушка, — еще не встречала я молодого воина, столь прекрасного и столь достойного любви. Не печалься рыцарь, я сделаю для тебя, что смогу.

И сквозь решетку ворот протянула она Овэйну кольцо с камнем.

— Надень это кольцо на палец, — сказала она, — а камень зажми в кулаке; и как ты сокроешь его в руке, так же и он сделает тебя невидимым.* Когда же придет за тобой стража, чтобы убить тебя, и поднимет внутреннюю решетку, выходи из ворот в город, никем не замеченный. Я буду неподалеку, и ты подойди ко мне и положи руку мне на плечо, чтобы я знала, что ты здесь. И тогда я уведу тебя отсюда.

С этими словами девушка покинула Овэйна, и когда пришли стражи, чтобы убить его, не увидели они меж решеток ворот ничего, кроме разрезанного коня. Овэйн же, проскользнув между вошпами, подошел к девушке и положил руку ей на плечо.

Девушка привела Овэйна в чудесную комнату, превосходно отделанную цветными панелями с золотыми украшениями, и там она развела огонь и принесла серебряную чашу с водой для умывания. И после того поставила она перед Овэйном серебряный столик, инкрустированный золотом, и накрыла его скатертью желтого полотна и приготовила ему обед с чудесными блюдами и винами в золотой и серебряной посуде. Когда же Овэйн отобедал, девушка устелила ему постель дорогими тканями, алыми и серыми, и Овэйн уснул.

Ближе к полуночи пробудился Овэйн, услышав громкий, полный горечи крик. Тогда спросил он у девушки, что это значит.

— Умер благородный рыцарь, хозяин города, — отвечала она.

А на следующий день снова услышал Овэйн крики горести и шум на улице, и снова спросил о том девушку.

— Тело благородного рыцаря, хозяина города, несут к погребению, — отвечала она.

Тогда Овэйн подошел к окну, выходящему на улицы города, и распахнув его, выглянул из комнаты.

Огромная процессия двигалась по улицам; и увидел Овэйн тело рыцаря на носилках, укрытое полотном; множество восковых свечей горело вокруг него. Прекрасные женщины со скорбными лицами шли в той толпе, и благородные воины в полном вооружении. А сразу за носилками с телом погибшего рыцаря ступала прекрасная женщина царственного вида, со светлыми волосами, спадавшими на плечи, в одеждах дорогого желтого атласа. И Овэйн подумал, что никогда прежде не встречал он женщины более прекрасной, и не мог отвести от нее глаз; любовью зажглось его сердце.

И Овэйн спросил девушку о том, кто эта леди.

— Видит Бог, — отвечала она, — это — прекраснейшая из женщин, и мудрейшая, и благороднейшая из них. Это моя государыня, вдова рыцаря, убитого тобой вчера.

— Видит Бог, — сказал Овэйн, — я люблю эту женщину.

Тогда девушка сказала Овэйну, чтобы он оставался в комнате, а она отправится к своей госпоже поговорить о нем.

И вот пришла девушка к Леди Фонтана, и застала ее в великой печали.

— Линэд — (таково было имя девушки) — Линэд, — сказала госпожа, — почему оставила ты меня в моем горе?

— Государыня, — отвечала девушка, — отсутствие мое пойдет тебе же во благо. Я понимаю твою печаль, но не думаешь ли ты, что нужно тебе позаботиться о себе самой и своих землях?

— Бесстыжая! — воскликнула госпожа, — как смешь ты говорить об этом, когда лишь день прошел, как умер мой муж! Сочувствия в горе ждала я от тебя, а не подобных речей, и сейчас не хочу более видеть тебя здесь.

— Хорошо, госпожа моя, — отвечала девушка, — я ухожу, и вернусь не раньше, чем ты позволишь меня.

И она повернулась, чтобы уйти, но Леди Фонтана остановила ее.

— Подожди, — сказала она, — не хотела я обижать тебя. Расскажи мне то, о чем начала ты говорить.

Тогда Линэд вернулась и сказала ей так.

— Госпожа, — сказала девушка, — обширны твои земли, и велики твои достоинства и богатства. Лихие люди не оставят без внимания ни того, ни другого, а ты сама не сможешь защитить ни свое достоинство, ни себя самое. Тебе нужен новый муж — доблестный и достойный рыцарь.

— Линэд, — вздохнула госпожа, — не найти нам человека, равного достоинством и доблестью покойному государю.

— Не так я думаю, — возразила девушка. — При дворе короля Артура найду я тебе нового мужа, прекрасного, благородного и доблестного воина.

— Как же ты сделаешь это? — спросила госпожа.

— Я отправлюсь туда сама, — отвечала Линэд, — и позор мне, если вернусь оттуда одна.

И Леди Фонтана отпустила девушку ко двору Артура.

Линэд же облачилась в одежды для путешествия, и сделала вид, что отправляется в дальний путь; но, едва выйдя из города, она повернула назад и тайком возвратилась в палаты, где оставила Овэйна. И там провела она много дней; когда же прошло время, достаточное для путешествия в страну Артура и обратно, отправилась она к своей госпоже.

— Есть ли у тебя новость для меня? — спросила ее Леди Фонтана, ласково приглашая в свои палаты.

— Есть, госпожа моя, — отвечала девушка, — и новость добрая. Добилась я успеха в своем деле. Скажи мне, когда ты сможешь принять благородного вождя, что пришел со мною?

— Завтра в полдень, — отвечала леди.

На следующий день ближе к полудню Овэйн облачился в дорожные одежды желтого атласа и в желтый парчовый плащ с золотой отделкой, и в полдень Линэд привела его к своей госпоже.

— Государыня, — сказала она, — вот тот вождь, что пришел со мною от двора Артура. И,

клянусь, он не менее достойный воин, чем твой бывший супруг, иначе не был бы он сейчас жив.

— Что-то не выглядит этот вождь проделавшим долгий путь, — сказала госпожа, осматривая Овэйна.

— Разве есть в том какой-то вред? — возразила ей Линэд.

— Хорошо, — сказала Леди Фонтана. — Я соберу совет и решу, как мне поступить.

И на следующее утро госпожа созвала в свои чертоги вождей и знатных воинов своих земель и сказала им:

— Лорды, супруг мой был убит, и я осталась без господина, вы — без предводителя, и наши земли — без воина, что защищал бы их с оружием в руках. Сейчас я предлагаю вам решить, станет ли моим мужем один из вас, или я выберу себе нового супруга из воинов иных земель.

И лорды ее земли решили позволить ей выбрать себе нового мужа из воинов иных земель. И тогда позвали епископов и архиепископов, и отпраздновали брак Леди Фонтана и Овэйна. И все воины тех земель выказали ему почет и уважение.

Овэйн охранял Фонтан мечом и коньем, и с каждым рыцарем, что приходил туда, вступал он в сражение, и повергал его наземь, и брал с него выкуп в соответствии с его достоинством; и эти богатства Овэйн делил между своими вождями и рыцарями, и все люди в его землях любили его.

И было так три года.

* * *

Тем временем при дворе короля Артура не забыли Овэйна и печалились о том, что он пропал столь неожиданно и отсутствует уже три года.

И вот однажды прогуливались король Артур и Гвалхмэй, и заметил Гвалхмэй, что король опечален, и спросил его о том.

— Отсутствие Овэйна, сына Урнена, печалит меня, — отвечал Артур. — Три года назад исчез он после того, как Кинон, сын Клидно, поведал о своем путешествии в Страну Фонтана. И думаю я, что отправился Овэйн искать то Дерево, о котором говорил Кинон, и Фонтан под ним, и беспокоюсь, не случилась ли с ним какая беда, что так долго не видим мы его.

— Государь, — сказал тогда Гвалхмэй, — отчего не собрать нам людей и не отправиться на поиски Овэйна, если думаешь ты, что ушел он по пути Кинона, сына Клидно? И если томится он в плену, мы освободим его, если погиб он от чьей-то руки, — отомстим за его смерть.

— Да будет так, — отвечал король.

И тогда собрал Артур людей и вышел в путь на поиски Овэйна, и три тысячи человек было с ним, не считая слуг, и Кинон, сын Клидно, был их проводником. И дошел Артур до замка, где побывали Кинон и Овэйн, и увидел двух юношей, метавших ножи, и светловолосого человека неподалеку от них. И тот пригласил Артура и людей его в замок, и там провели они ночь, а наутро продолжили путь и достигли леса, и поляны, где был черный человек, и тот указал им путь дальше. И вот вышли они к прекрасному зеленому де-

реву, и увидели фонтан, бивший под деревом среди мраморных плит.

— Государь, — сказал тогда сэр Кай, — я знаю значение всех этих вещей, и прошу тебя позволить мне плеснуть воды на плиту и принять на себя то, что произойдет потом.

— Да будет так, — сказал Артур.

Тогда сэр Кай зачерпнул воды из Фонтана и выплеснул ее на мраморную плиту. И точное раздался удар грома, и страшный град обрушился на землю. И когда прояснилось небо, все взглянули на дерево и увидели, что ни одного листа не осталось на его ветвях. И тогда прилетели птицы, и пели чудесно и сладостно.

А после того появился рыцарь на черном, как смоль, коне, в черных доспехах и в одеждах черного атласа. И Кай напал на черного рыцаря и скоро был сбит с коня. Рыцарь же удалился прочь и неподалеку от Дерева разбил шатер; и люди Артура также разбили шатры и провели в них ту ночь.

На утро увидели люди Артура знак битвы на копье того рыцаря у его шатра, и тогда подошел Кай к королю и сказал ему так:

— Государь, нечестно был я побежден вчера этим рыцарем. Дозволь и сегодня сразиться мне с ним.

И Артур разрешил ему, и когда появился черный рыцарь, Кай выехал ему навстречу, и немедленно был выбит из седла. Рыцарь же подъехал к нему и туным концом копья ударил ему в голову, так, что разбил и шлем и кольчужный подшлем-

ник, и ранил его. И Кай вернулся назад к своим товарищам.

И тогда каждый воин из свиты Артура стал выезжать на схватку с черным рыцарем, и так продолжалось до тех пор, пока не осталось воина, что не был бы повержен им наземь, кроме самого Артура и Гвалхмэя.

И Артур вооружился, чтобы напасть на черного рыцаря, но Гвалхмэй становил его.

— Хэй, вождь, — сказал он, — дозвожь мне первым сразиться с тем воином.

И Артур разрешил ему, и Гвалхмэй вооружился и поднялся на коня, и встретился с черным рыцарем. И ни один из них не поверг другого на землю в первой схватке, и то же было, когда съехались они вновь. Так сражались они до наступления сумерек, и каждый был равно далек от победы, как и противник. Тогда разошлись они к своим шатрам, чтобы встретиться наутро.

И на утро следующего дня снова встретились они для сражения, и долгое время, как и вчера, победа не склонялась ни на чью сторону. К полудню пришли они в страшный гнев от того, что никто не может победить, и разозлившись, нанесли друг другу столь страшные удары, что лопнули у обоих подруги и, перелетев через крупы своих коней, оказались они на земле. И каждый стремительно поднялся на ноги, и выхватил меч своей; воины же обступили их, говоря, что никогда не видели рыцарей, столь могучих и доблестных, как эти двое.

И тогда черный рыцарь нанес противнику страшный удар, и разбитый шлем отлетел прочь с головы Гвалхмэй. И черный рыцарь узнал, кто перед ним.

— Лорд Гвалхмэй! — вскричал он, — доспехи ваши не позволили мне узнать всех вас, и даже тебя, моего двоюродного брата! Возьми меч мой и доспехи — ты победил!

— Нет, Овэйн, — отвечал ему Гвалхмэй, — ты сильнее, и тебе принадлежит победа. Возьми ты мой меч.

Тогда подошел к ним Артур, радуясь, что нашелся Овэйн, и так сказал им:

— Возди, — сказал он, — дайте мне оба ваших меча, и тогда никто из вас не станет победителем другого.

И так они и сделали.

— Государь, — сказал Овэйн Артуру, — земли, что ты видишь вокруг, мои. Три года живу я здесь, и три года готовлю я для тебя пир, ибо всегда знал, что ты найдешь меня. Так не откажи мне, позволь принять тебя и твоих людей в моем замке.

И они отправились в замок Овэйна и Леди Фонтана, и там был приготовлен для них пир, лучше и богаче которого не видели они никогда. Три месяца длился тот пир, и когда он закончился, король собрался домой, в Каэр Ллеон на Иске. И очень хотел Артур взять с собою Овэйна, чтобы тот погостил в его замке, но Овэйн и его супруга не хотели надолго разлучаться. Тогда отправил Артур посыльных к Леди Фонтана, и та с

грустью согласилась, чтобы Овэйн погостил у Артура в течении трех месяцев.

И с тем уехали король Артур, и его воины, и слуги, и Овэйн, сын Уриена, прочь с Земель Фонтана, и вскоре прибыли они на Остров Британию, в Каэр Ллеон на Иске. И там, при дворе Артура, окруженный родичами и добрыми друзьями, провел Овэйн три года вместо трех месяцев.

* * *

И вот однажды по прошествии тех трех лет, когда Овэйн и другие воины сидели за столом Артура, появилась там девушка в дорогих одеждах желтого атласа верхом на гнедом коне, чья волнистая грива спадала до самой земли, а седло и поводья были отделаны золотом. И, войдя в зал, подошла девушка к Овэйну и забрала у него кольцо, что было на его руке.

— Так, — сказала она, — отныне позор на твоей бороде, ибо ложь и предательство совершил ты.

И с этими словами ушла она прочь.

И тогда воспоминание о том, что было, пришло к Овэйну, и стыд и досада объяли его. И едва закончив трапезу, удалился он в свои покои, и не было ему сна в ту ночь. На утро же оседлал он коня и покинул Каэр Ллеон, и отправился в дорогу. И через пустынные горы к границам мира лежал его путь.

Но дорога в Земли Фонтана не открылась ему; по диким местам скитался он, пока не потерпелась

его одежда, и пока тело его не приблизилось к смерти, и волосы выросли столь длинными, что стали скрывать тело; и он говорил с дикими зверьми, и питался вместе с ними и тем же, чем они. И когда ослабел он настолько, что не мог более поддерживать свою жизнь, спустился он с гор в некую долину, и попал в прекрасный сад, и лег там умирать.

А владелицей того сада была некая вдовствующая леди, и вот однажды со свитой своей прогуливалась она по саду, и нашли они Овэйна, услышав его стоны. И столь страшен был вид его, что все ужаснулись. А когда вернулись они в замок той леди, она позвала к себе одну из девушек и дала ей баночку с целебной чудодейственной мазью.

— Иди, — сказала она, — к тому человеку в саду, и возьми с собой эту баночку, одежду и коня. Этой мазью смажь его тело, а одежду и коня оставь рядом с ним и посмотри, что он станет делать.

И девушка пошла к Овэйну, и смазала тело его целебной мазью, и, оставив одежду и коня, спряталась неподалеку. И вскоре очнулся Овэйн и, придя в себя, ужаснулся своему виду. С большим трудом дополз он до оставленной одежды, а одевшись, поднялся в седло. Тогда девушка вышла из своего укрытия и приветствовала его. И Овэйн также приветствовал девушку, а потом спросил, в каких землях он очутился.

— Это владения прекрасной леди-вдовы, моей хозяйки, — отвечала девушка, — муж ее умер, и

молодой ярл,* живущий неподалеку, отобразил все, что у нее было, потому что леди не хочет быть его женой. Только этот сад, и замок, и конь, что под тобою, еще принадлежат моей госпоже.

— Прискорбно слышать такое, — ответил Овэйн.

И девушка привела Овэйна в замок, и проводила его в прекрасные покои, где приготовила для него еду и вино, и развела для него огонь в очаге. И с того времени стал Овэйн жить в замке; и по прошествии трех месяцев исцелился он от своих недугов, и тело его стало здоровее, чем было раньше.

И вот однажды услышал Овэйн великий шум и суесту перед стенами замка, и спросил, что это, у той девушки.

— Приехал тот ярл, о котором я говорила тебе, и воины его с ним, — отвечала девушка, — приехал, чтобы отнять у моей госпожи последнее, что у нее оставалось, и чтобы глумиться и издеваться над ней самой.

— А найдутся ли в замке доспехи и оружие? — спросил тогда Овэйн.

— Конечно, — сказала девушка, — и самые лучшие в мире.

И девушка пошла к своей госпоже, и сказала ей, что просил Овэйн.

— Тогда пойдешь к госпоже своей и спроси у нее, не позволит ли она мне воспользоваться чем-нибудь из этого оружия.

— Я с радостью сделаю это, — сказала леди, — без жалости отдам я этому рыцарю лучшие дос-

нехи, что есть у меня, ибо лучше, если будут они принадлежать честному человеку, чем достанутся тому ярлу, что скоро отнимет у меня последнее, чем я владею.

И она послала Овэйну лучшее, что было в оружейной ее замка, и доброго коня. И вооружившись, выехал Овэйи из ворот замка, и увидел под замковыми стенами огромную толпу рыцарей и слуг того ярла.

— Где же сам ярл? — спросил Овэйи у людей леди, которые были с ним.

— Там, где выются четыре желтых стяга, — отвечали ему, — два из них несут перед ярлом, и два — позади него.

И тогда пришпорил коня Овэйи, и врубившись в толпу, раскидал охранников ярла, и схватив его за одежды, бросил поперек санны своего коня перед седлом. И с тем вернулся он в замок: в палаты леди принес он ярла и бросил перед нею на пол.

— Это мой подарок тебе, госпожа, — сказал он, — в благодарность за твою доброту и чудотворительную мазь, что спасла меня от смерти.

А люди ярла разбили шатры вокруг замка и провели там день и ночь. Ярл же, в качестве выкупа за свою жизнь, вернул леди все земли, что отнял у нее, и все награбленное у нее богатство, и еще добавил половину своих владений.

После того распрощался Овэйи со вдовствующей леди, и как не просила она его остаться и разделить с ней ее владения, тронулся в путь к границам мира.

И дорога вела его через дикие места, через леса, где стоял страшный шум; и посреди такого леса набрел Овэйи на огромный каменный холм. На склоне холма возвышалась скала, и в той скале увидел Овэйи расселину; и когда он приблизился к ней, появился белый лев, а из расселины выползла змея. Но когда уже подняла она голову, чтобы ужалить белого льва, быстро выхватил Овэйи свой меч и разрубил змею пополам. И дальше отправился он своей дорогой, но обернувшись, увидел, что лев идет за ним, играя подобно борзой у ног хозяина.

И так шли они весь день, и когда на закате остановился Овэйи на ночлег и приготовился разжигать огонь, белый лев принес ему дров и хворосту. Потом снова ушел лев в лес, и к тому времени, как запылал огонь, вернулся он с косяцей в зубах. И положив косяцу к ногам Овэйина, улегся лев между ним и огнем. Овэйи же отрезал кусок мяса себе на ужин и поставил его на вертеле над огнем, а остальное отдал льву.

И вдруг услышал Овэйи позади себя тяжкий стон, а потом второй и третий.

— Хэй, ты, который стонет, — воскликнул Овэйи, — принадлежишь ли ты нашему миру?*

— Конечно, — ответил голос.

— И кто ты?

— Я Линэд, служанка Леди Фоггана.

— И что ты тут делаешь?

— Меня заточили в камень, и случилось это по вине молодого воина, пришедшего от двора коро-

ля Артура. Был он супругом моей госпожи, а потом отправился в гости к Артуру и не вернулся. И тогда я услышала, как двое молодых людей оскорбляют того воина, и называют его лживым предателем, и я сказала им, что оба они вместе не стоят одного того воина. Вот за это они заточили меня в камень,* и сказали, что жизнь покинет мое тело, если не придет тот рыцарь в нужный день. И день тот будет послезавтра.

Тогда сказал Овэйн:

— Девушка, воин, которого ты ждешь, здесь, и сейчас говорит с тобою.

И Овэйн провел в тех местах два дня; и когда пришло тому время, появились двое юношей с волнистыми светлыми волосами, и развели костер, а после того отворили камень и потащили девушку к костру, чтобы сжечь ее на огне. Тогда вышел к ним Овэйн, и спросил их, что они имеют против нее. И юноши поведали ему то же, что Линэд двумя днями раньше.

— И раз тот рыцарь — Овэйн, сын Уриена, — не пришел, чтобы спасти девушку, — сказали они, — то сделаем мы то, что хотели.

— Он пришел, Овэйн, сын Уриена, — сказал Овэйн и, выхватив меч, напал на них.

И сразились они двое против одного, и тяжело пришлось Овэйну. И был он близок к поражению и верной смерти, когда выскочил из леса белый лев, и могучим ударом лапы убил одного из его противников, и тогда Овэйн убил другого.

И после того вместе с Линэд и белым львом отправился Овэйн в земли Фонтана, и дорога туда открылась перед ними, и без трудностей добрались они до Дерева, и Фонтана, и замка леди, супруги Овэйна.

И после того вернулись они ко двору короля Артура, и жили там в счастье и согласии до самой их смерти.

НА ТОМ КОНЧАЕТСЯ ПОВЕСТЬ

ОБ ОВЭЙНЕ, СЫНЕ УРИЕНА, И ЛЕДИ ФОНТАНА.

Мерлин и Артур — история продолжается

графстве Чешпир, недалеко от границ Уэльса, возвышается над местностью заросшая лесом гора, называемая сейчас Олдерли Эдж — Олдерлиийский Предел.* Издревле связываются с этой горой имена чародея Мерлина и короля Артура.

С тех пор, как после битвы при Камланне распалась держава великого кельтского короля, бритты Уэльса всегда помнили, что Артур не

умер, но, смертельно раненый, был увезен на священный, недоступный для простых смертных остров — на настоящий Авалон. И там целились его раны, и он вернулся на землю Британии и там ждет часа явиться вновь, когда наступит крайняя опасность для британской земли.

Рассказывают, что однажды некий крестьянин встретил на склоне Олдерли Эдж страшного старика с седой бородой.

— Под тем деревом, из ветвей которого вырезал ты этот посох, — сказал старик, указывая на ореховую палку в руках крестьянина, — находится пещера, в которой спрятаны несметные сокровища.

— Откуда ж здесь сокровища? — удивился крестьянин.

И тогда старик рассказал ему, что спит в пещере король Артур со своей дружиной, крепко спит до того часа, когда снова потребуются его сила и мудрость, чтобы защитить Британию.

— Если ты сумеешь найти то дерево, то войдешь в пещеру и сможешь взять там столько золота и серебра, сколько унесешь. Но в проходе там висит большой колокол, смотри же не задень его, ибо тогда проснутся рыцари Артура раньше своего срока.

И сказав так, незнакомец исчез.

Крестьянин же нашел тот орешник, из ветви которого вырезал себе посох, и у его корней действительно обнаружили вход в пещеру. Забравшись в лаз и протиснувшись мимо колокола, оказался он в просторном зале, и зрелище, открывшееся ему, было прекрасным и дивным.

Лежали в пещере спящие воины, в древних доспехах и при мечах. На изукрашенном троне спал старый король в золотой короне, и на коленях его лежал обнаженный меч. Все вокруг сверкало драгоценными камнями, и у ног спящего короля возвышались груды золота и серебра.

Не решился крестьянин тронуть здесь ничего, кроме золотых монет. Набив ими карманы, отправился он обратно, но задел ненароком тяжелый гулкий колокол, и раздался в пещере низкий долгий звук. Тогда очнулся ото сна король на троне и открыл глаза.

— Настал ли день? — спросил он.

— Нет еще, нет! Спите дальше! — воскликнул перепуганный крестьянин.

Молвил тогда король:

— Хорошо, что сказал ты так. Теперь же уходи отсюда, дабы не пробудились мои воины раньше срока.

И снова погрузился в сон. А крестьянин выбрался из пещеры и никогда больше не смог найти вход в нее.

И говорят, что тем стариком был сам Мерлин, указавший крестьянину пещеру короля Артура, чтобы люди помнили — Артур не умер и ждет часа вернуться.

И так же не верят бритты, что великий маг Мерлин, которого звали иначе Мирддин Эмрис, умер в том смысле, в каком умирают простые смертные...

...Инис Элли, зачарованный Остров Бардов, лежит в море в двух милях от побережья Каэр-

нарвоншира. Говорят, что двадцать тысяч монахов похоронено здесь. Говорят еще, что в пещерах Острова сокрыты древние королевские сокровища, и в том числе — трон Британии, волшебное кольцо из Иного Мира, принадлежавшее Овэйну, сыну Урисна, и чудесные вещи, коими владел Талесин Князь Бардов. Сам Мерлин принес сюда эти сокровища, когда погибла держава Артура, и сам он спит здесь, охраняя сокровища и дожидаясь часа, когда восстанет Артур на защиту земли бриттов.

И многие люди видели на берегах Уэльса, лежащих против Инис Элли, тень Мерлина в плаще с капюшоном, других же сам Мерлин предупреждал о штормах, наводнениях и иных бедствиях.

И так не окончены великие деяния прошлого, и еще многие страницы будут вписаны в славную летопись подвигов человеческого рода.

КРУГ ТАЛЕСИНА

Гвион Бах, или Сказка о Керидвене и волшебных каплях

далекие дни, когда начал править в Британии король Артур, жила в землях, что зовутся сейчас Невелани, знатный человек по имени Тэдиг Фозль. Наследственным владением его были воды, что зовутся Ланин Тэдиг.*

Он был женат на женщине по имени Керидвена; она, как говорят, была волшебницей и владела тремя искусствами: магией, чарованием и прорицанием.

Был у них и сын, о котором рассказывают, что имел он ужасную и отвратительную внешность; они называли его Морвран, то есть "Большой Ворон", но потом дали ему имя Авагди, что означает "Полная

Тьма". И имя это очень ему подходило, ибо действительно был он угрюм и ужасен видом, как сама тьма. Мать его сильно печалилась об этом и думала, что не сможет их сын войти в общество благородных людей, не изменив своей внешности. И тогда она решила сделать сына великим бардом, и наполнить его духом пророчества, чтобы он смог войти в мир как великий предсказатель и певец.

И вот после долгих трудов узнала она, что можно добиться этого, не пользуясь силой особых трав и человеческого умения. Вот что нужно было для этого сделать: найти и собрать определенные травы в определенный день и час, опустить их в котел с водой, и оставить этот котел на огонь. И должен этот котел кипеть день и ночь в течение года и одного дня. В последний день выпрыгнуть из котла три капли, хранящие все силы многих трав, и тот, на кого эти капли попадут, станет тотчас искусен во многих искусствах и наполнен духом пророчества. А варево, оставшееся после того в котле, будет самым сильным ядом, какой только может быть на земле. И от силы этого яда закричит и расколется котел, и прольется яд на землю.

И вот Керидвена собрала нужные травы и сложила их в огромный котел. Когда собиралась она ставить его на огонь, оказался неподалеку старый слепой человек, которого за руку вел мальчишка. Немного думая, Керидвена наняла их обоих: слепца — ворочать котел, а мальчишка — чтобы в течение года и одного дня поддерживать под ним огонь. Сама же она мешала варево в котле и следила за тем, чтобы не выкипела из него вся вода.

Никто не знает, как звали того слепого человека, и кем он был, — да это и не важно. Мальчика же звали Гвион Бах, что значит “Маленький Гвион”.

Прошел год, и ни разу за это время не погас под котлом огонь, и ни разу не вышлепала из него вся вода. Наконец, наступил последний день, когда три волшебные капли должны были вышлепнуться из котла. Привела Керидвена Морврана, своего сына, к котлу и поставила его у огня, дабы попали на него те капли. Сама же волшебница присела в сторонке немножко отдохнуть.

И случилось так, что проспала она долгожданый момент. Вышлепнулись из котла три волшебные капли, но упали не на Морврана, а на Гвиона, который нечаянно столкнул с места сына волшебницы, когда подкладывал в огонь свежее дрова. Котел громко вскрикнул и раскололся от силы оставшегося в нем странного яда. Все варево пролилось на землю, и пропали долгие труды Керидвены.

Проснулась тогда Керидвена и, увидев, что котел разбился, обрадовалась, думая, что все случилось, как она хотела. И принялась она спрашивать о разном своего сына, чтобы проверить, насколько велика стала его мудрость.

Гвион же, как только коснулся его чудесные капли, ощутил в себе что-то необычное. И обнаружил он, что знает обо всем, что здесь произошло: и о том, что за травы варила Керидвена, и о волшебных свойствах понавших на него капель. И о том, что скоро поймет Керидвена, что к чему, и ужасна будет месть волшебницы за то, что отнял мальчик дар, предназначенный ее

сыну. Тогда бросился Гвион прочь, дабы скрыться от гнева волшебницы.

И правда, Керидвена скоро поняла, что сын ее ничуть не изменился, и Морвран рассказал ей, что Гвион отпихнул его от того места, куда поставила его мать, и волшебные капли попали не на него, а на мальчика.

Тогда пришла Керидвена в страшное неистовство, и бросилась преследовать Гвиона. И вот уже почти настигла она его, но обернулся мальчик зайцем и ускользнул от нее. Тогда обернулась Керидвена черной борзой и снова стала преследовать Гвиона, гоня его все дальше и дальше. И так было много времени, и не один раз оба они меняли свои обличья, но в конце концов волшебнице удалось загнать Гвиона в амбар, из которого не было другого выхода. В том амбаре была большая куча провешанной пшеницы, и Гвион прыгнул в эту кучу, обернувшись хлебным зерном. Но Керидвена обернулась черной хохлатой курицей и склевала его.

Девять месяцев Керидвена носила в себе Гвиона, и по истечении этого времени вернулся он в мир. И хотела волшебница убить мальчика, но, взглянув на него, почувствовала, что не может причинить ему вреда — ни убить, ни ранить. И тогда взяла она обитый шкурами коракль,* положила в него мальчика и опустила в воду — одни книги говорят, что было это некое озеро, другие — река, третьи — море. Как бы то, ни было, по спустя долгое время нашли его люди, когда коракль прибило волнами к берегу. Но это — уже повесть о Талескине.

Гибель равнин Гваэлода

о времена, когда верховным королем Британии был Артур, королевством Кередигнон в Уэльсе правил король Гвиддио Гаранир. Большинство земель в Уэльсе занято холмами, горами и вересковыми пустошами, но у короля Гвиддио была, среди прочих его владений, прекрасная, плодороднейшая земля, называемая равнинами Гваэлода. Гваэлод лежал у

самого моря; четырежды двадцать городов стояли на его землях, и прекраснейшим из них был замок самого Гвиддио, Абердовэй, выстроенный из белого камня и возвышавшийся там, где река Маудах вступает с холмов на равнины Гваэлода. Большой порт стоял на берегу этой земли и принимал корабли со всего света; с древнейших времен приходили в этот порт корабли из Финикии, чтобы купить олово, в изобилии добываемое в Британии.

Лишь одна беда была у людей Гваэлода: могучее море каждый день грозило страшными разрушениями равнине, лежащей почти на уровне моря. Еще в давние времена короли, владевшие Гваэлодом, построили огромную плотину, длиной в многие мили, и только эта плотина ограждала Гваэлод от ярости морских штормов. На той плотине возвышалось множество смотровых башен, и лучшие воины Кередигнона день и ночь сидели с этих башен за состоянием плотины.

Король Гвиддио доверил это важное дело двум своим князьям: за южной частью плотины следил князь Сэйтэнниш, а за северной — самой далекой от королевского замка — князь Тэйтрини. Князь Сэйтэнниш, один из самых могучих и знатных воинов Кередигнона, жил в замке, стоявшем прямо в середине плотины. Всем он был хорош, не считая одного недостатка — слишком любил он хорошее вино, и предание называет его одним из Трех Величайших Пьяниц Британии. Другой князь, Тэйтрини, владел небольшим замком у северного конца плотины, близ холмов Ардидви; считалось, что он подчиняется Сэйтэннину, отве-

чавшему перед королем Гвиддио за состояние всей плотины в целом.

И вот однажды князь Тэйтрин прогуливался вдоль своего участка плотины, проверяя, не случилось ли где обвала или иного разрушения. И так дошел он до башни, от которой начинался участок Сэйтэниша, и с ужасом увидел, что немного дальше зияет в плотине огромный пролом, и каменные блоки по сторонам от него тоже едва держатся в стене.

Недолго думая, бросился князь в смотровую башню, полагая, что найдет там мастеров, готовящихся ремонтировать повреждение. Но — к огромному его удивлению — башня была пуста. Выбежал князь на стену и бросился к следующей по направлению к замку Сэйтэниша смотровой башне. И велико же было его удивление, когда и там не застал он ни одного человека. Не зная, что и думать, отправился князь дальше по стене, и добрался — так никого и не встретив — до замка князя Сэйтэниша.

Стража у замковых ворот, выходящих на стену, была пьяна, и князь Тэйтрин, ничего от нее не добившись, прошел в главную замковую залу.

Там встретил его сам князь Сэйтэнин с чашей вина в руке.

— Рад видеть тебя, дорогой князь! — воскликнул Сэйтэнин. — Вонетину, ты вовремя: столы накрыты, и пир полным ходом. Входи же и будь нашим гостем!

Тэйтрин рассказал ему о том, что видел большой пролом в плотине, но Сэйтэнин только отмахнулся, сказав, что плотина достаточно проч-

на, чтобы выдержать несколько дней, пока идет пир в его замке. Тогда поплыл Тэйтрин, что бесполезно говорить с князем, пока тот не закончит свой пир, и, отказавшись от угощения, поспешил покинуть замок. Спустившись с плотины, отправился князь в замок самого короля, чтобы рассказать ему о грозящей Гваэлodu беде.

Но в замке Абердовэй повезло ему еще меньше. Оказалось, что король Гвиддио принимает знатных гостей, и по древнему обычаю никто не может войти в это время в пиршественную залу, если не является он королем или князем.

— Так я и есть князь! — воскликнул Тэйтрин. — Имя мое — Тэйтрин, сын Татала.

Но стражники у дверей зала лишь покачали головами:

— Мы не знаем тебя, — сказали они. — И хотя мы не хотим сомневаться в твоих словах, но не можем мы пропустить тебя, пока не приведешь ты знатного человека, который подтвердит, что ты — Тэйтрин, сын Татала.

Тогда Тэйтрин покинул королевский замок, думая разыскать принца Эльфина, сына короля Гвиддио, и попросить его засвидетельствовать перед гвардейцами его имя.

Юный принц Эльфин, тем временем, ловил рыбу на высоком берегу реки Маудах неподалеку от королевского замка. Он сидел в тени раскидистого дерева, смотрел на воду и слушал, как звенит она на перекатах. Неожиданно раздался над водой звук, похожий на удар грома, и некий голос произнес:

— Берегись! Берегись натиска Гвенхуdiv!

Эльфин сидел, ни жив ни мертв от страха. Он знал, что Гвенхудив — это одно из имен водной Девы, русалки, называемой также Настушкой Глубин; белые бараники волн были ее стадами. Много лет назад — отец рассказывал ему об этом — король тоже услышал такое предупреждение, “Берегись натиска Гвенхудив”, и потом на долгое время перенес свои палаты так далеко от моря, как только мог.

Но Эльфину не хотелось думать, что он на самом деле столкнулся с чем-то ужасным, как когда-то давно его отец. Он оглянулся по сторонам, надеясь увидеть кого-нибудь, кто зло пошутил над ним.

И тут на дороге, которая тянулась от королевского замка, показался князь Тэйтрин. Приблизившись, он поклонился принцу и поприветствовал его.

— Я видел, как ты шел по дороге, — сказал Эльфин. — Кто ты?

— Я князь Тэйтрин, сын Татала, — ответил князь.

— Я слышал твою имя. Что привело тебя сюда?

— Мне нужно понасть к королю Гвиддию, но стража у дверей его зала потребовала, чтобы кто-нибудь подтвердил, что я князь. Я хотел попросить тебя пойти со мной, потому что у меня очень срочное и важное дело к королю.

— Хорошо, — ответил ему Эльфин, — Но скажи, это ты кричал только что “Берегись натиска Гвенхудив”?

— О нет, мой принц. Я не сказал ни слова.

— Но ты говоришь неправду! — воскликнул Эльфин, — ведь я слышал эти слова!

Но Тэйтрин повторил, что молчал по до дороге из замка, и попросил Эльфина не спорить об этом, а скорее пойти с ним к королю, ибо дело его действительно не терпит отлагательства. Тогда принц спросил его, что случилось, и Тэйтрин рассказал о бреши в плотине и о шире князя Сэйтэннина.

— Да, — сказал тогда Эльфин, — дело твоё срочно, и мы вместе пойдём к моему отцу.

И они вместе отправились в замок.

Но когда у дверей зала, где Гвиддию принимал своих знатных гостей, принц заверил стражу в княжеском достоинстве Тэйтрина, воины вновь покачали головами.

— Мы не можем принять свидетельство принца, — сказали они, — ибо он ещё слишком мал.

И сколько не убеждали их Тэйтрин с принцем, воины оставались непреклонны.

Тогда покинули они королевский замок, и выходя из ворот его, окинули взглядом равнины Гваэлода, казавшиеся отсюда, с холмов, огромной цветущей чашей.

— Что же, — сказал Тэйтрин, — я снова отправляюсь в замок князя Сэйтэннина. Быть может, мне удастся убедить его.

— Я пойду с тобой, — сказал Эльфин, и они вдвоём отправились к плотине.

Когда добрались они до замка князя, Сэйтэннин и его придворные все ещё пировали.

— Хэй! — воскликнул Сэйтэннин, увидев Тэйтрина. — Ещё раз приветствую тебя, князь! Все-

лье наше продолжается, и я снова приглашаю тебя разделить его с нами.

— Но теперь нас двое, — сказал Эльфин, выступив вперед, — и я, принц Эльфин, сын короля Гвиддио, от нас двоих благодарю тебя за приглашение.

Увидев королевского сына, князь Сэйтэннин слегка протрезвел.

— Приветствую тебя, мой принц, — сказал он. — Входи и садись на почетное место в моем зале.

Но Тэйтрин прервал речь князя.

— Ты сможешь почтить принца на другом берегу в другой день, — сказал он. — Сейчас же мы пришли к тебе по делу, и дело наше терпит отлагательства. Я говорил тебе — плотина начала разрушаться, и в любой момент море может прорваться на равнины Гваэлода.

Князь Сэйтэннин ударил кулаком по столу, так, что подпрыгнула на столешнице посуда, и воскликнул:

— Да! Я знаю, плотина стара и разрушается во многих местах. Но это не опасно, я уверяю тебя. Вопстину, говорю я тебе, это не опасно. Где мой слуга? Эй, еще меда в мой кубок!

Но все вокруг него уже спали пьяным сном, и некому было наполнить его серебряный кубок.

— Слушай, Сэйтэннин, — сказал Тэйтрин, наклонясь к нему через стол, — камни плотины расшатались, и колонны грозят рухнуть. Мы должны что-то сделать, иначе не сегодня-завтра море прорвет плотину.

— Хэй, как ты мудр! — воскликнул пьяный князь. — Кто же, по-твоему, сможет восстано-

вить плотину, построенную величайшими мастерами древности? Меда мне, слуги!

— Пойдем, Эльфин, — сказал Тэйтрин, — не будет нам толку в этих палатах.

Они повернулись, чтобы уйти, и в дверях зала увидели прекрасную девушку.

— Я Ронвен, дочь князя Сэйтэннина, — сказала она. — Позвольте мне проводить вас.

Но едва покинули они замок, как раздался звук, подобный удару грома, и страшный голос произнес:

— Берегись натиска Гвенхудив!

Все замерли в ужасе.

— Я уже слышал это сегодня, — сказал Эльфин, — но подумал, что это ты, пошутил, Тэйтрин.

Я тоже слышала предупреждение, — воскликнула Ронвен. — Что это значит?

— Гвенхудив — Леди Морских Волн, — пояснил Тэйтрин. Но моему, меняется погода: нужно подняться на плотину.

И они обошли замок Сэйтэннина и поднялись на плотину, туда, где древняя стена сдерживала натиск моря. Здесь завывал и хлестал брызгами и пеной ветер, и на море был уже шторм.

— Мы все в великой опасности, — сказал князь Тэйтрин. — На море шторм, и приливы в это время высоки. Плотина не выдержит.

Тогда увидели они, как одна особенно высокая волна ударила в стену замка Сэйтэннина и, вышибив колонны между окнами, хлынула в иррешественный зал.

Отец! — воскликнула Ронвен.

— И все гости князя спят, — сказал Эльфин.

Но прежде, чем успели они что-либо сделать, новая волна, еще выше прежней, ударила по плотине и замку, и передняя стена с грохотом рухнула в воду. И тут только пробудился князь Сэйтэннин.

— Хэй! Что за зверь напал на меня? — вскричал он, обнажая меч. — Стража, к оружию!

— Твой меч бессилен против этого зверя, — крикнул ему Эльфин. — Спасайся сам и спасай своих людей!

— Кто сказал это? Остр меч мой и сильна моя рука! — и с этими словами на устах и с обнаженным мечом в руке князь Сэйтэннин прыгнул навстречу бунующему морю, и море поглотило его.

— Отец, отец! — закричала Роивен, протянув руки к тому месту, где скрылся князь под водой; но ничем уже нельзя было помочь ему.

— Мы должны бежать отсюда, — сказал тогда Тэйтрин, — иначе мы будем погребены под рупнами плотины и замка. Ступайте за мною!

И отступили они прочь от плотины, и вскоре достигли холмов, где собрались уже многие жители побережья, ибо почти все слышали предупреждение “Берегись ватиска Гвенхувид”, и поверили ему. И там, на холмах, оглянувшись они назад, и увидели лишь бунующее море, покрытое белыми стадами Морской Девы.

А королевский замок Абердовэй, бывший ранее глубоко внутри страны, далеко от моря, возвышался теперь над ревущим прибоем.

Было это в древности, давным-давно, и до сих пор равнины Гваэлода сокрыты морем. И до сих пор на морском берегу близ Абердовэй бывает слышен в полночь перезвон колоколов. И говорят, что это — колокола церкви Гваэлода, земли, поглощенной морем...

Талесин, Князь Бардов

дважды, когда Эльфин, сын Гвидно, вырос и превратился в юношу, пришел он со своими людьми на остатки плотины Гваэлода — собрать рыбу, оставшуюся в заводи после отлива. Ибо после гибели плодородных равнин не осталось у его отца иных промыслов, чтобы кормить себя и своих воинов.

И увидели они, подходя, что ни одного лосося не попало в приготовленные ловушки, но лежат у самой воды

пришепетный волнами коракль, а рядом сидит на камне мальчик и жалуется, опустив голову, на несчастную свою судьбу. Тут услышал мальчик их шаги, оглянувшись и, заметив их, бросился в коракль и завернулся покровными шкурами.

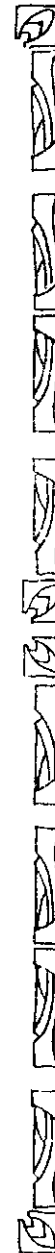
Тогда Эльфин приблизился к кораклю, достал свой нож и разрезал шкуры. И когда показался из разреза лоб мальчика, воскликнул Эльфин:

— Смотрите, у него светящийся лоб!

А по-валлийски это звучало так: "Тал Йесин", что и значит "светящийся лоб". Так и назвали того мальчика — Талесин, — а люди Эльфина говорили, что воплотился в нем дух Гвиона Баха, или — что это сам Гвион Бах, который много лет назад был проглочен волшебницей Керидвенной, а потом освобожден из ее тела и отправлен ею в коракле по волнам моря. Тогда плывал он по морским водам от начала правления короля Артура до времен короля Гвинедда Маэлгуна, что составляет около сорока лет.*

Тогда взял Эльфин мальчика, положил его на спину лошади и отвез в свой дом. И пока они ехали, Талесин спел песнь, известную как Дехиддиант Эльфин, что значит "Утешение Эльфина".*

Славный Эльфин, умерь свое горе!
Плач не приносит пользы.
Никогда на плотине Гвидно
Не ловили того, что сегодня.
Пусть я мал, но я дар —
Моря и гор, и речных глубин
Господь илет благою щедрость.
Пусть я хрупок и мал,
В день борьбы заслужу

Втрижды тебе богатства,
 Ничего ты не должен бояться,
 Пока я слежу за тобой.
 И именем Тронцы
 Никем ты не будешь сражен.

Дома Эльфина передал Талесина своей жене, и та приняла его и растила с заботой и любовью.

С того времени благосостояние и богатство Эльфина стали быстро расти, и также росла и благожелательность к нему короля Маэлгуна. И вот однажды в Каэр Дугави, замке, где располагался двор короля, был большой пир по случаю Рождества, и Эльфин был приглашен туда. Были на том пиру все князья Маэлгуна — и светские, и духовные, — и множество рыцарей и знатных землевладельцев. И вот какую беседу вели они меж собою:

— Разве есть во всем мире другой такой могучий человек, как король Маэлгун? — говорил один из придворных другому. — И разве дал кому-либо Господь столько же, сколько дал он нашему королю: красоту, благородство, силу, и это помимо его духовных достоинств!

— А кроме всего того, — говорил другой придворный, — дал Господь Маэлгуну и еще один чудесный дар — это его королева, чья красота, чистота и мудрость достойны восхищения. И нет такой женщины или девушки среди благородного сословия, которая могла бы сравниться с королевой.

И так спрашивали они друг друга:

— Чьи люди храбрее людей нашего короля?

Чьи кони и собаки быстрее? Чьи барды искуснее и мудрее?

А барды в те времена были людьми весьма уважаемыми. Никто не мог считаться бардом, если не был он знатным родословных королевских и княжеских родов, если не владел оружием и благородными обычаями, если не был историком, если не владел многими языками, такими, как латынь, английский, французский (это помимо валлийского), и если не мог на любом из этих языков читать, писать и слагать поэмы. И так знатных бардов при дворе короля Маэлгуна было не менее двенадцати четырех, и главу их звали Хейнни Вард.

И вот, после того, как каждый из бардов сказал похвалы и благословения королю, случилось Эльфину промолвить:

— Несомненно, спорить с королем может только другой король; но, воистину, будь я равней Маэлгуну, сказал бы я, что моя жена не менее целомудренна и прекрасна, чем королева, а также, что есть у меня бард, превосходящий всех бардов короля.

Неосторожные эти слова Эльфина слышали многие придворные Маэлгуна, и кто-то из них донес королю о дерзости Эльфина. И немного прошло времени, как повелел король схватить Эльфина и бросить его в темницу в одном из своих замков, и было сделано так. Говорят, что цепь, которой были скованы его ноги, была из чистого серебра, ведь Эльфин и сам был королевской крови. Заточив Эльфина, король послал своего сына Рина в замок Гвиддио узнать, дейст-

вительно ли жена Эльфина столь же благородна и добродетельна, что и королева Гвинедда. И нужно сказать, что при дворе короля Маэлгуна считали его сына самым жадным до женщины человеком в королевстве, и поговаривали, что не упускал он случая обесчестить беззащитную благородную женщину.

И вот направился принц Рин в замок Гвиддио. Но Талесин, пребывавший там, посредством волшебного своего дара узнал обо всем, что случилось в Каэр Дэгавни, и предупредил об этом свою госпожу, жену Эльфина. И вот что сделали они по совету Талесина: одели в платье госпожи некую девушку, одну из служанок, и украсили пальцы ее прекрасными кольцами, и усадили на место, принадлежащее госпоже. Сама же она одела платье служанки; Талесин сделал так, что стала жена Эльфина лицом похожа на ту девушку, а девушка — на нее.

Принц Рин объявился в замке неожиданно; его приветливо приняли и проводили в палаты госпожи. Безо всяких сомнений сел он ужинать с девушкой, считая ее женой Эльфина. Как говорят, Рин подсыпал в ее вино специально привезенный порошок, и когда ужин закончился, девушка быстро и крепко заснула. Тогда Рин достал свой нож и отрезал мизинец на левой ее руке, вместе с перстнем, который недавно подарил Эльфин своей супруге.

С тем и отправился принц воевать, и прибыв в Каэр Дэгавни, рассказал королю Маэлгуну, что был с женой Эльфина, и представил отрезанный палец с кольцом как доказательство того. Король

был рад такому известию и немедленно собрал свой совет, и рассказал обо всем, что произошло. Потом он приказал привести Эльфина, чтобы посмеяться над его хвастовством добродетелями жены. И вот что он сказал ему:

— Вопетину, Эльфин, ни один человек в мире не может говорить о своей жене то, что говорил ты, и верить в ее верность дальше, чем он видит ее. И ты можешь убедиться, что твоя собственная жена изменила тебе прошлой ночью, и в доказательство этого ты видишь здесь ее палец с кольцом, который отрезал тот, кто был с ней. Так что теперь не сможешь ты хвастаться добродетелями своей жены.

Тогда ответил ему Эльфин:

— С твоего позволения, благородный король, не могу я отрицать, что это кольцо — кольцо моей жены, и есть здесь люди, которые знают это. Но, вопетину, палец, который опоясывает это кольцо, никогда не принадлежал руке доброй моей жены, и есть три вещи, о том свидетельствующие. Во-первых, — с дозволения твоего величества — это кольцо всегда было впору моей жене, но ты можешь заметить, что на этот палец кольцо было надето с большим трудом. Во-вторых, сколько я знаю мою жену, она никогда не ложилась спать в субботу вечером, не подрезав свои ногти, а ноготь этого пальца не стрижен уже месяц. И, наконец, в-третьих, под ногтем этого пальца остался кусочек ржаного теста, а ты, я надеюсь, не думаешь, что моя жена хоть раз месила тесто с тех пор, как вошла в мой дом.

И король ничего не смог возразить ему на эти слова, и оттого разозлился еще более, и велел снова бросить Эльфина в темницу и держать там до тех пор, пока он не узнает правду о его барде так же, как он узнал правду о его жене.

Тем временем Талесни рассказывал в замке Эльфина своей госпоже о том, что Эльфин вновь заточен, но просил ее не терять надежды и верить, что все хорошо завершится. Он сказал ей, что пойдет в Каэр Дэгавн ко двору Маэлгуна — освободить их господина.

Тогда же сложила Талесни песнь, и спел ее, и кончалась она такими словами:

Ни блага, ни красоты
 Маэлгуну из Гвиннеда;
 Да придет месть за ложь,
 За жестокость, и наглость,
 И дела его сына Рива;
 Да будут земли его пусты;
 Да будет жизнь его коротка;
 Да будет наказание долгим;
 Маэлгуну из Гвиннеда.

И после того попрощался Талесни со своей госпожой, и отправился в Каэр Дэгавн, ко двору короля Маэлгуна. Добравшись туда, прошел он в залу, где король ужинал в окружении книзей и принцев.

Войдя в ту залу, Талесни нашел себе местечко в укромном се уголке, и уселся там, шкем не замеченный. А между тем пришло время королевским бардам подойти к столу, где сидел Маэлгун с самыми знатными своими гостями и придворными, и пропеть хвалу его щедрости, силе и могуществу.

И вот, когда проходили барды мимо того угла, где сидел Талесни, тот вытянул губы и с помощью пальца извлек из них звук, похожий на “блерум-блерум”. Никто, кроме идущих мимо бардов, не услышал его, а сами барды не сочли нужным обратиться на него вниманье — они были слишком полны сознанием ответственности их дела.

И так барды подошли к королю, пропели и проговорили ему свои хвалы и, поклонившись, обратились было повернуться и уйти, как вдруг — все сразу — вытянули губы и с помощью пальцев произвели звук, похожий на “блерум-блерум”. Король был странно удивлен и велел лорду-распорядителю выяснить, не потеряли ли его барды рассудок, или не выпили ли они слишком много вина за столом.

Но барды сами были удивлены не меньше король и, что самое страшное, они никак не могли остановиться. После того, как они второй раз произвели свое “блерум-блерум” перед королем, тот велел им убираться на свои места. После третьего раза король приказал им покинуть зал, но и тогда не смогли они остановиться. И после четвертого коллективного “блерум-блерум” Маэлгун велел одному из рыцарей ударить Хейнниша, главу бардов. Услужливый рыцарь немедленно схватил со стола тяжелое деревянное блюдо и огрел почтенного барда по голове, отчего тот упал на пол.

Придя в себя после рыцарского удара, Хейнни Вард поднялся на колени перед королем и промолвил, чередуя связную речь с “блерум-блерум”:

— О славный король! Позволь мне сказать, что не виновны в постыдном нашем поведении ни

помутнение рассудка, ни крепкое вино. Причиной же наших страданий — вот тот дух, что сидит в обличье мальчика в углу твоего зала.

Тогда король послал рыцаря за Талесином, и тот сходил в его угол и привел его к королю. Маэлгун спросил его, кто он и откуда, на что Талесин ответил стихами:*

Главный поэт
у Эльфина я,
Жилище мое —
Хебурима земля.

Тогда спросил король, как его зовут, и снова ответил Талесин стихами:

Джоан Пророк
звал Мерлин меня,
А теперь — Талесин —
называют князья.

Тогда король спросил, где бывал он, на что Талесин ответил ему длинным рассказом в песне:*

Я был с моим Господом
на небесах,
Когда пал Люцифер
в глубины ада;
Я нес боевое знамя
вперед Александра,
Я знаю имена звезд
с севера до юга...

...И я был девять месяцев
в утробе Керидвенцы;
Я прежде был Гвион Бах,
но ныне — Талесин.

И говорят, что эта песнь привела короля и всех, кто слышал ее, в величайшее изумление. Тогда Талесин спел еще одну песнь, в которой объяснял королю, зачем он явился в замок, и что он здесь делает. И заканчивалась эта песнь такими словами:

Так я — Талесин,
Князь Бардов Запада;
И я освобожу Эльфина
из золотых оков его.

После того занял Талесин песнь силы, и поднялся страшный ураганный ветер, сбивавший людей в зале с ног. Все стали просить короля Маэлгуна поскорее привести из темницы Эльфина, ибо иначе рухнет сам замок под натиском ветра. И король подчинился просьбам своих людей, а когда привели Эльфина, и стих ветер, Талесин занял другую песнь силы, и разбилась оковы, что были на ногах его господина.

Кад Годдо Битва деревьев

Я был многим, прежде, чем стал собой:
Я был узким волшебным мечом, — я верю,
так было;
Я был в воздухе каплей дождя, был лучами
звезды;
Я был словом ответа, я был книгой начал;
Я был тем, кто светит, — год и еще половину;
Я был мостом над устьями шести рек;
Я был треной, я был орлом, я был челном
в океане;
Я был пеной над пивом, я был каплей в дожде;
Я был сталью в руке, был щитом в бою;
Я был струнами арфы волшебной, был пеной
морской;
Я был искрами в пламени, был дровами
в костре.
И я не был тем, кто молчал, я шел с тех пор, как
был мал;
Я шел в войске древесных ветвей,
пред британским вождем;
Я был резвых коней...
Я был страшного зверя в чешуях, о ста головах,
Я был черную жабу — сто когтей на ней,
И волшебную, с гребнем, змею — сто душ
страдают под икурой ее.

Я был в Каэр Невеннр,* где падали трава
и деревья,
Где нели барды, и воины мчались вперед,
Где Гвиднон поднимал свой жезл волшебства,
Где взывал он к Господу, и взывал к Христу,
Чтобы Тот, кто создал его, охранял его.
Тогда ответил Господь в словах и в земле:
“Создай себе войско из стойких деревьев,
И закрой Пиблинг от грядущей войны.”
И когда совершил он чары, во имя нашей надежды,
И срубил деревья — воины встали,
И три вожда вступили в битву тягостных дней.
И кровь людей поднялась нам до бедер.
Ольшаник — лучший в строю — начал атаку;
Рябина и ива держалась в хвосте;
Терновник был жаден до боя;
Могучий князь — дерущийся князь;
Розовый куст в битве с тозною яростен был,
И плющ прекрасен, и дрок ужасен;
Над ворогом вишня смеялась; и шла позади
Береза с высокой мудростью —
Не по трусости, но потому, что была велика;
...чужеземцы над чужою водой...
Ель — впереди, правитель в сраженьи;
Ясень трудился, монархам служба;
И вяз в своей ярости двинуться с места не мог;
И прямо ударил бы, сбоку, и сзади;
Бирючина рада — бык битвы, князь мира;
Падуб размахивал зеленью, и он был в сраженьи;
Прекрасный боярышник сеял рапенья;
Лоза рвалась в бой, падавая;
Папор крушил; ракитник тозпу
Плугом косил; дрок невезуч,
Но ярость в руке его; прекрасен дерущийся
вереск —

Избранник в толпе, крушитель людей;
 Мощен и яростен дуб, дрожали пред ним небеса
 и земля;
 Лютый враг воинов, имя его — на дощечках;
 ..... ужасал в поединке;
 ..... сдерживал тех, кто пришел из-за Врат.

Страшен разлившийся строй благородных деревьев:
 Черный поток их горы обходит, в силе дерева;
 Верхушки березы растут для нас — непреложная
 Сила;

Верхушки дуба растут для нас от Гвархана
 Маэллэру,
 Смеющегося со склона холма, господина.....

Не был рожден я отцом и матерью;
 Вот девять частей, из коих я создан, как
 при Твореньи:
 Из плодов фруктов, из плодов Бога — вначале;
 Из первоцветов; цветов, что растут на холмах;
 из лесных и древесных цветов;

Из основы земли был я создан;
 Из крапивы цветков; и из вод девятой волны.
 Колдовал меня Маг,* раньше, чем стал я
 свободен;

Гвидион* создавал меня — великая магия
 из посоха чар;
 От Эйрвиса и Эйрона, от Эйрона и Модрона;
 От пяти полусотен магов и мастеров, могучих,
 как Маг, был я рожден.

Господь меня создал, когда был он в огне —
 Маг Магов создал меня...

Огненный бард! Обычай велик; я спеть могу
 все, что язык изречет.

Я был на рассвете, я спал в багрянце;
 Я был в обороне с Диланом Мором;
 В мантис среди королевей;
 В двух крепких конях, соединенных с небес;
 В Анцуне* будут точить их, в битве, для кося
 грянут они.
 Я был волшебной змеей в холме, я был гадукой
 в озерах;
 Я был звездным лучом; я был этим кошем;
 Пятнажды полсотни рабынь — цена моего
 пожа;
 Быстр, как чайка, мой бледно-желтый конь;
 И сам я не слаб между морем и берегом;
 Чешуйчат и красен мой щит, золото в его
 кольце;
 В Адви не рожден еще воин, что повергнет
 меня.

Кроме Горонви из Доли Эдрыви.*
 Я жил, как воин, пока не стал человеком бугв;
 Я бродил, я кружил, я спал на ста островах, я
 жил в ста крепостях.

Друиды, в мудрости, пророчили Артуру;*
 То, что раньше, они постигают, что было
 раньше;
 Золотистый, золотошкурый, я украсу себя
 сокровищами;
 И пребуду во славе пророчеством Девы.

ТАНЦЫ ДИВНОГО НАРОДА

Коллен и Маленький Народец (притча)

авным-давно, в незапамятные времена, жил в Уэльсе святой по имени Коллен, человек большой любви к людям. Все помыслы его направлены были к Богу, хоть и происходил он из рода воинов, не последнего среди влиятельных родов на Острове Британии.

У него была келья на склоне горы, и вот однажды утром он сидел в ней, погруженный в свои думы. И неожиданно услышал он доносящиеся снаружи

голоса двух мужчин. Они говорили о Гвине, сыне Нидда: один утверждал, что Гвин — Король Иного Мира, и все дьяволы в его распоряжении, а другой человек настаивал, что Гвин еще и король маленького справедливого народа, что называют иногда Дивным Народцем. Но какова бы ни была правда, было ли у него одно королевство или два, они согласались, что Гвина хорошо было бы иметь другом как в нашем Море, так и в ином.

Коллен так возмутился, когда услышал это, что выглянул из-за двери кельи:

— Попрдержите свои языки — воскликнул он. — те, о ком вы говорите, не лучше дьяволов!

— Ты тоже попрдержки свой язык — посоветовали ему мужчины, — если не хочешь, чтобы король Гвин преследовал тебя.

И вот эти мужчины ушли, и Коллен снова погружился в размышления. Но не надолго, потому что вскоре услышал он стук в дверь кельи и голос, спрашивающий, дома ли Коллен.

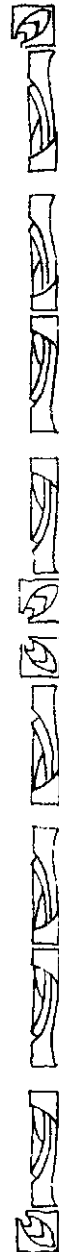
— Ибо я хочу поговорить с ним, — сказал голос.

— Кто спрашивает? — Коллен даже не подозревал, кем может оказаться стучащийся.

— Я посланец от Гвина, сына Нидда, короля Ашуга и Дивного Народца. Повелел король, чтобы пришел ты и поговорил с ним на вершине зеленого холма в полдень.

— Посмотрим, — сказал Коллен и снова погружился в размышления, и весь день носа не казал за порог.

А утром на следующий день посланец пришел во второй раз, приказав Коллену в полдень отправиться на встречу с его королем на вершину холма.

— Посмотрим, — сказал Коллен и весь день ни разу не посмотрел в окно.

Утром на следующий день посланец пришел в третий раз и передал тот же приказ.

— Я говорю с тобой как друг, Коллен, — добавил он, — но если ты не придешь в полдень на вершину холма, то Гвин, сын Нидда, вынужден будет забрать тебя силой. Для вас обоих будет лучше, если придешь ты по своей воле.

Коллен, как видно, думал так же, и за час до полудня пришел он к склону зеленого холма, поросшего высокой травой. Он немного боялся — самую малость — и благоразумно захватил с собой флагу святой воды.

И вот поднялся он на вершину холма, и к удивлению своему увидел там большой и прекрасный замок, самый удивительный из всех, что он когда-либо видел. Вокруг замка был чудесный парк, и в парке увидел Коллен отряды воинов в сверкающих доспехах, и многих менестрелей, играющих дивную музыку, и певцов в удивительных нарядах, ведников на лошадях, красивых юношей с рыжими волосами и с бородками, которые только что начали расти, девушек — высоких и элегантных, веселых и резвых, с ланями в руках. И все эти люди были в расцвете юности и в великолепии расшитых золотом одежд, и Коллен сразу сообразил, что перед ним — королевский двор.

И затем услышал он голос сверху и увидел на башне замка важного и учтивого человека в сверкающей мантии, который пригласил его немедленно войти, так как король ожидал Коллена, чтобы откупать с ним. Сквайры выскочили из замка,

чтобы сопроводить его во внутренние чертоги замка; и там подали ему воду в серебряной посуде великолепной работы, и когда он умылся, провели его в широченную залу, туда, где сидел их король за золотым столом на золотом троне. Напротив было приготовлено место для Коллена, и когда он уселся и рассмотрел короля, казалось ему, что никогда раньше не видел он человека с такой благородной наружностью и великолепными манерами, с таким истинно королевским величием.

— Государь, — сказал Коллен, невольно выдавая свое восхищение, — я приветствую тебя от всего сердца.

— И я также приветствую тебя.

И король с уважением обратился к Коллену и предложил ему отведать приготовленные кушанья и выпить вина.

— Если что-то здесь не понравится тебе, сказал король, — я прикажу, чтобы принесли то, что вы пожелаете — что бы это ни было. Любое лакомство будет твоим, и еще подумай, что ты будешь пить — тебе принесут это в кубке из рога буйвола и чистого золота. Каждый день, что будешь ты здесь со мною, все будет относиться к тебе с должным почетом, как этого заслуживает мудрый седой человек, и отменно служить тебе. Слуги накроют столы, если ты захочешь есть или пить, и лучшие менестрели и барды развлекут тебя, если захочешь ты развлечения. А в тот день, когда ты решишь уйти, я одарю тебя драгоценными дарами и дам лошадей, которые повежут дары. А теперь, добрый сэр, ешь, пей и веселись.

— Я не съем и листочка с твоего дерева, не выпью и росники с твоей травы, — отвечал ему Коллен, — и я думаю, что ты понимаешь меня.

— Тогда взгляни на моих людей, — сказал король, показывая на сквайров и воинов в голубых и красных одеждах, что окружали их.

— Да, все это очень хорошо, но ни за что на свете я не соглашусь носить эти цвета.

— Скажи мне, почему? — спросил король.

— Ибо красный цвет означает горение, а голубой означает замерзание, и больше я не скажу тебе ни слова, — ответил Коллен.

И тогда он вытащил свою флягу и брызнул вокруг себя святой водой. И вмиг все исчезло, не стало ни замка с вооруженными отрядами, ни мужчин, ни девушек, ни музыкант, не песен, ни шра, — ничего, кроме зеленого холма и полуденного солнца. И довольный Коллен спустился со склона холма, поросшего высокой травой, вернувшись в свою келью и позволив себе отдохнуть от столь тяжелого дня.

И нигде в древних книгах не написано о том, чтобы Дивный Народец причинил после того какой-либо вред святому Коллену, и о том, чтобы Гвин, сын Нидда, еще раз посылал к нему своих людей.

И также ничего не знаем мы о том, что было со святым Колленом после того, как закончилась его земной путь, и началась его жизнь в шом мире...

Тафи-ан-Шон и волшебный круг

авным-давно *Гьлвит Тэг*,* Дивный Народец, любили собираться на зеленых кругах* для того, чтобы всю ночь напролет петь и танцевать. Если кому-либо из людей доводилось попадать на такие круги во время этих вечеринок, они оставались там, ни о чем не подозревая, целую вечность, заслушавшись волшебной музыкой. Когда-то таких кругов было много в долине рядом с Пешкардом в Кармартеншире.

В те самые давние времена жил один парень, Тафи ап Шон, сын сапожника. Частенько пас он своих овец в этой долине, и вот однажды летней ночью, когда он уже собирался гнать их домой, на камне, что был неподалеку, неожиданно появился маленький человечек в штанах из лишайника и со скрипкой под мышкой.

Для обычного человека он был просто невообразимо мал. Костюм его был сшит из березовых листьев, на голове красовался колпак из цветка дрока, а ноги были обуты в крошечные туфельки из крыльев жука. Он пробежался пальцами по струнам своего инструмента, и Тафи замер от изумления — такой музыки он еще никогда не слышал.

— *Нос да'х, нос да'х,* — сказал человечек, — доброй ночи, доброй ночи тебе.

— *Ав и хвитаи,* — ответил Тафи, — желаю тебе того же.

Человечек заговорил вновь,

— Ты любишь танцевать, Тафи, — сказал человечек, — и если ты немного здесь задержишься, то увидишь один из лучших танцев во всем Уэльсе. Ведь я музыкант.

— Где же твоя арфа? — спросил Тафи. — Валлиец не может танцевать без арфы.

— Вот, посмотри, — ответил человечек, — на моей скрипке я могу сыграть для танца кое-что получше.

— Этот деревянный половник со струнами, что ты держишь в руках, называется скрипкой? — спросил Тафи, никогда в жизни не видевший подобного инструмента.

И лишь тут он заметил, что со всех уголков горы через ступающуюся сумерки к месту, где они стояли, направляются сотни маленьких прекрасных фей и элифов. Некоторые из них были одеты в белые платья, некоторые в голубые, а некоторые — в розовые. У многих в руках вместо факелов были свечечки. Они передвигались с такой легкостью, что ни одна былинка, ни один цветок не шелохнулся при их приближении под их тяжестью. По мере того как они подходили, все делали Тафи реверанс или кланялись, а Тафи снимал свою шляпу и тоже кланялся им в ответ.

Но вот маленький менестрель провел смычком по струнам своего инструмента и вновь полилась такая волшебная музыка, что Тафи застыл, прикованный к месту. Под звуки завораживающей мелодии Тылвит Тэг разбилась на отдельные группы и начали петь и танцевать. Вот песня, которую они пели:

*Кани, кани друй ы нос;
Давнио, давнио ар вай ы рос;
Ы'нголин'р лленид длос,
Ханге ыдим ни!
Науб охонюм сид ын ттон;
Хеб ин говид дан эй врон;
Кани, давнио, ар ы ттон,
Ханге ыдим ни!*

Песни, песни на всю ночь;
Танцы, танцы во всю мочь;
Там, где над вереском светит луна,
Мы всегда счастливы!
Все как один веселы;
Не видно печали среди нас,
В песне и танце на зеленой траве,
Мы всегда счастливы!

Из все танцев, что когда-либо Тафи приходилось видеть, ни один бы не сравнился с тем, что он увидел тогда. Он едва удерживался, чтобы не пуститься в пляс под эту веселую музыку, но не отваживался танцевать. Ведь в глубине души он подозревал, что танцы ночью на горе в такой странной компании, да еще под волшебную — наверняка — скрипку, отнюдь не самый прямой путь на небеса.

Но в конце концов он ощутил, что ни в силах больше сопротивляться колдовской музыке и зрению танцующих эльфов.

— Эх, будь, что будет, — вскричал Тафи, с воплем восторга бросая в воздух свою шляпу, — продолжай играть, старый черт!

И едва прозвучали эти слова, все вдруг мгновенно переменялось. Цветочная шляпа исчезла с головы менестреля, а вместо нее на ней выросли козлиные рога. Лицо его стало черным, как сажа; из под платья из листьев показался длинный хвост, а вместо туфель из крыльев жука появились раздвоенные копыта. На сердце у Тафи стало тяжело, а в ногах продолжало царить веселье. В душе его был ужас, а в ногах — безумство.

Все вокруг превратилось в самых разных существ. Некоторые стали козлами, некоторые — собаками, кто-то принял облик лисицы, другие — кошек. Это была самая странная компания, когда-либо окружавшая человеческое существо. Танец, в конце концов, стал таким пелетовым, что Тафи уже не мог различать танцующие фигуры. Они кружились вокруг него с такой быстротой, что походили на огненный круг.

А Тафи все продолжал танцевать. Он не мог остановиться, дьявольская скрипка была ему явно не по силам, а существо с козлиными рогами продолжало играть все быстрее и быстрее, и Тафи, несмотря ни на что, продолжал оставаться внутри сумасшедшего хоровода.

Но через какое-то время, — через несколько минут, как ему показалось, — ему удалось выбраться из заколдованного круга. И все сразу исчезло.

И Тафи отправился домой, по окрестности, такне знакомые прежде, показались ему очень странными. Появились дома и дороги, которых он прежде никогда не видел, а на месте скромной хижинки его отца стоял красивый каменный фермерский дом. А вместо бесплодной каменистой земли, к которой он привык с детства, его окружали возделанные поля.

— Да, — подумалось ему, — это какие-то колдовские шутки, чтобы обмануть мои глаза. Не прошло и десяти минут, как я оказался в том кругу, а сейчас, когда я выбрался оттуда, они построили моему отцу новый дом! Надеюсь, по крайней мере, что он настоящий; во всяком случае пойду и погляжу.

Раздумывая обо всем этом, он направился к дому знакомой тропинкой, но неожиданно наткнулся на очень прочную живую изгородь. Он протер глаза, потрогал изгородь, почесал затылок, вновь ощутил изгородь, и, наконец, — уколол палец о длинную колючку.

— Ого! — воскликнул он. — Во всяком случае это настоящая ограда, и выросла она, судя по шипам, отнюдь не за несколько минут.

И он перелез через ограду и двинулся дальше.

— Здесь я родился, — сказал он самому себе, входя во двор фермерского дома и дико озираясь вокруг, — но все здесь мне незнакомо.

И окончательно он растерялся, когда к нему бросился, заливаясь бешеным лаем, огромный пес.

— Что же это такое? Убирайся, ты, мерзкая тварь! Разве ты не знаешь, что я здесь хозяин?

Но собака, разумеется, продолжала лаять — она вовсе не считала Тафи хозяином этого дома.

— Ну конечно, — пробормотал он себе под нос, — я заблудился и брожу где-то неподалеку по знакомым местам. Впрочем, нет, — вон тот камень, что я вижу, безусловно Карэг Хир!

И он стоял и приемотривался к знакомому камню, который до сих пор стоит на горе к югу от Пенкадэра.

Но тут он услышал сзади шаги, и, обернувшись, увидел хозяина дома, который вышел на лай собаки узнать, что случилось. Несчастный Тафи был так бедно одет, что сердце валлийского фермера сразу потеплело.

— Кто ты, бедный человек? — спросил он.

— Я знаю, кем я был, но я не знаю, кто я теперь, — отвечал Тафи. — Я был сыном сапожника, который жил на этом месте сегодня утром. Я знаю это совершенно точно: вон там торчит из земли Карэг Хир, который трудно с чем-нибудь спутать.

— Бедный малый, — произнес фермер, — ты ошибся. Этот дом был построен моим прадедом, его чинил мой дед, а эту часть, что выглядит со-

всем новой, построил я сам три года тому назад. Ты наверное ошибся или сбился с дороги, но все равно заходи. Отдохнешь с дороги и поешь.

Тафи уже и сам наполовину поверил, что он попросту сбился с пути, и все же те места казались ему слишком похожими на родные.

— Но еще и часу не прошло, как я на вон той скале разорил гнездо ястреба, — пробормотал он.

И тогда Тафи поведал о своем приключении.

— Да, — сказал фермер, — ты, значит был с эльфами... Господи, как же звали твоего отца?

— Шон Эван ы Кридд из Глаприда, — ответил Тафи.

— Я никогда не слышал о таком человеке, — сказал фермер, качая головой, — и даже о таком месте как Глаприд. Но ничего, после того, как ты перекусишь, мы сходим с тобой к Кати Шон, что живет в Пенкадэре. Возможно, она сумеет нам хоть что-то объяснить.

Он сделал Тафи знак, чтобы тот следовал за ним, и направился в дом. Но шаги позади него становились все тише и тише, и он обернулся и похолодел от ужаса. Прямо у него на глазах несчастный Тафи быстро сохся, а потом рассыпался и превратился в горсть золы. Фермер, хоть и был страшно испуган, тут же побежал к старой Кати, древней старухе, что жила рядом с Пенкадэром.

Когда он пришел к ней, старуха сидела у огня, стараясь согреть старые кости и подкладывая время от времени охапку торфа в очаг.

— Как поживаешь, Кати? — спросил фермер.

— О, — ответила старая Катя, — у меня все чудесно, фермер, особенно учитывая, насколько я стара.

— Да, да, ты очень стара. А раз ты такая старая, то позволь мне спросить тебя, не слыхала ли ты что-нибудь о человеке по имени Шон Эван ы Кридд из Глаприда? Не знаешь ты, был ли вообще когда-нибудь такой человек?

— Шон из Глаприда? Да, смутно я что-то помню. Мой дед, старый Эван Шейкин рассказывал как-то про сына Шона, который однажды исчез и никогда больше не вернулся. Решили, что его забрали эльфы. Лачуга его отца стояла где-то рядом с твоим домом.

И он рассказал ей печальную историю обо всем, что произошло.

Мальчик, который ушел от эльфов

восемьсот лет тому назад в Южном Уэльсе на берегу реки жил двенадцатилетний мальчик по имени Илдир. Его мать очень хотела, чтобы он стал священником, когда вырастет, и по этому его отдали учиться грамоте к почтенному и строгому учителю. Наставник оказался так суров, что нередко бил мальчика до крови, и тот боялся и не любил его.

И вот однажды, не выучив урок, Илдир убежал к реке и спря-

тался в пещере на ее берегу. Он просидел в пещере три дня. В первый день он говорил себе: "Уж конечно, лучше быть голодным, чем побитым." На второй день он снова сказал: "Лучше быть голодным, чем побитым." Ну а на третий день, когда силы его поубавились, он начал подумывать, не лучше ли быть побитым, чем голодным, и собрался вернуться к своему наставнику. И тут в пещеру вошли два маленьких человека с корзинами ягод в кувшинами, пахнущими молоком. И все это они преподнесли Илдиру, сказав при этом:

— Мы думаем, что лучше не быть ни голодным, ни избитым.

Мальчик подумал, что это самые мудрые слова, которые ему когда-либо приходилось слышать на своем веку. С большим удовольствием он быстро все вынул и съел.

— Наши сердца прониклись нежностью к тебе, — сказали человечки, когда он закончил трапезу и вытер рот. — И если ты пойдешь с нами, мы приведем тебя в страну, где много игр и удовольствий.

Для Илдира вряд ли что-нибудь могло быть хуже, чем вернуться к своему суровому учителю: терять ему было нечего, и он без страха и колебаний последовал за ними. Они шли по тропинке, которая вела все дальше и дальше в пещеру, пока не открылась перед ними прекрасная страна. Среди зеленых деревьев и цветущих кустарников текли там быстрые журчащие реки с хрустальной водой и нестрелы всевозможными цветами дуга. Здесь не было ни яркого солнечного света, ни мягкого сияния луны, и потому дни были серыми, а ночи черными, как смоль.

Илдира привели к королю этой подземной страны. То был величественный человек, всем своим существом возвышающийся над подданными. Он был благороден и милостив, как и подобает особе, занимающей такое высокое положение.

Король расспросил Илдира о его жизни и обещал ему, что с ним будут обращаться с такой же добротой и почтением, как и к его собственному сыну.

— Ты можешь играть сколько тебе угодно, — сказал король, — но в то же время ты будешь учиться грамоте. Мы должны всегда помнить, что говорил великий царь Соломон: "Хотя горьки корни учения, но плоды его сладки." А поскольку ты хочешь стать священником, то учение также необходимо тебе, как и прищипу.

Илдиру эти слова показались разумными и он пообещал, что будет учиться с большим усердием и удовольствием.

Целый год мальчик прожил в подземном царстве с маленьким честным народцем. Вместе с сыном короля он играл в мяч и учился грамоте.

Жители подземного мира казались ему гораздо прекраснее всех, живущих на земле. Они славились умом и добротой, а их маленький рост не портил их хорошего телосложения. У них были лошади, коровы, собаки и множество других животных и вещей, которыми люди пользуются на земле, только все это было размером, подходящим их маленькому росту. Они никогда не ели мяса или рыбы, но пили молоко, которое готовили по особому рецепту. Оно настаивалось в посу-

де с шафраном и другими травами, сладкими на вкус.

В основном, жители подземного царства были благородны и любили друг друга, уважали правду и преданность. “Доверие — это наша опора, — говорил король Илндирю много раз, — пусть это будет также и твоей опорой.” Поскольку маленький честный народец жил весело и свободно, гораздо лучше, чем живут на земле люди, то Илндир принял их жизнь с радостью и не задумывался.

Однако, ему не удалось забыть о жизни на земле, о людях с их привычками, с их слабостями и достоинствами. Поэтому мальчик много раз ходил на родину по тропинке, по которой первый раз спустился в подземное царство. Иногда его сопровождали маленькие человечки, но так как они ему доверяли, то он часто ходил домой один.

И вот вскоре Илндир появился у своей матери. Радости ее не было границ, и он стал приходить в отчий дом все чаще и чаще, рассказывал о подземном мире, о маленьком народе, об их жизни и вере, об их привычках и чувствах.

— Неужели у них даже чашки и тарелки и те из золота? — недоумевала мать.

— Да-да, я говорю тебе чистую правду, даже мяч, которым мы играем с сыном короля, и тот золотой! — отвечал мальчик.

Слушая рассказы своего сына, подумала женщина, что она так много работает, а получает слишком мало, и неплохо было бы ей, такой бедной женщине, иметь этот золотой мячик. Ведь если забрать его у маленьких жителей, то это останется никому не замеченным.

— Сынок, мальчик мой, — позвала она Илндирю, — любишь ли ты свою маму?

— Конечно же, я люблю тебя больше всего на свете, — отвечал ей Илндир.

— Тогда сделайшь ты для меня то, о чем я тебя попрошу?

И он ответил, что готов исполнить любую ее просьбу. Но когда мать попросила его принести золотой мяч из подземного царства, мальчик сильно огорчился.

И все-таки он пообещал, что выполнит просьбу матери.

Казалось, что в мире маленьких лесных человечков не было недостатка в золоте, да и золотой мяч никто не охранял, поэтому, на следующий же день, когда он играл с сыном короля, Илндир украл мяч и отправился домой. Сначала он шел, а потом побежал, так как сзади слышал топот, похожий на топот мышей. Мальчик понял, что его преследуют. Добежав до берега реки, он увидел двух человечков, которые быстро бежали за ним и голосами, похожими на голоса птиц, кричали, чтобы он вернул им золотой мяч. Несмотря на свой маленький рост, лесные жители быстро догнали его, и когда он споткнулся на ступеньках родного дома, они схватили выпавший из его рук мяч.

— Пожалуйста, простите меня, я сделал это не для себя, а из любви к своей матери. Она попросила меня об этом, — кричал Илндир.

— Запомни, мальчик, на чужом несчастье своего счастья не построишь, — отвечали ему маленькие человечки.

— Простите меня, пожалуйста, простите меня, я не хотел сделать вам ничего плохого. Возьмите меня обратно с собой в Подземный мир. Не оставьте меня одного, — взмолился Илндир.

Но маленькие человечки не слушали его, они быстро уходили прочь, крепко сжимая в руках золотой мяч. И в их взгляде больше не было того доверия, с каким они относились к Илндиру раньше.

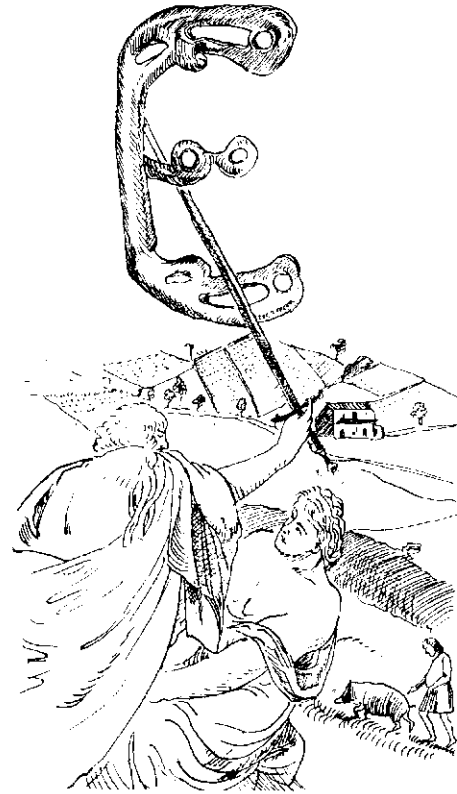
Весь следующий год, каждый день приходил мальчик к реке, искал пещеру и тропинку, ведущую в подземное королевство. Но все попытки его были безуспешны.

— О, горе мне, горе! — рыдал Илндир.

Но со временем боль утихла, и он успокоился, вернулся к своему строгому наставнику и серьезно занялся учебой. Шли годы, Илндир вырос и стал священником, и прихожане стали называть его брат Илндир. Его любили и простые люди, и епископы. И все он рассказывал о подземном царстве, о добрых маленьких человечках.

Прошло время и он стал почтенным седовласым старцем. Но в его сердце жила память о Дивном Народце, и чувство вины и раскаяния за свой проступок не покидали его до самой смерти. И иногда, вспоминая о детстве, проливал он горькие слезы — как в тот день, когда разорвал свою судьбу с лесным народцем и потерял их дружбу и доверие навсегда.

Легенда Панганнаса

сть в приходе Мертир Тьдвил долина, что зовется иногда Пант-ыр-Арос, Долина Остановленного Времени, а иногда — Пант-ыр-Хансе, Долина Легенды. В давным-давно прошедшие времена была в этой долине ферма, называемая Панганнас.

На лугах той фермы, на волшебных зеленых кругах, любил собираться Тьдвил Тэг, то есть эльфы. И долгое время ферма переходила по наследству от отца к сыну, и хозяе-

ва ее мирно уживались с народом эльфов, пока не случилась эта история.

Фермер, владевший тогда Пантаннасом, почему-то эльфов терпеть не мог, называл их “шумной голосистой компанией” и частенько раздумывал, как бы избавиться от непрошенных гостей, посещающих по ночам его дуга. В конце концов одна старая ведьма обещала научить его, как по-простому от них избавиться, если отдаст он ей один вечерний и один утренний падой своего хозяйства. Он согласился и получил от нее совет: надобно было ему распахать все дуга, где эльфы собирались на свои волшебные круги. И увидев, что нет больше зеленых лугов, сказала она ему, обидятся эльфы и уйдут навсегда.

И вот фермер сделал, как научила его старуха, и так оно все и случилось. Не видели больше эльфов на дугах Пантаннаса, и вместо звуков их чарующей музыки, что доносилась с зеленых лугов, над фермой Пантаннас воцарилась полная тишина...

Но однажды вечером, когда фермер возвращался домой, повстречал он на дороге невысокого человека в красном платье. И когда фермер подошел к нему ближе, человек выхватил свой меч, и указывая им в сторону фермы, произнес такие слова:

Диал а ддау

Ы маэ герллау

Грядет мщенье

Быстро оно приближается

Хотел было фермер рассмеяться, но что-то неуловимое было во взгляде маленького человека, и уютно почувствовал себя хозяин Пантаннаса.

А несколько ночей спустя, когда семья его собиралась на покой, все было странно напуганы жутким шумом; казалось, сам дом вот-вот обрушится на них. И затем услышали они громкий голос:

Дау диал

Грядет мщенье

А на следующий день, когда вышел хозяин со своими работниками на поля, где еще вчера колосилась прекрасная налитая пшеница, увидели они, что ни колоска, ни зернышка не осталось на полях. Все сгорело до тла. И тогда сказали работники фермеру: “Вот, хозяин, тебе слово народа Тылвит Тэг.” Ох, как испугался фермер, когда понял, наконец, что натворил!

А на следующий день снова встретил он того человека в красных одеждах. Выхватив меч, взмахнул им маленький человек в сторону фермера и сказал:

Иид ив онд дэурау

Оно начинается

Как мрамор, побелело лицо фермера, и, упав на колени, стал он упрашивать человека не мчаться. Ни за что не желал тот оставаться, но после долгой мольбы, все же спросил сердито фермера, что тому надобно. И ответил фермер, что единственно желает он не трогать больше свои дуга, чтобы они вновь заросли, и эльфы снова могли бы собираться там, когда пожелают. Лишь бы перестали они мстить ему и сменили бы гнев на милость.

— Нет, — последовал ответ, — король дал слово, что отомстит тебе. И нет такой власти ни у кого из живущих на земле, что заставила бы его изменить решение.

Услыхав такие слова, зарыдал фермер, и тогда несчастье его тронуло сердце человека в красном, и сказал он, что поговорит с Королем. Велел он фермеру придти на это же место в час восхода солнца через три дня.

И когда пришло время, фермер застал на дороге маленького человека, и тот сообщил ему, что Король Тывит Тэг серьезно обдумал его просьбу, но так как королевское слово не может быть изменено, все равно надет мщение на фермерскую семью. Однако, благодаря раскаянию фермера, несчастье не придет к нему ни во время его жизни, ни во время жизни его детей.

И это показалось фермеру приемлемым и вполне его успокоило. Эльфы опять стали навещать окрестности и их чудесное их песне вновь стало разноситься ночами над фермерскими дугами.

Прошло сто лет, а никакой беды так и не произошло. И хотя на ферме Пантаннае часто вспоминали, что мщение неотвратимо, они настолько привыкли к этой мысли, что готовы были поверить, что обещающая месть так и никогда и не совершится.

И вот однажды, сто лет спустя, молодой наследник Пантаннае принимал у себя в гостях дочь соседского фермера, что жил в Пен Крайг Даф. Свадьба счастливой пары должна была состояться через несколько недель, и родители с обеих

сторон дали свое согласие. Было Рождество, и будущая жена навещала семью своего будущего мужа. Большой пир состоялся по этому случаю, и специально для этого был закарен отменный гусь.

Вокруг огня сидели хозяева и гости, и лучший сказочник округа рассказывал им забавные истории. И вот, закончив одну сказку, замолчал рассказчик, чтобы перевести дух, и в наступившей тишине подобно грому раздался оглушительный голос:

Дает амсэр ымдиал   Пришло время мщения

И не успели люди опомниться от испуга, как страшный удар сотряс дом до самого основания, и тотчас увидели все маленькую женщину в прекрасных белых одеждах, неожиданно возникшую в комнате.

— Что надо тебе здесь, мерзкая маленькая тварь? — спросил один из присутствующих.

И женщина взглянула на него, и увидела страх в его глазах.

— Я ничего не сделаю тебе, о человек с языком, длиннее, чем нужно, — сказала она, — король приелал меня, чтобы предсказала я то, что случится с этой семьей. Вот что скажу я вам:

*сердце девушки, что корабль у самого берега,
что не может достигнуть гавани,
ибо сгинул его кормчий.*

И лишь закончила она свою речь, как тотчас исчезла, и никто не разобрал, куда или как.

Все были охвачены таким страхом, что не могли даже переброситься парой слов, и тень отчаяния легла на их лица. Но вот наступило время расставания, и Ридерх, наследник Паптанаса, пошел проводить свою возлюбленную Гвэрвил по дороге в Пен Крайг Даф — по дороге, с которой он так и не возвратился...

Когда стало ясно, что Ридерх пропал, неопишимо горю охватило родителей несчастного юноши. Они обшарили каждый клочок земли в округе, но не нашли ни его, ни следов его исчезновения. А старый отшельник Гвэйрид сказал им, что сына их эльфы заманили в одну из своих пещер на склонах Ровен Рифт.

А время продолжало течь своим чередом, недели превращались в месяцы, а месяцы — в годы, пока отец и мать Ридерха не отправились к своим предкам. Земли те оставались такими же, как прежде, а люди — менялись, и вскоре почти стерлась память об исчезновении Ридерха. Был, правда, один человек, ждавший его все это время и надевавшийся вновь его увидеть. Это была невеста Ридерха, каждое утро, в любую погоду, можно было видеть ее на вершине холма. Глазами, полными слез, смотрела она на дорогу из Паптанаса в Пен Крайг Даф.

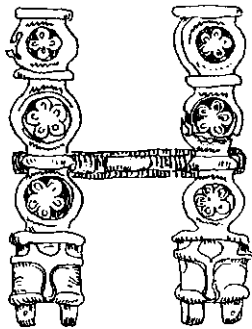
Она продолжала смотреть, пока не слепли ее глаза, и день за днем горько плакала, ожидая своего любимого. В конце концов зрение ее совсем ослабло, но и тогда продолжала она вглядываться в окрестности невидящими глазами. Измученная бесконечными днями напрасного ожи-

дания, сонла она в могилу, и смерть положила конец ее надеждам. Ее похоронили на кладбище рядом со старой часовней Фан.

Как дым, пролетели годы, и никого не осталось в живых, кто помнил бы Ридерха. После того случая никто больше не видел в этих местах эльфов и не слышал с той ночи волшебной и чарующей их музыки. И лишь история о фермере, распахавшем зеленые круги эльфов, и о неожиданном исчезновении его потомка осталась на людских устах.

Гриф и эльфы

несколько столетий тому назад на ферме в церковном приходе Лланфабон, рядом с восточной границей Гламоргана, жила молодая вдова с маленьким сыном. Ему было три года, звали его Гриф, и для своих лет он был рослым и смелым мальчиком. Во всем королевстве не было матери и сына, которые любили бы друг друга больше, чем они. В то далекое время Лланфабон славился тем, что в его округе жил народ эльфов, называемый среди людей Бен-

дит-ы-Мамай. Молва об их уродстве и невероятной любви к проказам облетела все окрестные деревни.

Из всех шалостей приятнее остальных были для них следующие: первая заключалась в том, что толпа эльфов шествовала с песнями и музыкой; каждый смертный человек, которому довелось повстречать эту толпу, оказывался зачарованным и присоединялся к ней. И так шли они, с людьми во главе колонны, пока участники забавы по шею не погружались в болото или пруд. Но еще больше любили эльфы другую шалость: воровать детей из колыбелки, причем делали они это еще искуснее и проворнее, чем вы или я очищаем орех от скорлупы. Все знали о проделках этого народа, и потому не удивительно, что сердце матери переполнялось тревогой за сына.

Но чему суждено случиться, того не миновать; жизнь идет своим чередом: ветер дует, идет дождь... Однажды днем, когда вдова на кухне подогревала бульон для Грифа, из хлева доносились тяжелые вздохи, подобные стонам умирающих животных. Быстро отодвинув сун с огня, она побежала в хлев, но ничего необычного не обнаружила, разве что коровы были обеспокоены и веревки, привязывающие их головы к стойлу, дрожали. Но каков же был ее ужас, когда, вернувшись на кухню, она не увидела и следов своего сына. Женщина побежала на чердак, но там не было ни дунни. Ни в доме, ни вокруг не нашла она своего сына.

Весь тот день обыскивала она ферму и ее окрестности — и все бесполезно. Обессиленная от поисков, сидела она дома, ничего не замечая, когда за дверью раздался какой-то шум. С плачем женщи-

на бросилась на улицу и увидела смотрящего на нее маленького мальчика.

— Мама! — сказал он. Одно слово и ничего больше.

Но, осмотрев его с головы до ног, обливаясь слезами, она прошептала:

— Ты не мой Гриф.

— Это я, твой сын, верь мне, — сказал он.

Он был так же похож на ее Грифа, как один баранek на другого, но смутные сомнения закрались в ее душу. Конечно, чтобы не сделать ужасной ошибки, она принесла его домой, накормила супом, и вела себя с ним, как обычно со своим сыном. И все же, все это время тревожные мысли беспокоили ее сердце, не давая ни минуты покоя. Постоянно казалось ей, что мальчик стал меньше ростом, да и выглядел, как будто бы, не таким хорошеньким, как раньше. В конце концов, решила она сходить к одному мудрому старцу, чтобы рассказать о случившемся и спросить совета.

— Ты хорошо сделала, что пришла ко мне. — сказал он.

Старик был так мудр, что бедная женщина и успела промолвить и слова, как он сам рассказал ей обо всем, что произошло. А потом он задал ей двадцать один вопрос, и после того сказал:

— Если ты будешь следовать моим советам и сделаешь все точно, как я скажу, то сможешь найти своего сына. Завтра в полдень возьми куриное яйцо и разрежь его пополам. Одну половинку можешь выбросить, а другую возьми в левую руку, и правой взбалтывай и перемешивай ее содержимое, сколько сможешь. Надеюсь, он спросит тебя, чем ты занимаешься, и тогда ты

должна ответить, что готовишь пироги для жатвы, и внимательно слушать что он на это скажет.

Женщина вернулась домой, и на следующий день в полдень сделала все, как сказал ей старик. Когда она выбросила половинку яйца, то заметила, что мальчик наблюдает за ней, и спокойно стала размешивать в скорлупе оставшееся. Тогда его лицо быстро потемнело.

— Мама, — спросил он, — что ты перемешиваешь в яичной скорлупе?

— Готовлю тесто для жатвенного пирога, мой мальчик.

— Ха! — воскликнул он, — это!? — и сказал ей так:

*Я видел желудь раньше, чем стал он дубом,
Яйцо я видел до того, как оно стало курицей.
Но никогда не видел я жемчужину,
Которая готовит такой яично-скорлупный
жатвенный пирог.*

И как только он это сказал, стал он до того противен и уродлив, что женщина с ужасом отвернулась.

В тот же день снова пошла она к мудрому старцу и рассказала обо всем случившемся.

— Все, как я думал, — сказал он ей, — твой маленький мальчик один из народа Бендит, они его отправили к тебе на воспитание. Если он видел желудь раньше, чем тот стал дубом, ему должно быть самое меньшее триста лет. Итак, слушай меня внимательно. Следующая полная луна будет ночью в четыре часа; и я хочу, чтобы ты сделала следующее. В двенадцать ночи ты должна пойти к месту, где четыре дороги встречаются за бродом, и там спрятаться так, чтобы

ты могла все видеть, но никто не мог видеть тебя. Возможно, увидишь ты вещи, побуждающие тебя выйти из убежища или закричать, но я подам тебе условный знак: постарайся не сделать и легчайшего движения, потому как если тебя заметят, то никогда больше ты не увидишь своего настоящего сына.

И женщина вернулась домой с тяжелыми мыслями, не зная, правда ли то, что сказал ей старик, и может ли она доверять ему и следовать его советам. Но несмотря на все опасения, желание увидеть своего настоящего сына, да и отвращение к маленькому мальчику, который занял его место, укрепили ее решимость. В назначенное время, в четверть первого, пошла она, куда сказал старец, одетая в черный плащ и покрыв шалью голову. Вокруг брода обильно рос кустарник; она тихонько прокралась в заросли, спряталась и стала ждать. Какое-то время висела в воздухе жуткая тишина, потом рывкнула на холме лиса. И снова воцарилась тишина, и тянулась до тех пор, пока не закричала у реки сова. И тогда послышались слабые голоса и звуки музыки — играли на скрипках и арфах; звуки донослись издали и приближались к броду. Музыка навевала дремоту и глаза женщины стали замигивать, но она решительно боролась со сном. И не прошло много времени, как она увидела шествие.

Эльфы шли с севера. Впереди процессии шли совсем невысокие мужчины в красных плащах, а за ними женщины в зеленых и голубых одеждах; кто-то танцевал, да так легко, словно птицы, а кто-то нес небольшие палочки, похожие на зонтики от солнца, или другие странные предметы.

И вот они приблизились к тому месту, где спря-

талась несчастная женщина, и вдруг в середине процессии увидела она Грифа, ее настоящего, потерянного ребенка. Он шел между четырьмя мужчинами народа Бендиг, которые охраняли его. Мальчик был худым и высоким, словно подросток.

Увидев сына, женщина позабыла обо всем на свете и чуть уж было не бросилась вперед, чтобы освободить его, но к счастью, сова снова прокричала у реки — это старик эхом предупредил ее сознание, и она тотчас отпрянула назад за кустарник. Через несколько минут вся процессия прошла. Еще какое-то время женщина видела в дунном свете красные плащи, голубые и зеленые юбки, слышала музыку, и голоса, и доносящиеся песни эльфов; затем они окончательно скрылись из глаз, и тогда она поднялась на ноги и быстро пошла к своему дому.

А на следующее утро все, что она видела в доме, вызывало у нее отвращение — маленький мальчик, то, как он завтракает и даже то, как причесаны его волосы. Всякий раз, когда он говорил “мама”, ее сердце переносилось ужасом. Но ни в коем случае не хотела она обнаружить перед ним свое истинное настроение.

Не дождавшись следующего утра, она пошла к мудрому старцу, и мудрость его была настолько велика, что он предугадал ее намерение и уже ждал у ворот.

И рассказав ее историю ей самой, и задав ей двадцать один вопрос, он сказал:

— Ты правильно сделала, что пришла ко мне. Когда-то, очень давно, я дал верный совет одной женщине, и то же самое я посоветую и тебе. Ты должна обыскать весь приход и найти черную-черную курицу. Полагаю, ты много раз жарила

курицу; но в этот раз тебе придется пожарить ее с перьями; причем убить ее ты должна лишь за минуту до того, как положить на огонь. Потом закрой все двери и окна в твоём доме, оставив открытой лишь трубу, чтобы выходил дым. Позволь мальчику смотреть на то, что ты делаешь, не придавая этому большого значения. Поворачивай курицу так, чтобы с нее падали перья, и когда упадет последнее перо, сделай так, чтобы он это увидел.

Малость странным показалось женщине то, что она услышала, но уже дважды старик убеждал ее в своей правоте, и она надеялась, что и на этот раз он не ошибется.

Весь следующий день она искала черную курицу, но так и не нашла. За два дня обошла она север и юг своего прихода, а в течение следующих двух дней — восток и запад, но шире не смогла найти черную-черную курицу.

И вот наконец осталась одна-единственная ферма далеко на окраине прихода. Подходя к ферме, женщина увидела хозяйку, которая с пустым ситом то вбегала в дом, то выбегала из дому. Во дворе она набрасывала на сито свой передник, словно удерживая что-то внутри, а когда вновь заходила в дом — поворачивала его вверх дном и всю пустоту высасывала на пол.

— Добрая женщина, — удивленно спросила несчастная мать, — что ты делаешь?

— Я пытаюсь поймать солнечный луч, — ответила та, — только у меня это плохо получается. Около дома я зачерпываю полное сито солнечного света, но когда захожу внутрь, то он убегает от меня. У меня есть черная курица, совсем черная, — для женщины, которая принесет солнце в мой дом.

Тут матери показалось, что старик решил подшутить над ней, но она-таки зашла внутрь и сняла ставни, и в тот же момент солнечный свет залил весь пол. И вскоре она вышла из дома, осторожно держа в руках черную-черную курицу.

Дома она положила курицу на огонь, за минуту до этого убив ее. Она поворачивала курицу над огнем, и перья падали с нее одно за другим, но маленький мальчик, казалось, не обращал на это никакого внимания. Но вот упало последнее перо, и тогда с улицы донеслась музыка, очень похожая на ту, которую она слышала ночью, когда пряталась в кустарнике у дороги. И женщина обернулась, чтобы взглянуть на мальчика из народа Бендит, но от того не осталось и следа. И тотчас откуда-то снаружи услышала она голос ее настоящего сына.

— Мам, мам! — звал он.

Подбежав к двери и открыв ее, она увидела своего Грифа такого же высокого и тонкого, каким видела его среди эльфов.

Рыдая, заключила она мальчика в свои объятия.

— Что случилось, мама? — недоумевая, спросил ее Гриф, — я ведь не долго, я всего лишь одну минутку слушал эту чудную музыку, которую играли добрые эльфы!

И это все, что он рассказал матери о своем пребывании у маленького народца. Так никто и не узнал, что с ним было и что он видел в гостях у народа Бендит-ы-Мамай.

БЫЛЬ И НЕБЫЛЬ УЖИЦА

Сон Ронабви

Мадауг, сын Марэдидда, владел всем Повисом, то есть землями от Порфорда до Гвавана в горах Арвисти. И у него был брат, Йорвоэрт, сын Марэдидда. Он грустил и печалился, видя славу и силу своего брата, тогда как сам он был никем.

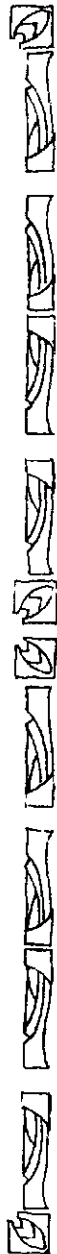
И вот однажды созвал он своих товарищей и молочных братьев, чтобы посоветоваться с ними и решить, что он может сделать, чтобы изменить такое положение дела. И решили они послать кого-нибудь

потребовать у Мадауга для брата почета и звания. И Мадауг предложил ему стать одним из военачальников в его войске, и соответствующее этому званию положение, и коней, и оружие, и славу. Но Йорвоэрту показалось этого мало, и он отказался от предложения брата. И после того ушел он со своими людьми в Логрино,* и устроил там резню, и пожег дома, и захватил пленников.

Тогда Мадауг созвал совет и пригласил на него всех знатных людей Повиса. И на том совете решили они разослать по сто человек в каждое из трех княжеств Повиса, чтобы разыскать Йорвоэрта, и так и было сделано.

В тех поисках участвовал человек, чье имя было Ронабви. Однажды Ронабви, и вместе с ним Кшвринг Вриггох, человек из Мауддвн, и Кадугаун Врас, человек из Моэзврэ, направились к дому Хэйлли Коха, сына Кадугауна, чтобы остановиться в нем. И когда они подъехали к этому месту, увидели они старый, черный дом с треугольной крышей, и из трубы на крыше дома шел дым.

И вот вошли они внутрь, и увидели неровный пол, весь в ямах. С трудом мог устоять там человек, — таким скользким был пол от коровьей мочи и навоза; множество веток дуба с обьедепыми скотом концами валялось на полу. Тогда поднялись вонши на верхний этаж дома; дряхлая старуха, поддерживающая огонь на возвышении из простых пыльных досок, сидела там. Когда ей становилось холодно, она кидала в огонь пригоршню луковой шелухи, и нелегко было терпеть исходящий от такого огня едкий дым. А непода-

леку от старухи увидели они желтую шкуру быка, — ту, что приносит удачу человеку, которому случится сидеть на ней.*

И они сели и спросили старуху о людях, живущих в этом доме. Неучтивая старуха ничего не ответила им; но в тот же миг — Хэй! — вопли в комнату люди: рыжий, лысый и морщинистый, с вязанкой веток за спиной, и еще маленькая, тонкая, сердитая женщина. Они холодно поприветствовали воинов Повиса, и тонкая женщина развела для них огонь из веток, и пошла готовить, и принесла им еду: ячменный хлеб, и сыр, и разбавленное водой молоко.

И вдруг, — Хэй! — пошел дождь, поднялся ветер, начался ураган, такой сильный, что тяжело было бы пугишку не сбиться с дороги. А воины Повиса, утомленные путешествием, отправились спать.

И когда они осмотрели то место, что хозяйка дома отвела им для отдыха, то увидели там лишь немного сыворотки, полной блох, соломы со множеством колючих веток. Серовато-красное, потертое, полное блох шерстяное одеяло было разложено на той соломе, а на одеяле лежала грубая изорванная простыня и полупустая подушка с грязной наволочкой. Но выбора у них не было, и, недолго думая, они легли спать. Им было так неудобно, что товарищи Ронабви едва заснули; а сам Ронабви, который так и не смог ни уснуть, ни даже задремать, подумал, что будет лучше, если он отправится спать на желтую шкуру быка. И он пришел к ней, и лег на нее, и уснул на ней.

И как только он заснул, увидел он сон, будто он и его товарищи пересекают равнину Аршингроз; а направлялись они, как ему показалось, к Риды-Гроэс на Севере. И непонятное волнение испытывал Ронабви в этом путешествии, — такое, какого не испытывал он доселе. И он обернулся.

И тогда увидел он юношу со светлыми кудрявыми волосами и с подстриженной бородой, едущего на желтом коне с нагрудниками и наколенниками зеленого цвета. Туника желтого парчового шелка была на всаднике, шитая зелеными шпиками, и меч с золотой рукоятью в ножнах из цветной дубленой кожи был на его бедре, и ремень из оленьей кожи и с золотой пряжкой — вокруг его пояса. И поверх этого была на нем накидка из золотканой парчи с каймой и подкладкой из зеленого шелка. И то, что в одеянии коня и всадника было зеленым, — было зеленым, как еловые иглы, а то, что было желтым, — было желтым как цветы рагитника. И всадник вручил Ронабви и воинам, что были с ним, такой тренет, что те испугались и пришипили коней. Но всадник неотступно следовал за ними и вскоре нагнал их. И когда он догнал их, они попросили у него пощады.

— Я охотно дарю вам ее, и не бойтесь, — молвил он.

— Хэй, вождь, — сказал тогда Ронабви, — раз ты даровал нам пощаду, не скажешь ли ты нам, кто ты?

— Не стану я скрывать от тебя, кто я, — отвечал юноша, — мое имя — Иддауг, сын Миннио. Но часто, говоря обо мне, меня называют не по имени, а по прозвищу.

— Не назовешь ли ты нам свое прозвище?

— Назову. Иддауг Вредитель Британии называют меня.

— Вождь, — сказал Ронабви, — почему так?

— Есть тому причина. — отвечал Иддауг. — Я был одним из посланников в битве при Камланне, что случилась меж Артуром и Мэдраудом, его племянником.* Я был тогда смелым юношей. И я так жаждал битвы, что разжег вражду между ними. Когда Артур посылал меня, чтобы я напомнил Мэдрауду о том, что Артур его приемный отец и дядя, и просить мира, дабы не приключь гибнуть в битве сыновьям королей Острова Британии и их воинам; и Артур, говоря это, выбирал самые мягкие и учтивые слова, то я передавал их Мэдрауду, придавая им как можно более отталкивающий вид. Из-за этого и дали мне прозвище Иддауг Вредитель Британии. И из-за того и случилась битва при Камланне. Но все же за два дня до окончания битвы я уехал оттуда и поехал в ЫЛ Ласк Мас в Прьдэйн, чтобы принять наказание за свои дела. И это наказание отбывал я там семь лет, и получил прощение.

И вдруг, — Хэй! — Ронабви и его воины опять почувствовали таинственное волнение, но это волнение было гораздо сильнее прежнего. И когда они оглянулись, — Хэй! — они увидели другого юношу, со светло-рыжими волосами, безбородого и безусого, с осянкой знатного человека. Он был на боевом коне, и наколесники и покрывало его коня были желтыми, а накидка на нем была из красного парчового шелка с желтой каймой и подкладкой из желтого шелка. И то, что

было желтым в одеянии этого человека и его коня, — было желтым, как цветы раkitника, а то что было красным, — было красным как кровь. И затем, — Хэй! — всадник подъехал к ним и спросил Иддауга, не может ли он стать товарищем его спутникам.

— Ты можешь быть им таким же товарищем, как и я, — отвечал ему Иддауг.

И всадник ускакал прочь.

— Иддауг, — спросил тогда Ронабви, — кто был этот всадник?

— Руави Бэбир, сын Деортаха Вледига.

И с тем пересекли они равнину Аргингроэг и доехали до Рид-ы-Гроэга на Севере. И в миле от реки увидели они налатки и шатры, и большое войско по обе стороны от дороги; а на реке на плоском острове неподалеку от берега сидел сам император Артур* и с одной стороны от него стоял епископ Бедвиш, а с другой — Гвартэдигг, сын Кау, и высокий юноша с золотисто-каштановыми волосами, в тунике и верхней одежде из черного парчового шелка, с лицом, белым, как слонозная кость и с бровями, черными, как черный янтарь. Юноша держал в руке свой меч в ножнах; между перчаткой и рукавом видно было его звание, и было оно белее, чем водяная лилия.

И тогда Иддауг, и Ронабви, и другие воины подошли к Артуру и поприветствовали его.

— Бог да поможет тебе, — сказал Артур, — где, Иддауг, нашел ты этих людей?

— Я встретил их по дороге, мой повелитель.

Император слабо улыбнулся.

— Повелитель, — спросил Иддауг, — над чем ты смеешься?

— Я не смеюсь, Иддауг, — отвечал Артур, — я, скорее, печалюсь, — оттого, что столь слабые и жалкие люди, как эти, владеют Островом Могущества после тех сильных и прекрасных людей, что владели им давным-давно.

И тогда Иддауг сказал:

— Ронабви, видишь ли ты кольцо с камнем на руке императора?

— Вижу, — ответил Ронабви.

— Одно из свойств этого камня таково: увидев его, ты будешь помнить все, что увидел сегодня. Иначе забыл бы ты все, что видел в этом путешествии.

И тут они увидели отряд воинов, подъезжающий к реке.

— Иддауг, — спросил Ронабви, — что это за отряд воинов там?

— Товарищи Руави Бэбира, сына Деортаха Вледига; и в честь этих людей пьют пиво с медом, и они сватаются за дочерей королей Острова Британии и не встречают тому препятствий.

Никакого другого цвета, кроме красного как кровь, не увидел Ронабви в одежках коней и людей этого отряда. И когда один из всадников отделился от группы, то он был похож на язык пламени, взметнувшийся ввысь. На реке, чуть выше острова, разбил палатки этот отряд.

И затем увидели они другой отряд, направляющийся к реке; и одеяние всадников было белым, как водяные лилии, а одеяние коней — черным, как черный янтарь. И один всадник из этого от-

ряда выехал вперед, и направил коня своего прямо в реку, забрызгав водой Артура и тех, кто был с ним, так, что стали они такими мокрыми, будто их только что вытащили из воды. И когда всадник поворачивал своего коня, юноша, стоявший перед Артуром, ударил коня по поздюрам своим мечом в ножнах, да так сильно, что едва ли железо осталось бы цело после такого удара, не говоря уже о теле и костях. И всадник обнажил наполовину свой меч и спросил его:

— Почему ты ударил моего коня: для того, чтобы оскорбить меня или чтобы дать мне совет?

— Тебе нужен был совет, — отвечал юноша. — Что заставило тебя скакать как безумца, так дерзко, что речная вода обрызгала и Артура, и святого епископа, и их советников, да так, что они теперь такие мокрые, будто их только что вытащили из воды?

— Тогда я буду считать это советом, — сказал всадник и повернул коня обратно к своему отряду.

— Иддауг, — сказал Ронабви, — кто этот всадник?

— Тот, кого считают самым воспитанным и благоразумным юношей в этом королевстве, Аддаон, сын Талесина.

— А кто тот человек, что ударил его коня?

— Упрямый и несговорчивый юноша, Эльфин, сын Гвиддио.*

И затем некий величавый и прекрасный мужчина в красноречивой речи выразил удивление, что такое большое войско собралось на таком маленьком пространстве, и сказал, что еще более

удивляет его, как смогли прибыть сюда так быстро все те, кто обещал к полудню участвовать в битве при Баддоне против Ослы Большой Нож.*

— И выбирай сам: пойдешь ты или не пойдешь. Я пойду. — закончил он.

— Ты говоришь верно, — сказал Артур, — и мы пойдем все вместе.

— Иддауг, — спросил Ронабви, — кто этот человек, что так смело говорит с Артуром?

— Человек, у которого есть право говорить с ним так прямо и резко, как он захочет, — отвечал Иддауг, — это Карадауг Могучая Рука, сын Лавра.

И после этого Иддауг посадил Ронабви на коня позади себя, и они выехали, — все это огромное войско, каждый отряд на своем месте, — по направлению к Кевин Диголл. И когда они добрались до середины долины Северна, Иддауг развернул своего коня, и Ронабви смог окинуть долину реки взглядом. И увидел он два отставших отряда, едущих к Северну, и приближающийся ослепительно белый отряд; на каждом человеке из этого отряда была мантия из белого парчового шелка с черной каймой, и кони их были белого цвета, наколенники и нагрудники коней — черными, а знамена — белыми с черными наконечниками.

— Иддауг, — спросил тогда Ронабви, — что это за белый отряд вон там?

— Это люди из Лльхлина,* а ведет их Марх, сын Мэйрхауна. Он — двородный брат Артура.

И затем он увидел отряд, одеяния людей и коней которого были черного цвета, только кайма

на мантиях всадников, да нагрудники и наколенники коней были белыми, а знамена у этого отряда были совершенно черными с белыми накопечниками.

— Иддауг, — спросил Ронабви, — а это что за черный отряд вон там?

— Люди из Данин, а ведет их Эдэри, сын Идда.

И когда эти отряды догнали войско, Артур и ведомое им войско Острова Могущества сбились под Каэр Ваддон.*

Куда шел Артур, туда же следовали за ним Иддауг с Ронабви. И вот, — Хэй! — увидел Ронабви великолепного всадника, перед которым заволновалось войско Артура. И всадник, и конь его были одеты в кольчугу, и кольца этой кольчуги были такими белыми, как самые белые водяные лилии, а ее заклепки — красными, как кровь. И он скакал прямо в гущу воинов Острова Могущества.

— Хэй, Иддауг! — воскликнул Ронабви. — Что я вижу, неужели войско отступает?!

— Император Артур никогда не отступал. И если бы твои слова были не случайны, ты был бы уже обречен. Но всадник, которого ты видишь там, это Кай, самый прекрасный наездник при дворе Артура. И те, кто находится на флангах войска, спешат к центру, чтобы посмотреть, как он скачет, а те, кто находится в центре, отступают к флангам, чтобы он не сшиб их. И лишь потому в войске такой беспорядок.

Потом услышали они как был вызван к императору Кадур, владетель Корнуолла. Хэй! — он

появился, и в руке он нес меч Артура с гравированными на нем двумя золотыми змеями; и когда клинок вынимали из ножен, из их ртов вырывалось пламя, и таким устрашающим было оно, что трудно было на него смотреть.

— Иддауг, — спросил Ронабви, — кто этот человек, который принес меч Артура?

— Кадур, владетель Корнуолла; его обязанность: заботиться о вооружении короля в дни сражений и боев.

И потом они услышали, как вызвали к Артуру его слугу Эйрина Виха, грубоватого рыжеволосого, некрасивого человека с торчащими рыжими усами. Хэй! — вот едет он на большом рыжем коне, и грива коня расчесана на две стороны, и везет он большой узел.

Высокий рыжий слуга спешился перед Артуром и вынул из узла золотое кресло и магию из полосатого парчового шелка. И он расстелил магию перед Артуром, и на каждом углу этой магии были видны красные яблоки, шитые золотой нитью. И слуга поставил кресло на магию, и было оно таким большим, что в нем свободно могли сидеть три воина в полном вооружении. Гвен,* — так называлась эта магия. И одно из ее свойств было таким: человек в этой магии был невидим для окружающих, тогда как он сам видел всех. И никакой другой цвет, кроме ее собственного, не держался на ней.

И Артур сел на магию, и Овэйн, сын Уриена,* стал перед ним.

— Овэйн, — сказал Артур, — будешь ли ты играть в гвиддбуйлл?* —

— Буду, государь, — отвечал Овэйн.

И рыжеволосый слуга принес гвиддбуйлл; фигурки были золотыми, а доска — серебряной. И Артур с Овэйном начали играть.

И когда они полностью погрузились в игру в гвиддбуйлл — Хэй! — из белого шатра с красным верхом, на котором была изображена черная змея со злобными блестящими красными глазами и с пламенно-красным языком, вышел и направился к ним юноша со вьющимися светлыми волосами, — голубоглазый оруженосец, такой юный, что у него только что начала расти борода. Туника его и верхняя одежда были желтого парчового шелка, на ногах его были чулки из тонкой зеленовато-желтой ткани и высокие ботинки из цветной кордовской дубленой кожи со шпуровкой и золотыми украшениями. И в руке он держал тяжелый меч с золотой рукоятью, в ножнах из черной кожи, и наконечник ножен был из чистого красного золота. И юноша шел туда, где император и Овэйн играли в гвиддбуйлл.

И юный оруженосец приветствовал Овэйна. И Овэйн был удивлен, отчего оруженосец поприветствовал его и не поприветствовал императора. Артур же понял, о чем думает Овэйн и сказал ему:

— Не удивляйся тому, что оруженосец приветствовал только тебя. Он уже приветствовал меня раньше. А весть, которую он принес, предназначена именно тебе.

И тогда оруженосец сказал Овэйну:

— Повелитель, императорские воины и оруженосцы досаждают твоим воронам и мучают их. И

если не с твоего позволения происходит это, пусть император отзовет их.

— Государь, — сказал Овэйи, — ты слышишь, что говорит оруженосец. Если на то есть твоя воля, отзови их.

— Играй, — сказал ему Артур.

И тогда оруженосец ушел обратно к своему шатру.

А Овэйи и Артур доиграли одну игру и начали другую. И когда партия была сыграна уже наполовину — Хэй! — кудрявый юноша с золотисто-каштановыми волосами и с пронзительным взглядом, хорошо сложенный слуга с бритым подбородком, вышел из ярко-желтого шатра, на верхней части которого был изображен красный лев; на юноше была накидка до пят из желтого парчового шелка, шитая красными шелковыми нитями, на ногах у него были чулки из тонкой белой ткани и высокие ботинки на шнуровке из черной кордовой дубленой кожи с пряжками красного золота; и в руке он держал огромный тяжелый меч в ножнах из красной оленьей кожи с золотым наконечником. Юноша направлялся прямо к тому месту, где Артур и Овэйи играли в гвиддбуйлл.

И оруженосец сказал Овэйину:

— Не твоя ли на то воля, что императорские оруженосцы ранят твоих воронов, убивая одних и мучая других. Если это происходит не по твоему повелению, попроси Артура отозвать их.

— Государь, — сказал Овэйи, — отзови своих людей, если есть на то твоя воля.

— Играй, — сказал император.

И оруженосец ушел обратно к своему шатру.

Они завершили и эту игру и начали другую. И только они сделали первые ходы, как увидели, что из невиданно большого пестро-желтого шатра, стоящего неподалеку от них, на котором был изображен золотой орел с глазами из драгоценных камней, выходит оруженосец. У него были кудрявые светлые волосы, он был тонким и изящным, в накидке из зеленого парчового шелка; на правом плече накидка скреплялась тяжелой золотой бронью толщиной со средний палец вошка, а на ногах у него были тонкие чулки и высокие ботинки из цветной кордовой дубленой кожи с золотыми пряжками; он держался как знатный юноша, лицо его было белым, а щеки румяными, и глаза его были похожи на ястребиные. В руке оруженосец нес тяжелое пестро-желтое копьё с остро отточенным наконечником, и на копьё держалось знамя, издали бросающееся в глаза.

Оруженосец почти подбежал к тому месту, где Артур с Овэйином играли в гвиддбуйлл. И они увидели, что был он в великой ярости. Однако, он поприветствовал Овэйина и сказал ему, что лучшие из его воронов погибли.

— А те, кто еще не погиб, изранены так сильно, что не могут даже пошевелиться.

— Государь, — сказал Овэйи, — отзови своих людей.

— Играй, — ответил Артур.

И тогда Овэйи сказал оруженосцу:

— Иди, и на месте побоища подними высоко вверх свой флаг, и да будет так, как хочет Бог.

И оруженосец пошел к месту побоища, и там, где побоище было самым жестоким для воронов, высоко поднял свой флаг. И как только взвился флаг в высоту, вороны восстали в торжестве, ярости и гневе, и забыли усталость, и крылья их наполнились ветром. И вновь обрета свою волшебную силу, торжествуя, гневно набросались они на людей, которые раньше наносили им раны, и убивали их, и причиняли им страдания. Одних лишили вороны голов, других — глаз, ушей или рук; игицы поднимали их высоко в воздух, и шумно было в небе от хлопающих крыльев и карканья воронов, и от криков раненых и поверженных людей. И когда услышали они этот шум, Артур был так же изумлен, как и Овэйн, сидящий над гвиддбуйлл.

И когда они посмотрели в сторону, откуда раздавался шум, то увидели, что оттуда к ним приближается всадник на сером в яблоках коне. И одеяние этого серого в яблоках коня было удивительного цвета: правая нога его была ярко-красной а остальные ярко-желтыми; всадник и его конь были облачены в тяжелые шпоземные доспехи; и понона коня была красного и желтого цветов. На бедре у всадника висел огромный меч с золотой рукоятью в новых ножнах зеленого цвета, и наконечник ножен был украшен латушью из Исландии; ремень, на котором висел меч, был из черной, с шерстью, кордовской кожи, с позолоченными кольцами и пряжкой из слоновой кости. И язычок пряжки был черным. На голову всадника был надет золотой шлем, на котором сверкали драгоценнейшие камни, а на верхней

его части был изображен желто-красный леопард с глазами из сверкающих красных камней, и даже самому смелому из воинов было странно смотреть на морду леопарда, страшно было ему смотреть и в лицо всаднику. А в руке тот держал длинное тяжелое копьё с зеленым древком, и копьё было красным от крови воронов, и на нем наделили их перья.

Всадник подъехал к тому месту, где Артур и Овэйн сидели над гвиддбуйлл, и пока он подъезжал ближе, они увидели, что он раздражен и измучен усталостью. То был оруженосец Артура, и он приветствовал императора и сказал, что вороны Овэйна убивают его воинов и оруженосцев. И тогда Артур взглянул на Овэйна и сказал:

— Отзови своих воронов.

— Повелитель, — отвечал ему Овэйн, — играй.

И они продолжили игру. Всадник уехал обратно, в сторону битвы, а вороны так и не были отозваны.

И Артур с Овэйном продолжали играть, и все время слышали они страшный шум: произительные крики людей и карканье воронов, в силе своей поднимающих людей в воздух, раздрающих их на части и бросающих остатки на землю.

И они увидели, как от места побоища прямо к ним направляется всадник на бледно-белом коне, левая нога коня была черной; и конь, и всадник были облачены в тяжелые зеленые доспехи, верхняя одежда всадника была из желтого парчового шелка с зеленой каймой. Понона его коня была черной с желтой каймой. На бедре всадника на ремне из свежей оленьей кожи со множест-

вом золотых колец и с пряжкой из моржового клыка с черным язычком висел длинный тяжелый меч в ножнах из красной выделанной кожи. На голове его был золотой шлем с сапфирами, и на верхней части шлема был изображен желто-красный лев с торчащим изо рта огненно-красным языком в фут длину и со злобными ярко-красными глазами. В руке всадник держал крепкое копьё с осиновым древком и заклепками из серебра, непачканное кровью. И этот оруженосец также поириветствовал императора.

— Повелитель, — сказал он, — твои воины и оруженосцы, а вместе с ними и сыновья знатных людей Острова Британии убиты, и с этого дня и впредь нелегко будет тебе защищать этот Остров.

— Овэйн, — сказал Артур, — отзови своих воронов.

— Повелитель, — сказал Овэйн, — играй.

И они завершили эту игру и начали следующую. И они уже доигрывали и эту игру — Хэй! — и все еще слышали шум, пронзительные крики вооруженных людей, и карканье воронов, и шум их крыльев, и звон падающего на землю оружия, и удары падающих на землю останков людей и коней.

И они увидели всадника на прекрасном черном коне с гордо посаженной головой; и левая нога коня была красной, а правая — белой. В пятнистые желтые доспехи из испанской латуни были облачены всадник и конь; накидка всадника и попола его коня были наполовину белыми, наполовину черными, а кайма накидки была золотисто-пурпурной; поверх накидки висел сверкающий

меч с золотой рукоятью, и ремешь, на котором висел он, был из желтого златотканого полотна, а пряжка на нем была сделана из века черного кита, и язычок пряжки был из желтого золота. Блестящий шлем из желтой латуни был на голове всадника, украшенный прозрачными камнями, и на верхней части шлема был изображен грифон с глазами из волшебных камней. В руке всадник держал копьё с осиновым древком и заклепками из серебра, непачканное кровью. Всадник подъехал к тому месту, где сидел Артур, и было видно, что он в сильной ярости; и он сказал, что вороны убили людей из войска Артура и сыновей знатных людей Острова Могущества, и просил приказать Овэйну отозвать своих воронов.

И тогда Артур приказал Овэйну отозвать своих воронов. И затем Артур начал топтать золотые фигурки, стоящие на доске, и топтал их, пока они не превратились в пыль. И Овэйн приказал Гуресу опустить свое знамя. И тотчас было оно опущено и настал мир.

Тогда спросил Ронабви Иддауга, кто были первые три человека, приходившие к Овэйну, и Иддауг сказал:

— Люди, которым больно видеть, что Овэйн несет утрату, — это Сэлв, сын Кинана Белоногого из Повиса, и его друзья.

— А кто, — спросил Ронабви, — были те три человека, что приходили к Артуру, чтобы сообщить ему, что вороны убивают его людей?

— Лучшие и храбрейшие из мужчин, — сказал Иддауг, — те, кому горестно видеть, как Артур несет потери хоть в чем-то: Руави Бэбир, сын Деоргахы Владига, и его друзья.

И затем — Хэй! — четыре и двадцать всадников приехали от Ослы Большой Нож, чтобы просить перемирия с Артуром на две недели до конца месяца. И тогда Артур встал со своего кресла и пошел посоветоваться, — туда, где стоял неподалеку высокий воин с золотисто-каштановыми выюнцами волосами. И там Артур держал совет со своими людьми: с епископом Бедвином, и с Гвартэгиддом, сыном Кау, и с Мархом, сыном Мэйрхауна, и с Кардаугом, и с Гвалхмэем, сыном Гвиара, и с Руавном Бэбиром, сыном Деоргах Вледига, и с Риоганом, сыном короля Ирландии, с Гвилимом, сыном правителя Франции, с Горн, сыном Кнетишина, с Мабоном, сыном Модрона, с Передиром и Хивсиддом, с Дристаном, сыном Таллуха и Кадуром, владельцем Корнуолла, с Морврапом, сыном Тэдига Вледига, с Аддапом, сыном Талесина, и со многими другими знатными и благородными людьми Острова Могущества и иных стран.

— Иддауг, — сказал тогда Ронабви, — что это за мужчина с золотисто-каштановыми волосами, к которому все только что пошли?

— Рин, сын Маэлгуна Гвишеддского,* человек, чей авторитет так велик, что все будут советоваться с ним.

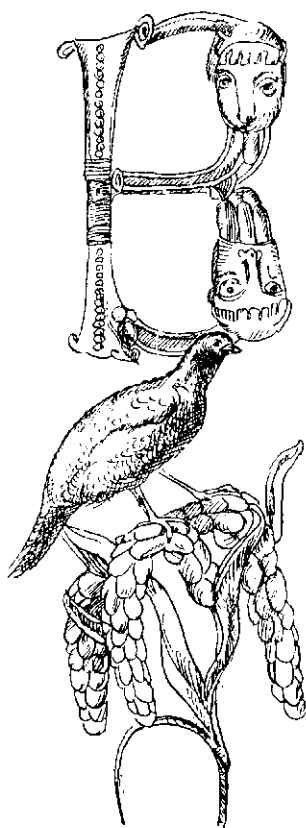
А после — Хэй! — пришли барды, чтобы петь для Артура. И затем — Хэй! — пришли четыре и двадцать человека, нагруженные золотом и серебром, и то была дань от Ослы Большой Нож. И тогда совет Артура решил даровать ему перемирие на две недели до конца месяца, отдать в барды тех, кто принес дань; а чтобы во время пере-

мирия им платили за их песни, саму дань отдать на вознаграждения. И на том они и порешили.

И от подвинувшегося шума Ронабви проснулся, и увидел он, что лежит на желтой шкуре быка: и проснул он три ночи и три дня.

И НА ТОМ КОНЧАЕТСЯ ИСТОРИЯ О СЕЕ РОНАБВИ.
И НИКТО, НИ БАРДЫ, НИ РАССКАЗЧИКИ НЕ ЗНАЮТ ЕЕ НА ПАМЯТЬ,
ИЗ-ЗА ВЕЛИКОГО РАЗНООБРАЗИЯ РЕДКИХ ЦВЕТОВ И ОРУЖИЯ,
И УКРАШЕНИЙ, И ИЗЫСКАННЫХ НАКИДОК,
И ВОЛШЕБНЫХ КАМНЕЙ.

Затонувший город озера Бала

от рассказ о древнем, славном, чудесном городе, что покоится ныне под водами Ллун Бала.

Знают старые люди, что в давние времена прекрасный город стоял на том месте, где разливаются ныне воды этого озера. Никогда не отступит оно поглощающие им дворцы, дома и улицы города; но и сейчас еще, очень редко, в особые зеленые дни, когда спокойна зеленоватая вода, можно видеть пики этих дворцов и темные коридоры улиц. И еще реже можно слышать звон раскачиваемых водою колоколов — впрочем, говорят ста-

рые люди, что не вода раскачивает эти колокола, и не каждый способен услышать их звон, когда приходят сумерки, и умирающий день уступает место ночной тишине...

В давние времена правил в этом городе валлийский князь по имени Тэдиг Воэль вместе с женой своей Керидвеной.* То был муж удивительной жестокости и злобы; и когда-то говорили о нем, что из прихоти убивал он или сохранял людям жизнь. И так силой и жестокостью правил он тем чудесным городом.

Но однажды летним утром, когда отдыхал князь в саду своего замка, услышал он волшебный голос:

— *Диал а ддау, диал а ддау!*¹

И после того зазвучал другой голос:

— *На брид ы ддау!*²

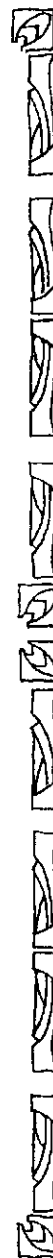
И первый голос отвечал ему:

— *Ыи ы дридед ганхэдлаэт.*³

Князь же рассмеялся над угрозой, и уйдя прочь из сада, забыл о ней и более не вспоминал.

Прошли годы, и жена его Керидвена родила ему троих сыновей. И когда выросли они и превратились в красивых и сильных юношей, увидели жители города, что дети их князя жестокостью и злобой превосходят своего отца.

Когда пришло тому время, женились сыновья князя, и вот в один прекрасный день родился у старшего принца ребенок, мальчик. Каменные стены княжеского дворца звенели в тот день радостью, и улыбки цвели на всех лицах. Для большого шра, что должен был состояться той по-

чью, послали за арфистом с соседних холмов, который славился во всех окрестных землях.

И когда прибыл арфист во дворец, был он поражен невиданной роскошью убранства и великолепием многочисленных гостей; никогда прежде не видел он такого собрания благородных лордов, князей и княгинь. И взяв свою арфу, заиграл он так хорошо, как только умел, и гости закружились в танце, и серебряные подвечники и золотые кубки подпрыгивали на столах в такт чудесной музыки.

А ближе к полуночи, когда музыкант отложил свою арфу, чтобы немножко передохнуть, вдруг услышал он негромкий голосок, словно бы шепчущий ему на ухо некие слова.

— *Диал а ддау! Диал а ддау!* — разобрал арфист, когда прислушался.

Тотчас обернулся он и увидел маленькую птичку, кружащую возле его головы. И показалось ему, что птичка зовет его за собой. Тогда поднялся арфист со своей скамьи, и птичка полетела к выходу из пирушественной залы. Следуя за ней, покинул он замок князя, а потом и город.

Полная луна была в небе, и серебряный свет ее озарял окрестные холмы и долины. Через болотные топи и темные чащобы вела маленькая птичка арфиста по неизвестным тропам. И когда достигли они вершины большого холма, и арфист, оглянувшись, увидел далеко позади освещенный огнями город, тогда птичка исчезла, оставив его одного. И музыкант уже пожалел, что пошел за маленькой проводницей, оставив во дворце без присмотра свою драгоценную арфу, когда свет-

лый диск луны скрылся за тучами, и все вокруг погрузилось в непроглядную тьму.

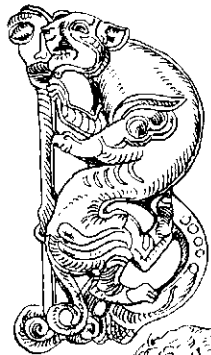
Делать было нечего, и усталый арфист, вздохнув, прилег на мягкую шелковистую траву и тотчас уснул.

Проснувшись поутру, поднялся он на поги, и окинув взглядом окрестности, не поверил своим глазам. Там, где еще ночью возвышались башни и шпили дворцов города, расстилась ныне озерная гладь...

И присмотревшись, заметил старый арфист некий темный предмет, плавающий на поверхности озера. И тогда он спустился с холма, и подошел к берегу озера, и увидел, что это его великолепная арфа чудесным образом возвышается над водой. Словно почувствовав хозяина, вздрогнула арфа и подплыла к берегу, и остановилась у ног старого музыканта.

Дева озера Ллин-ы-Ван-Вах

Южном Уэльсе, высоко в Черных Горах, есть долина, в которой скрыто одинокое озеро Ллин ы Ван Вах.

На берегу озера, в Блаэнсауде, жила когда-то на своей маленькой ферме одинокая вдова с единственным сыном Гронвом. Когда мальчик подрос, он стал пасти скотинку, что была у них, на нежной траве у озера. И вот однажды, сидя у воды и поглядывая на коров, услышал Гронв плеск воды, доносящийся со стороны озера. Он оглянулся вокруг и, к изумлению

своему, увидел молодую девушку, сидящую на глади воды. Она расчесывала свои длинные волосы и рассматривала свое отражение в воде, как в зеркале. И подумал Гронв, что эта девушка — красивейшее из всех созданий, что видели когда-либо глаза смертного.

И вдруг девушка заметила Гронва, стоящего на берегу озера и изумленно смотрящего на нее. Он протянул ей ломоть ячменного хлеба с сыром, который мать дала ему с собой. И девушка, вначале испугавшаяся, медленно приблизилась к нему, скользя по озерной глади. Она дотронулась рукой до хлеба, но когда юноша попытался коснуться ее, она отдернула свою руку и сказала, грустно качнув головой:

Брас ди вара.

Шид хаудд ви пала...

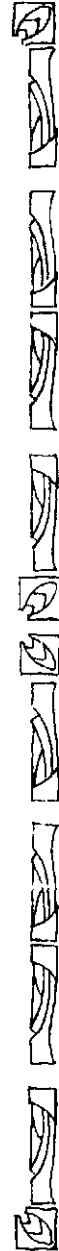
Жесток печеный хлеб,

Трудно поймать меня.

И с этими словами она нырнула под воду и пропала, оставив несчастного Гронва на берегу — горевать о своей судьбе. Ведь он с первого взгляда полюбил ее — Деву Озера.

И Гронв вернулся домой, и рассказал матери о своем прекрасном видении, и спросил ее совета: как привлечь ему полюбившуюся волшебную девушку? И к следующему дню матушка испекла ему другой хлеб, такой хороший, какого сами они давно не едали.

На утро, не успели лучи солнца коснуться вершин гор, Гронв уже стоял рядом с озером, держа

свой пышный хлеб в руках и с тревогой ожидая, появится ли сегодня девушка. Час за часом пристально вematривался он в озерные воды, и час за часом не видел ничего, кроме мелкой ряби, поднятой легким ветерком, и играющих на воде солнечных лучей. Но когда время перевалило за полдень, и Гроив готов был отправиться домой, к великой его радости на залитой солнцем воде озера опять появилась девушка.

Она показалась Гроиву еще более прекрасной, чем раньше, и Гроив с восторгом протянул ей свой хлеб. Но девушка лишь коснулась его рукой, и остановила влюбленного юношу словами:

*Лийт ди вара,
Ти ни вынна...*

Непропеченный это хлеб,
Не нужен мне такой...

Но прежде, чем исчезнуть, на сей раз она одарила Гроива грустной улыбкой, и он почувствовал, что не стоит, возможно, впадать в отчаяние. По дороге домой воспоминание об этом наполнило его надеждой, что уж в следующий-то раз Дева Озера, наверное, не откажется принять его подарок.

Он рассказал своей матери о том, что произошло, и она опять нескла ему хлеб, и уж постаралась, чтобы не был он ни черствым, ни непропеченным.

И вот на следующее утро, задолго до восхода солнца, Гроив снова прогуливался по берегу с

хлебом в руках и надеждой в сердце, пристально вematриваясь в неподвижную водную гладь.

Овцы и козы пощипывали траву на крутых склонах гор, коровы разбрелись ереди скал и валунов. Прошел дождь, появилось солнышко, а затем снова облака затянули небо. Но ничего из этого не заметил юноша, настолько он был переполнен любовью к девушке из озера. Утро превратилось в день, а день — в вечер. И ничего не было видно на озере, кроме гонимых ветром волн и дождевой ряби на темной воде.

Появились первые почные тени, и Гроив уже был готов уйти в горьком разочаровании, когда, бросив на озеро последний взгляд, увидел он гуляющих по воде коз цвета черного ягтаря. Тотчас воскресли его надежды, что прекрасная Дева Озера появится, и правда, вскоре появилась она, и была прекрасней, чем когда-либо.

Когда она приблизилась к юноше, подобрел он по холодным водам озера ей навстречу, с надеждой протягивая свой хлеб. И — о чудо! — на этот раз она приняла его дар с благодарной улыбкой и даже позволила ему взять ее за руку и вывести на берег. А Гроив от радости совсем потерял дар речи; с опущенной головой и пылающими щеками, он лишь застенчиво смотрел на ее ступни в легких сандалиях.

Но в конце концов он пришел-таки в себя и заговорил, глядя прямо в ее карие глаза.

— О девушка, я люблю тебя так сильно, что не в силах передать этого, — сказал он, — и я хочу просить тебя быть моей женой.

Он просил ее так искренне и горячо, что в конце концов она обещала быть его невестой. Она выказала лишь одно условие, что выйдет за него замуж и будет жить с ним пока не совершит он *Три Эргид Дыхос* — Три Пенужных Удара. И если когда либо случится, что он три раза без причины ударит ее, она покинет его навсегда. Конечно, Гронв сразу же сказал, что ни за что на свете не ударит бы ее, что он скорее отрубит свою руку, чем сделает это.

Между тем девушка высвободила свою ручку из его рук и, убежав к озеру, бросилась в воду. И Гронв сначала удивился, а потом опечалился, подумав, что она лишь жестоко его дразнила и теперь уже никогда не вернется. Так он расстроился, что решил утонуть в этом же озере. Взобрался он на вершину огромной скалы, нависшей над озером, и совсем уже было собрался прыгнуть в темные озерные воды, как услышал окрик.

— Остановись, смелый юноша, и подойди сюда.

Обернувшись, увидел он убеленного сединами старика, величавого как король, с двумя прекрасными девушками; все они появились из озера. И когда Гронв спустился к ним навстречу, старик обратился к нему с такими словами:

— Ты хочешь жениться на одной из моих дочерей. Быть тому. Я не буду мешать тебе, тем более, что дочь моя и сама этого желает. Но сначала, чтобы доказать свою любовь, ты должен сказать мне, какая из этих двух обещала выйти за тебя замуж.

Сердце Гронва наполнилось ликованием: как мог он ошибиться и не узнать свою возлюбленную? Но взглянув на девушек, он сильно смутился: они были неотличимы друг от друга, как два лепестка розы. И если он случайно выберет не ту девушку, то все навсегда будет потеряно.

Мысль о том, что он может ошибиться, довела его до отчаяния. Гронв уже почти готов был признаться, что не может разрешить эту задачу, когда краем глаза заметил он, как одна из девушек слегка подвинула свою левую ногу. С радостным возгласом он немедленно взял ее за руку.

— Ты выбрал правильно, — сказал строгий старик, — смотри же, будь для нее добрым и любящим мужем, а я покажу вам в приданное столько коров, овец, коз, свиней и лошадей, сколько она сумеет сосчитать на одном дыхании. Но запомни, если ты три раза без нужды ударить ее, она навсегда вернется ко мне.

Гронв был переполнен счастьем. А его невеста стала считать по пять:

— *Ии, дай, три, педвар, тилт. Ии, дай, три, педвар, тилт. Ии, дай, три, педвар, тилт.* — Раз, два, три, четыре, пять. Раз, два, три, четыре, пять. Раз, два, три, четыре, пять, — и так до тех пор, пока ей хватало воздуха. И как только она досчитала, из глубины озера появилось такое же количество коров.

Затем она посчитала овец:

— *Ии, дай, три, педвар, тилт. Ии, дай, три, педвар, тилт...*

Она продолжала считать, пока опять не перевела дыхание. Не успел никто и глазом моргнуть, как посчитанные ей овцы с блязнем появились из воды. Точно так же она посчитала коз, свиней и лошадей, и вскоре на берегу стояли чудесные стада коров, овец, коз, свиней и лошадей.

Между тем старик и его вторая дочь исчезли, и Гронв взял девушку за руку и повел ее на свою ферму, и все животные последовали за ними.

* * *

Через несколько дней Гронв женился на Деве Озера, и стали они жить в Эгар Млаэти, что в миле от деревни Миддвай. В счастье прожили они несколько лет, и родились у них три прекрасных сына.

Когда самому младшему из них было десять лет, Гронва и Нелверх — так звали Деву Озера — приглашены в соседнюю деревню на крестины. Они отправились туда пешочком, напрямик от своей фермы. День выдался жарким, до деревни было далеко, и скоро Нелверх натерла ноги и пожаловалась, что не может дальше идти.

— Если ты не желаешь идти дальше, — сказал Гронв, — я вернусь домой и приведу для тебя лошадь.

Его жена согласилась и попросила его принести ей также перчатки, которые она оставила дома. Гронв вернулся на ферму, привел лошадь, принес перчатки и чувствовал себя от такой прогулки по жаре сильно уставшим.

Но как только он собрался помочь своей жене сесть верхом на лошадь, она неожиданно сказала,

— Я передумала, давай лучше вернемся домой.

От такой неожиданности Гронв страшно разошелся, и, не успев взять себя в руки, как легонько ударил ее перчатками.

Его жена села на лошадь и глубоко вздохнула.

— Это, муж мой, и есть первый удар без причины, — напомнила ему она, и он вспомнил о своем обещании, которое давал когда просил ее стать своей женой.

Хоть Гронв был и зол на самого себя, он успокоил себя тем, что ничего еще не потеряно, и что он никогда больше и пальцем не тронет свою жену.

...Спустя несколько лет, когда они Гронв с Нелверх были на свадьбе, жена его неожиданно расплакалась и стала рыдать так горько, что сердце кровью обливалось. Веселье и смех гостей за столом разом утихло и все повернулось в их сторону.

— Что с тобой, милая моя? — нежно спросил Гронв.

— Я плачу, — отвечала Нелверх, — потому, что у этой пары вся жизнь будет сплошным несчастьем. Они не созданы друг для друга.

Все гости были поражены, а некоторые даже разошлись, услышав такие слова. Гронв, который успел выпить уже больше одного стакана ядреного пива, покраснел и крепко встряхнул ее за плечо.

Нелверх перестала рыдать и глазами, наполненными слезами, печально посмотрела на мужа.

— О, муж мой, — вздохнула она, — вот ты и ударил меня второй раз без нужды.

...После того случая Гроив следил за собой днем и ночью. Он был так счастлив в своей любви, что знал — сердце его разорвется от горя, если из-за одного случайного удара его жена покинет его. Прошли годы, дети их выросли и стали красивыми и умными юношами.

И вот случилось так, что однажды были они на похоронах. На самой середине службы Нелверх вдруг засмеялась так громко, что все присутствующие уставились на нее с недоумением и возмущением. Ее несчастный муж громко прошептал ей,

— Тише, жена, подумай о людях вокруг!

Но она продолжала смеяться даже громче прежнего. Будучи в крайнем смущении, Гроив грубо схватил ее и оттащил от могилы. Но тут же он понял, что патворил, и в ужасе закрыл лицо руками.

А Нелверх тотчас перестала смеяться и повернулась к мужу.

— Я смеялась, — сказала она, — потому что люди лишь после смерти избавляются от всех своих несчастий. Вот, любимый муж мой, ударил ты меня последний раз. Был у нас честный уговор; теперь мы больше не муж и жена. Прощай, навсегда я должна оставить тебя и эту землю.

И она направилась к Эстаір Ллаэтли, где собрала весь свой скот, выкликавая каждую скотинку по имени.

*Ми улврех, Моэлврех,
Ми олврех, Гвинврех,
Надайр каэ тонн-врех,
Ыр хен вынэбвен,
Ар лас Гэйген,
Гыда'р Тару Гвин,
О лис ы Брени;
Ар лло ди бах,
Сидд ар ы бах,
Дэре дитай, ын йах адре.*

Пестрая корова, в белых пятнах
Пятнистая корова, в крупную крапинку,
С четырех твоих зеленых лугов крапчатая.
Старая белая морда,
И серый Герингер,
И белый бык
С королевского двора,
И маленький черный теленок,
Висящий на крюке,
Все приходите и идите за мной —
Домой.

Все они сразу же послушались своей хозяйки. Даже маленький черный теленок, подвешенный в кладовой на крюке, ожил, спустился с крюка, одел свою шкуру и побрел прочь вместе с остальными коровами, овцами, свиньями и лошадьми.

Все они вслед за своей хозяйкой ушли к озеру из которого вышли когда-то много лет тому назад. И подходя к берегу, не останавливаясь, шли они в озеро, и скоро все до одного исчезли под темными его водами. Осталась на берегу лишь борозда от плуга, который танцла за собой лошадь, — тащила до тех пор, пока вместе с ней не скрылся он в озере.

Исчезло тогда все, что привязывало Гроива к жизни. В отчаянии последовал он за своей женой вниз к озерной котловине и, ошеломленный своим горем, вошел в воды озера вслед за ней.

И тело его так никогда и не нашло.

Много-много дней и ночей провели три их сына у озера в надежде увидеть своих пропавших родителей. И в конце концов преданность их была вознаграждена, и однажды, несколько недель спустя, появилась Нелверх на том берегу озера, что до сих пор называется Ландиад-ы-Меддигон, Ворота Целителя. Скользя по спокойной озерной воде, подошла она к своему старшему сыну Риваллоу — точно так же, как много лет тому назад подошла к его отцу.

И наказала она ему оставить печаль. Впредь его призванием и призванием его братьев на земле должно было стать облегчение людской боли и страданий. И после того она часто приходила на берег к своим сыновьям и рассказывала им, как целить людей и излечивать разные болезни, и иногда подолгу гуляла с ними по окрестным долинам и горам, показывая братьям целебные травы.

Благодаря наставлениям матери, три ее сына стали самыми искусными целителями в Британии. Лорд Рие, владетель большей части Южного Уэльса, пожаловал им земли и при жизни своей воздавал им великие почести. В Миддвасе открыли братья больницу для исцеления страждущих и охотно бесцельно лечили тех, кто был слишком беден, чтобы заплатить за лечение.

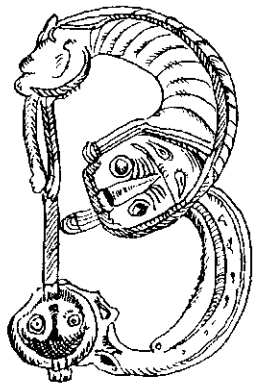
Слава о Целителях из Миддвас распространялась по всей Британии, и даже за ее пределами, и жива по сей день. Знания Риваллоу и его братьев долгое время переходили из поколения в поколение; и часть знаний этой семьи записана в книге, которая называется "Целители Миддвас". Книга эта сохранилась,* и до сих пор тот, кто желает, может при желании, заглянуть в нее...

*Ыр хен ыр тлуд о'р ворнел,
Ган эй дад а гльвод хведел,
А хан эй дад вэ гльвод иштаи.
Ак ар эй ол ми говиаш иштаи.*

Седой старик в своем углу,
Он от отца слышал эту быль,
А тот — от своего отца.
И после них я говорю се.

Морвэн из Лесных Земель

давние времена правил в Повисе* князь Бенлин. Было у него много великих сокровищ, и среди них — прекрасные земли и зеленые дуга, где паслись многочисленные стада.

Однажды, туманным ранним утром, что-то случилось во время охоты с его лошадей; заржав, поскакала она столь быстро, что князь не смог успокоить и остановить ее. И лишь в самой чаще густого леса она остановилась, и тогда взору князя предстала неожиданно прекрасная юная дева. И он окликнул ее, но в ответ она лишь взмахнула рукой и исчезла.

— О! Как прекрасна эта девушка! — воскликнул Бенлин. — Но кто она?

И, очарованный красотой исчезнувшей девушки, князь продолжил свою охоту на дикого медведя, но то, что случилось с ним, не давало ему покоя.

Я подлюбил эту юную красавицу! — думал Бенлин. — А свою жену я больше не люблю — она становится такой старой и некрасивой.

С тех пор еще дважды, выезжая на охоту, встречал он свою возлюбленную и каждый раз ее звал, но ни разу не получил ответа на свои ласковые слова.

И вот однажды вечером, когда он забрел случайно в самую глубь лесной чащи, прекрасная незнакомка возникла перед ним.

— Не исчезай, моя чудесная фея! — взмолился он. — Остайся со мной и живи в моем прекрасном дворце!

И тогда девушка улыбнулась.

— Прежде чем я приду к тебе, — сказала она, — ты должен отослать прочь свою жену. Только тогда я выйду за тебя замуж. Но есть у меня одно условие. Я родом из Волшебной Страны, и раз в неделю, вечером, должна я возвращаться к Дивному Народу. В такие вечера ты не должен мешать мне и следовать за мной. Если ты исполнишь это условие, то я никогда не постарею, и останусь такой же юной и прекрасной до тех пор, пока в твоём дворце будут цвести цветы дрока.

— Обещаю, обещаю тебе! — воскликнул обрадованный князь, — но скажи мне, кто ты?

— Я — Морвэн из Лесных Земель, — отвечала прекрасная девушка.

И князь привел ее в свой замок, и оказалось, что жена его исчезла.

* * *

Много счастливых лет прожили Морвэн и князь Бенлли в любви и согласии. И каждую неделю Морвэн исчезала, чтобы навестить свою родину в Волшебной Стране. Шло время, и Бенлли все больше и больше удивлялся, почему она до сих пор не забыла свой лесной дом и все еще продолжает посещать его. Недовольство и страх князя росли; он боялся, что любимая его жена находится в плену злых чар.

И вот как-то раз князь Бенлли устроил пир в честь одержанной им славной победы в битве. Со всего света съехались в его замок короли и князья, и был среди его великодушных и прославленных гостей монах по прозвищу Вилан. На возвышении, рядом с Бенлли, сидел он за столом и пристально наблюдал за гостями. Не знал князь, что Вилан был могущественным чародеем. "У нашего государя тайное горе", — бормотал он про себя.

И когда пришло время прогуляться по саду, и монах-чародей вышел из пиршественной залы вместе с князем, так сказал он своему государю:

— О, князь Бенлли! Каждый видит, сколь много у тебя и богатства, и любви, и счастья; по моему зрению открыто иное. Расскажи мне, отчего так печально в глубине твоего сердца?

И тогда князь поведал монаху, что каждую неделю его молодая жена таинственно исчезает.

— Государь нуждается в моей помощи, — сказал Вилан, когда Бенлли закончил свой рассказ,

— я сослужу тебе, князь, эту службу, но ты, в свою очередь, должен обещать, что отдашь мне в дар лесную фею и каждый год будешь жертвовать много денег моему монастырю.

И князь согласился на предложение Вилана и возвратился во дворец.

А монах-чародей тою же ночью спрятал в складках мантии свою волшебную книгу и тайно отправился к большому камню, перекрывающему вход в пещеру, которая вела в землю волшебников. Там Вилан сел и начал внимательно наблюдать.

Он слышал шепот и шуршание шелковых юбок. Он смотрел в свою книгу и видел спешившую Морвэн. Он провожал ее взглядом до тех пор, пока она не исчезла из виду во мраке пещеры. И тогда монах начал говорить нараспев заклинания, и ветер унесл его слова далеко через болота.

— Живи с миром, князь Бенлли, — бормотал он, перелистывая страницы волшебной книги, — живи с миром и отдай обещанный дар монахам и подарок, обещанный лично мне. Морвэн из Лесных Земель будет моей.

Воцарилась тишина.

Затем Вилан продолжал:

— Я дал клятву, что женюсь на ней в часовне монастыря. Она должна придти и встретить меня там на рассвете. Я буду в часовне, чтобы приветствовать ее и жениться на ней.

Продолжая произносить эти слова снова и снова, он торопился к монастырю. И вот, когда достиг он монастырских ворот, то увидел сидящую на камне благородную женщину, невероятно высокую. И было в ней что-то страшное; и казалось

Вилану, что она кого-то ему напоминает. А когда монах подошел ближе, он вдруг увидел на ее руке кольцо с великолепными рубинами, которое князь Бендли подарил когда-то своей супруге Морвэн.

— Верни меня в жены! — воскликнула женщина. — Ты дал клятву на мне жениться и должен выполнить ее, несмотря на то, что я стала гигантшей!

А Вилан молчал.

— Сядь подле меня, — произнесла женщина, — и я поведаю тебе все, что со мной произошло. Сейчас я уродлива. Я — великанша. Двадцать пять лет тому назад я была юной и прекрасной, и именно тогда я впервые увидела князя Бендли, и полюбила его, и стала его женой... — тут взор ее затуманился печалью, и с грустью в голосе продолжала она свой рассказ: — Но со временем, старея, я утратила свою прелесть. А теряя красоту, я лишилась любви моего мужа. Так же как и ты, монах, я училась волшебству. Поговорив с людьми Дивного Народа, я заключила с ними сделку, пообещав, что каждую неделю буду проводить в их стране ночь в образе гигантши. В свою очередь, они обещали сделать меня юной и прекрасной...

Вилан смотрел на нее с дрожью и с недоумением, все более нараставшим. А женщина продолжала:

— Для князя и его придворных я оставалась стареющей и некрасивой женщиной, а в облике лесной девы встречала его на охоте. Так с помощью Дивного Народа я завоевала его любовь — для Морвэн из Лесных Земель. Я сдержала клят-

ву, данную эльфам, и рассказала Бендли, что останусь прекрасной и юной до тех пор, пока каждую неделю буду уходить в Волшебную Страну и проводить там ночь, и пока цветет во дворцовом саду дрок...

И она поднялась, и сказала, тяжело вздохнув:

— Все было замечательно, пока кто-то не произнес мрачное заклинание, наказав меня тем, что я так и осталась великаншей. Но ты должен теперь сдержать свою клятву и жениться на мне, — так веди же меня в монастырскую часовню — будем венчаться!

А Вилан смотрел на нее и глаза его наполнились страхом. Он несколько раз перекрестился.

— Ты можешь вернуться к Бендли, князю Повиса! — воскликнул монах в ужасе. — Верни мне мир и покой!

И тогда Морвэн вернулась к князю Бендли, не надеясь, что тот примет ее в таком ужасном виде. Но чарами Дивного Народа случилось чудо, и в этой женщине увидел князь обеих своих любимых: и прежнюю свою жену, и Морвэн из Лесных Земель. И радости его не было предела, и он видел ее прекрасной и юной — более прекрасной, чем ту лесную деву, ради которой он бросил свою первую жену.

И с тех пор долгие годы жили они вместе в радости и любви.

Предания о старине мест

ХОЛМ ГОБЛИНОВ

Бригид Ир-Эллилон, Холм Гоблинов, известен в Глауце тем, что в старые времена многие видели, как на вершине этого кургана появляется из-за каприза* некий призрак, окруженный золотым сиянием.

Интересно, что в первой половине прошлого века курган был раскопан, и в основании его обнаружены погребение на каменном тесаном ложе. Скелет был в золотом уборе, и сотнями шариков из янтаря цвета золота были усеяны камни его гробницы...

КУРГАН ТАЛЕСИНА

В Диведе до сих пор могут показать интересующемуся путешественнику *Бедд Талесин*, курган, под которым погребен знаме-

нитейший валлийский бард Талесин. Земляная насыпь, возвышающаяся над захоронением, окружена двумя крутами стоячих камней.

Живущие в окрестных деревнях люди, которые, возможно, приведут вас к этому могильнику, ни за что не согласятся провести на нем ночь — считается, что человек, решившийся на это, к рассвету либо станет замечательным бардом, либо — потеряет рассудок...

КАМЕШЕК ИЗ ТУФЛИ АРТУРА

Еще одно знаменитое захоронение — *Козтан Артур* находится на юге Уэльса, в Гламоргане. Могильная камера погребения, находящегося на высоком берегу моря, сложена из каменных плит; в шутку говорят, что покровной плитой для этой камеры стал камешек, попавший в туфлю короля Артура и вытряхнутый им на этом месте.

По легенде, две ночи в году — в канун Дня Всех Святых и в канун Иванова Дня — этот камень спускается на берег, чтобы искупаться в морской воде.

До сих пор эта могила почитается у местных жителей: в полную луну к камню приносят пирожки и кусочки тортов, и девушки, желающие обеспечить себе верность возлюбленных, семь раз медленно обходят вокруг него...

КАМЕНЬ ОВЭЙНА

В Кармартеншире, неподалеку от деревни Горслае, лежит озеро, называемое *Лин Длех Овайн*, то есть Озеро Камня Овэйна. Когда наступают теплые летние дни, озерная гладь покрывается большими зелеными листьями и белоснежными цветами водяных лилий...

Рассказывают старые люди, что когда-то давно на месте этого озера был священный источник, и здеиные эльфы следили за тем, чтобы вода в нем всегда оставалась чистой и холодной. Этот источник, обложенный камнями наподобие колодца, прикрывала большая каменная плита, и все пастухи в округе помнили, что сдвинувши плиту и выпивши воды непременно должны вернуть кровавый камень на место.

И вот однажды в жаркий летний день проезжал неподалеку от этого источника сэр Овэйн, один из рыцарей короля Артура, и усталость долгого пути томилла его. Будучи сам из этих мест, вспомнил он о волшебном источнике и направил к нему своего коня.

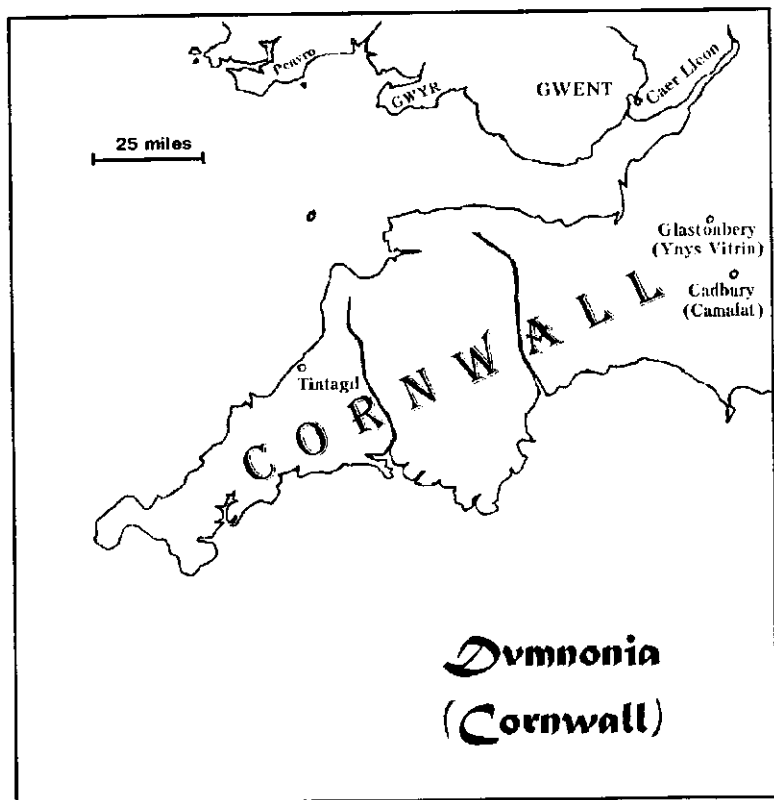
Сдвинув камень, зачерпнул он воды из источника, и напившись вдоволь, тотчас растянулся на земле и уснул. А пробудился он от громкого шума текущей воды и увидел, поднявшись на ноги, что хлещет из неприкрытого источника вода, и уже целое озеро потекло вокруг маленького островка, где он спал. Тогда бросился он в воду и доплыл до берега.

Там встретили его люди из соседних деревень.

— Хэй, люди, — сказал им Овэйн, — моя вина в том: забыл я поставить на место камень на источник.

— Что с того, — отвечали ему, — смотри, раньше был у нас маленький источник, ныне же — целое озеро прекрасной чистой воды!

ΚΟΡΗΥΟΝΝ

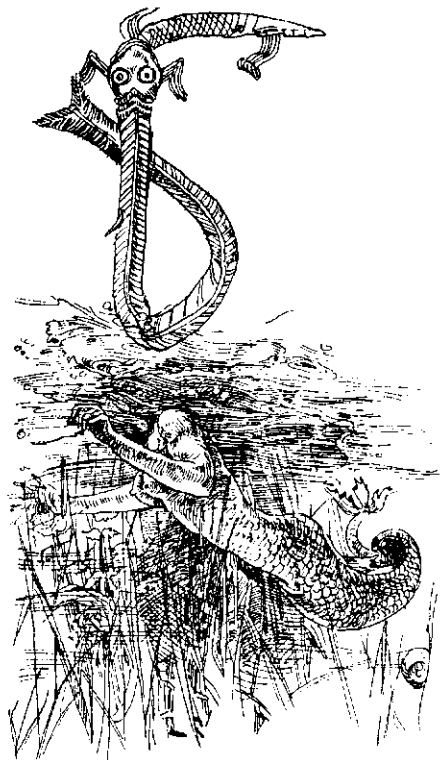

МОРЕ, РЕКА И ЗАЧАРОВАННЫЙ САД

Лити и Русалка

ольшее ста лет тому назад жила неподалеку от Лизард Ноинг крестьянин по имени Лити. Было у него несколько акров земли в церковном приходе Кьюрэ, или Корраггин, как он тогда назывался. Однажды летним вечером пришел он на берег моря, чтобы побродить по песку и поискать что-нибудь, что нередко выносит на берег прилив после кораблекрушений. И так ходил он под скалами, ворча и проклиная свою

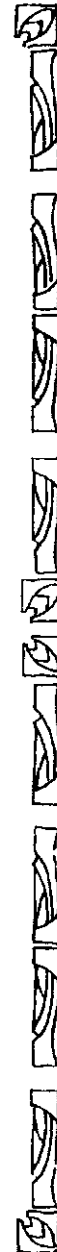
судьбу, так как уже давно не выносило море к здешним утесам ничего стоящего.

Так и не найдя ничего в прибрежных песках, Лити уже совсем было собрался домой, как вдруг услышал он пение, похожее на вздох моря, на причитания женщины или плач ребенка. Казалось, что пение доносится с моря. Лити остановился и прислушался, и вскоре различил слова старой корнуольской песни:

*Блэдэн вар влэдэн гура горольон дес,
Ха гаие хэрк лин дыворт Доур Гвавае мюс.
Вортевет гура гвише Норд Вет ага вхэта пэлл,
Раг ан боблл поу том д'ага дыбри олт...
Ыма нит хэри кэнар олт а'н быс,
Мой а боблл вогосэж эс а боблл врас.*

Год за годом идут корабли,
От озера Гвавае, с грузом сардин.
Может подует Норд-Вест,
И в теплых краях съедят тех сардин...
Сардины — богатство для всех людей,
Но больше — для бедных, чем для богачей.

Отправился Лити на звуки пения и вышел к скалам, которые во время прилива находились под водой, но сейчас они были в фарлонге* от моря или даже дальше. Обогнув гряду скал и подойдя к ним со стороны моря, Лити увидел девушку, прекрасней которой он, казалось, никогда не встречал. Лишь голова ее и плечи были открыты его взгляду, остальная же часть тела была скрыта водой, что осталась в ложбине у подножия скал после отлива, и морскими водорослями, окружавшими красавицу со всех сторон. Ее золотистые волосы, струящиеся по плечам, пла-

вали на воде и сияли как солнечные лучи, сверкающие на поверхности моря. Чистой и гладкой, как полированная раковина, была ее кожа.

Чудесная девушка продолжала свою грустную песню, с тоской глядя на отступившее море, и Литти помедлил, не желая обнаружить свое присутствие. Ему очень хотелось утешить ее, но, не зная, как это сделать, и боясь до смерти испугать ее своим неожиданным появлением, Литти тихонько кашлянул.

Оглянувшись и заметив его, девушка издала крик, еще более странный, чем прежнее пение, и соскользнула с камня в воду, оставив над водой и морскими водорослями лишь свою прекрасную головку и лебединую шею.

— Не бойся меня, красавица, — сказал Литти, — я порядочный и степенный женатый мужчина, мне почти тридцать. Ты потеряла свою одежду? Но я нигде не вижу ее! Что я могу сделать, девушка, чтобы помочь тебе?

Но девушка молчала.

— Горлица ты моя, — продолжал Литти, осторожно подходя ближе, — я ни за что на свете не сделаю тебе ничего плохого.

Он глаз не мог оторвать от ее красоты, а красавица, услышав ласковые его слова, перестала плакать. И когда она посмотрела на Литти, глаза ее сияли, как яркие звезды в темную ночь.

Литти подошел поближе к краю заводи и, глядя в воду, увидел рыбий хвост, колышущийся и трепещущий среди плавающих морских водорослей. Тогда он понял, что эта прелестная девушка была русалкой. Он никогда раньше не видел их так близко, хотя часто наблюдал за ними и слышал

их пение, разносящееся над водой в лунные ночи.

— Ну, моя прелестная девушка моря, — вымолвил Литти, — что же я могу сделать для тебя? Скажи или дай мне знак, если ты не понимаешь мой язык.

— Добрый человек, — ответила она, — мы, люди океана, понимаем все на свете языки, так как бываем у берегов всех стран и все земные племена посещают наши владения; к тому же слух наш так тонок, что мы слышим и то, о чем говорят на суше, далеко от моря. Ты, наверное, напуган, что я совсем не одета, как обнаженная истина, ведь наши женщины всегда укутаны такими вещами, которые лишь мешали бы нам резвиться на волнах?

— Нет, моя милая, я ничуть не боюсь видеть тебя без платья и юбки, — ответил Литти, продолжая походить все ближе и ближе. — А сейчас, моя дорогая, не скрывай больше свое прелестное тело, а лучше садись на камень и рассказывай, что тебя так опечалило.

Русалка выбралась из воды, села на уступ скалы и откинула с лица свои золотистые локоны. Тогда Литти увидел, что волосы ее столь длинные и красны, что, ниспадая, покрывают ее тело подобно роскошной магии из сверкающего золота. Девушка вздохнула и начала свой рассказ:

— О, несчастная я русалка! Видишь ли, добрый человек, три часа назад я оставила своего мужа крепко связавшим на постели из мягких и нежных морских цветов, и наших детей, играющих вокруг него. Я наказала старшим оберегать отца от креветок и морских блох, чтобы они ненароком

не залезли ему в ухо или нос и не потревожили его покой. "Позаботьтесь, — сказала я, — чтобы крабы не уцедили вашего отца за хвост и не разбудили его, пока я отлучусь, чтобы добыть что-нибудь вкусное к ужину, а если вы будете послушными, я вернусь домой с хорошенькими молодыми дельфинами и морскими дьяволами, и вы сможете с ними поиграть."

— Все же, — продолжала она, — при всей моей осторожности, я очень боюсь, что мой муж проснется и захочет чего-нибудь поесть до моего возвращения. Мне следовало бы знать, когда вода при отливе уходит от прибрежных скал. Однако я была столь глуха, что оставалась здесь, разглядывая в заводи свое отражение и вычесывая из волос креветок, крабов и обрывки водорослей, и не замечала, что море отступает, оставляя между мной и прибоем полосу сухого песка.

— Почему же ты все-таки так мучаешься, моя милая? — спросил Лити. — Разве нельзя ты подождать здесь, пока не наступит прилив и ты сможешь улечься домой? А я составлю тебе компанию.

— О, нет, — возразила она, — я хочу вернуться назад еще до прилива. Ведь мой муж и другие водяные проснутся наверняка голодными и захотят чего-нибудь на ужин. Можешь себе представить мое чудовище!? Если я не вернусь с полдюжиной здоровых кефалей, несколькими десятками макрелей или с какой-нибудь другой вкуснятиной, которая подонла бы для его разборчивого желудка, когда он просыпается с ашигитом акулы, он наверняка съест несколько наших замечательных мальшей. Водяных и русалок было бы в

море также много как сельдей, если бы их обжоры-отцы не съедали бы маленьких детей. Десятки моих деток попали в его безобразную пасть, и никто не вышел оттуда живым.

И она вздохнула, печально разглядывая человека с двумя хвостами.

— Ах, — произнесла она, — чего бы я только не дала за такую пару хвостов как у тебя, чтобы ходить по суше... Если ты сможешь мне и перенесешь к морю, я выполню три любых твоих желания, какие ты только захочешь.

С этими словами она сняла со своих волос золотой гребень с ручкой из жемчуга, протянула его Лити и продолжила, — это, мой дорогой, храни как мой знак, запомни, когда бы ты не попал в беду, проведи этим гребнем три раза по морской воде, призывая меня и я приду к тебе с ближайшим приливом. Меня зовут Мадги Фигги.

Лити был настолько очарован голосом русалки, похожим на напевы флейты, что продолжал слушать, глядя в ее прекрасные зеленые глаза. Он был как будто околдован, и готов был выполнить для нее все, что она пожелает. Наклонившись, он взял девушку на руки и понес к морю.

Лити был здоровым малым, он легко нес русалку одной левой рукой, а она своей правой рукой обвивала его шею. Через несколько минут они прошли песок и лишь тогда он задумался о том, что же пожелать. Лити ехал о человеке, который, встретив похожую удачу, пожелал, чтобы все, к чему он прикасался, обращалось в золото и знал печальный результат его бездумного желания. Знал он и о несчастной судьбе других людей, чьи желания были корыстны.

— Иди же, мой добрый человек, — сказала русалка, — не теряй больше времени, но ценой мне три венца, которые ты желаешь. Может быть тебе нужны долгая жизнь, сила и богатство?

— Нет, — ответил он, — я хочу лишь обладать силой, чтобы творить добро для своих ближних: первое, чтобы я мог разрушать заклинания ведьм; второе, чтобы у меня была сила излечивать любые болезни и третье, чтобы эти дары могли передаваться в моей семье из поколения в поколение во веки веков.

Русалка обещала, что он и его потомки всегда будут владеть этими дарами и кроме того, поскольку его желания были бескорыстными, никто из его семьи никогда не попадет в беду.

Они еще долго шли перед тем, как выйти к морю. Пока они медленно продолжали продвигаться вперед, русалка стала рассказывать ему о прекрасных подводных жилищах и о той приятной жизни, которую ее народ там ведет.

— В наших прохладных пещерах есть все, что нам нужно, — рассказывала она, — и даже больше. Стены наших жилищ отделаны кораллами и янтарем, увиты морскими цветами всех оттенков, а полы все усыпаны жемчугом. Крыша некрыта от алмазов и других драгоценных камней так ярко, что в наших пещерах, что находитея на склонах подводных гор, становится светло как днем.

— Поидем со мной, любимый, — продолжила она, обвив шею Лиги обеими руками, — и ты увидишь красоту наших жилищ. Нам доставляет удовольствие украшать наши залы и спальни

благородными ешнами и прекрасными дочерьми земли, которых ветер и волны приносят в затонувших кораблях в наши владения. Поидем, я покажу тебе тысячи прекрасных тел, бальзамированных столь искусно, как это умеем делать только мы, с помощью отборных солей и трав. “Они выглядят прекраснее, чем в те времена, когда они дышали,” — так скажешь ты, когда увидишь их покоящимися на дожах из янтаря, коралла и жемчуга. Да, а когда ты увидишь их тела, украшенные блистающими драгоценными камнями, грациозно колышущиеся от движения волн, ты подумаешь, что они все еще живы.

— Наверное, они действительно очень красивы, — ответил Лиги, — однако я с большей охотой обнаружил бы у вас несколько здоровых бочек с ромом, которые наверняка часто попадают к вам с трюмов затонувших кораблей. Что же вы делаете с хорошим ликером, табаком и другим добром, попадающим к вам на дно?

— Да, конечно, — согласилась она, — бочонки бренди и голландской водки, бутылки вина и здоровые бочки рома, которые есть у нас, наверняка согреют твоё сердце, когда ты их увидишь. Мы ньем время от времени из раковин, чтобы согреться, но все наши запасы могут стать твоими, так поидем же, поидем.

— Мне это очень нравится, — сказал Лиги, — но я наверняка просто утону.

— Не бойся, — ответила русалка, — ты же знаешь, что женщины моря способны творить чудеса. Я могу сделать так, что у тебя появятся жабры, и, не больше, чем через пять минут, ты будешь чувствовать себя в воде также хорошо,

как треска или морской угорь. Это не повредит красоте твоего лица. Твоя борода и бакенбарды скроют небольшие разрезы, которые нужно будет сделать под подбородком. А когда ты увидишь все, на что тебе хотелось посмотреть или тебе наскучит моя компания и жизнь в воде, ты сможешь вернуться на сушу и взять с собой столько драгоценностей, сколько пожелаешь. Так пойдем же, мой милый!

Пока они разговаривали подобным образом, Литти, бредя уже по колено в воде, вынес ее к самым бурунам. Он был настолько очарован ее красотой и околдован музыкой ее голоса, что был почти готов погрузиться вместе с ней под волны. Зеленые глаза русалки засверкали, когда она поняла, что человек оказался полностью в ее власти.

И тогда нес Литти, оставшийся на берегу, завыл и залаял так громко, что околдованный человек обернулся. И, когда он увидел прекрасную, покрытую зеленью, землю, дымок, поднимающийся из трубы его дома, коров, пасущихся на полях, — тогда чары русалки разбились. Он долго и тщетно старался освободиться от ее крепких объятий, с отворачиванием глядя на ее рыбий хвост и чешуйчатое тело, пока не заревел в агонию:

— Спасите кто-нибудь меня от этого рыбьего дьявола!

Затем, выйдя из оцепенения, он выхватил из-за пояса нож и, поднеся его сверкающее лезвие к глазам русалки, закричал:

— Клянусь Богом, я перережу сейчас твою глотку и вырву твое сердце, если ты не отпустишь мои руки и шею из своих объятий и не уберешь с моих ног свой утристый хвост!

Вид сверкающей стали (которая, как люди говорят, помогает против чар) заставил русалку мгновенно прыгнуть в море. И перед тем, как скрыться в волнах, она пронела, глядя на него, тихим голосом:

— Прощай, мой любимый, через девять лет я снова вернусь к тебе...

А Литти едва нашел в себе силы выбраться обратно на берег и дотащиться до наступления темноты до каморки на обрыве, где он припрятывал несколько бочонков бренди. Они были зарыты в песок и завалены сверху всяким хламом и были недоступны для воды. Измученный, он достал из кармана буравчик, открыл бочонок бренди и сделал несколько маленьких глотков, чтобы прийти в себя. Затем он улегся на полу среди старых парусов и вскоре уснул.

А дома жена Литти ужасно беспокоилась, что он не пришел к ужину, к которому никогда не опаздывал. Она как раз приготовила его любимые щи с требухой, изюмом и другой всякой величиной. А поскольку даже к завтраку на следующий день о нем не было ни слуху ни духу, то она пошла в его каморку и увидела, что тот спит.

— Просыпайся, вставай, — сказала она, — что заставило тебя остаться здесь без ужина? Чего-чего, а уж этого я от тебя никак не ожидала!

— Черт, что за шутки, — произнес он подымаясь и оглядываясь вокруг, — я здесь в каморке, или я в пещере на дне моря? Разве это ты, моя милая Мадги? Если да, то дай мне кубок с ромом... Но ты, однако, не слишком на нее похожа...

— Разумеется нет, — ответила ему жена, — меня зовут Аниа Бетти Лити, и я что-то не пойму, о какой это Мадри ты толкуешь?

— Ух ты, до чего ж это хорошо, — сказал Лити, придя в себя, — а знаешь ли ты, что ты едва-едва не стала в эту ночь вдовой с детьми-сиротами?

И по дороге домой он рассказал ей, как встретил на берегу русалку, как она обещала выполнить три его желания, если он отнесет ее на море, и про гребень, который она ему подарила.

— Так вот, — произнес он, — если бы старый Джами не залял и не вывел бы меня из оцепенения, чтобы я увидел, насколько далеко от берега я отошел, то наверняка сидел бы я сейчас с русалками и попивал бы ром или охотился бы на акулу на дне морском.

Лити строго-настрого наказал жене ни слова не говорить об этой истории соседям, но она, не в силах вынести такое тяжкое бремя, обещала половину прихода, рассказывая под большим секретом эту историю всем старухам, которых только сумела найти. Она даже показала им гребень русалки, чтобы сделать историю более похожей на правду.

Известие о чуде, которое передавалось от одной старой сиротнице к другой под видом большого секрета, обеспокоило всемирно в течение нескольких недель, и очень скоро люди, околдованные ведьмами или как-либо иначе пострадавшие, толпами пошли к новому знахарю.

Хотя Лити так жестоко отделался от русалки, он вскоре понял, что та исполнила свое обеща-

ние. Обнаружилось также, что наделен куда большей силой, нежели обычный белый колдун. И он бережно и бескорыстно использовал дары женщины моря.

Девять лет спустя с того дня, как Лити отнес русалку к морю, одной ясной лунной ночью он с другом пошел порыбачить. Хотя погода была тихая, а водная гладь ровная как стекло, около полудни море вокруг лодки неожиданно забурлило, и в пене морских волн они увидели русалку, приближавшуюся к ним. Все ее тело до пояса было над водой, а ее золотистые волосы плавали вокруг нее.

— Мой час пришел, — сказал Лити, увидев русалку.

И, вскочив, как потерявший рассудок, он бросился в море, проплыл немного вместе с ней, а затем они исчезли под водой, и море стало таким же спокойным, как прежде.

Тело Лити так и не нашли, и, несмотря на все предосторожности, один раз в девять лет кто-нибудь из его потомков находит себе могилу в море. Но прежнему семья Лити известна в Коркуолле благодаря особым способностям в исцелении людей, и до сих пор хранится гребень русалки. Некоторые из во что не верящие люди говорят, что это всего лишь кусок акульего плавника, но что нам до тех людей — ведь у них совсем нет ни фантазии, ни чувства красоты...

Джан Ку

динокая ферма Шумный Ручей стоит на склоне высокого холма. Вся долина просматривается из ее окон как на ладони. Когда приходит зима, и сумерки наступают раньше обычного, шум реки Дарт, текущей далеко внизу, звучит как вздох ветра, а иногда даже как человеческий голос. А когда оканчиваются все дневные работы, и свет вокруг тонет в темноте, обитатели одинокого дома собираются вокруг до-

машнего очага. В очаге горит торф, люди забывают о суровой зиме, а за стенами воет зимний ветер.

Пол кухни с низким потолком вымощен большими гранитными плитами. Стены оштукатурены и покрыты побелкой. Балки, поддерживающие потолок, тоже были когда-то побелены, но дым от очага сделал их грязно-желтыми. На полках из деревянных досок, грубо приколоченных поперек балок, лежат несколько огромных ломтей высушенного и темного бекона, и потому есть надежда, что, если дом занесет снегом, то собравшаяся компания не умрет с голоду. На другом конце кухни стоит стол с полками для посуды, заполненными множеством тарелок и блюдец, а также кувшинами и чашками весьма древнего вида. Рядом, в дубовом корнусе, источенном червями, стоят часы, тикающие громко и важно. Длинный сосновый стол, тщательно вымытый, расположился у окна, которое закрыто ставнями и заперто толстым засовом.

На деревянной полке над камином находятся два медных подсвечника и медные пестик со ступкой, все начищенные до блеска; трутьница; две белых китайских собачки, с черными ушами и позолоченными ошейниками и прочая разная срунда.

Скамья стоит под углом к камину, начинаясь от его угла и отделяя место у огня от большей части комнаты. На столе в оловянном подсвечнике с тяжелой подставкой горит свеча, хотя кухня и так ярко освещена пламенем очага, куда только что бросили еще кусок торфа. Над огнем на же-

лезном крюке подвешен котелок. Когда разговор затихает, слышно лишь неторопливое и торжественное тиканье старинных часов и непрерывающееся ценьце сверчка в углу очага, а наверху шум воющего ветра, кружащего в ярости вокруг дома.

На скамье сидят фермер и его старший сын; двое молодых работников примостились на табуретах у угла просторного камнина, поближе к пылающей груди торфа, наслаждаясь долгождан-ным теплом. По другую сторону от огня на низком стуле сидит старый седой дед, а на краю длинного стола, погруженная в вязание, — жена фермера. А еще краснощекая девица гладит пошную из холста одежду.

Шаги снаружи заставили небольшую компанию взглянуть в сторону двери. Дверь открывается и выпускает взволнованного парнишку.

— Внизу, у реки кто-то зовет, — кричит он, — пойдёмте скорее! Я думаю, их жизни в опасности.

Двое фермерских работяг медленно поднялись, нехотя покинули свои табуреты в уютной кухне и пошли вслед за мальчиком к тому месту у реки, где он услышал голос. Но теперь ничего не было слышно, кроме шума воды в ночной темноте.

— Наверное ты ошибся, — произнес один.

— Ничего не слышать, — добавил второй.

— Я уверен, что действительно слышал! И это был крик о помощи, — ответил мальчик.

Они опять прислушались и вдруг действительно услышали зовущий голос, — Джан Ку, Джан Ку!

— Где ты? Что тебе нужно? — прокричал в ответ один парень.

Однако голос замолчал. Был слышен лишь шум бесконечно текущей реки.

“Принеси огня, Джим.” — попросил один из парней, и Джим поспешил через почную темь обратно к дому.

Но даже облазив с фонарями все вокруг, не смогли они найти ни следа.

И на следующую ночь повторилось тоже самое. Когда работа на ферме была закончена, и люди собрались около огня, со двора опять приближал мальчик, рассказывая о голосе на берегу реки.

На этот раз ошибки быть не могло. Ночь была страшно темной, погода разыгралась не на шутку, и со стороны реки доносился жалобный крик.

— Джан Ку, Джан Ку! — разносилось в зимнем ночном воздухе.

— Это эльфы, я ручаюсь, — сказал один из мужчин. — Да, это безусловно эльфы. Хотя я и не могу представить себе эльфов под открытым небом в такую ужасную ночь, как эта.

— Нам лучше всего обождать и не соваться в это дело, — ответил другой.

— Если мы вмешаемся, ничего кроме несчастья это не принесет, — сказал еще кто-то.

И все они возвратились на ферму и решили не обращать внимания на страшный голос, если опять его услышат.

И они уснули. Пришла новая ночь, и как только люди собрались вокруг огня на ужин, странный голос вновь зазвучал через всю долину:

— Джан Ку, Джан Ку!

Зима была на исходе, и обитатели фермы говорили о длинных днях и о первоцвете на тропинках. Вечерело, и мальчик с другом поднимались на холм, возвращаясь на ферму.

Неожиданно в неподвижном воздухе донесся до них со стороны Лангмарш Пит, что по ту сторону реки, знакомый зовущий голос:

— Джан Ку, Джан Ку, Джан Ку!

Мальчик закричал в ответ, а голос все звал и звал:

— Джан Ку!

— На этот раз мы не будем медлить, как тогда, когда нас звали вместе, — сказал его приятель.

— Им нужен я. Я уверен. Пойду и посмотрю, кто это, — произнес мальчик.

И он побежал с холма обратно к реке. Он знал место, где валуны, лежавшие на каменистом дне реки образовывали удобный переход на ту сторону. Его друг видел, как он осторожно шел через бурные воды Дарта. Затем последний солнечный лучик пропал за горизонтом, и его товарищ пропал из виду.

— Джан Ку, Джан Ку! — звенело по всей долине и разносилось эхом до самой двери фермерского дома.

Лишь когда его друг отодвинул щеколду, чтобы войти, голос умолк, и хотя тот некоторое время стоял, прислушиваясь, зов не повторялся.

Он рассказал всем обо всем на кухне.

— Возможно мы узнаем, что же там на самом деле было, когда он вернется, — закончил он свой рассказ.

— Да, эти эльфы мастера на всякие забавныеделки, — сказал фермер.

Но проходил час за часом, а мальчик все не возвращался. Все спустились к реке на его поиски, и долго некали его, но все напрасно.

— Это эльфы, я ручаюсь, — сказал один человек, — они продержат его у себя год и один день.

— Это больше похоже на голос реки, зовущей его, — таинственно произнес другой.

Мальчика больше никогда никто не видел, также как никто, даже в самую темную ночь, не слышал больше странного голоса. И по сей день люди, живущие в тех местах, кому угодно могут поклясться, что это были не крики совы, а зов речных эльфов. Как говорят старики в Девоне,

Река Дарт, о река Дарт!
Каждый год ты требуешь сердце.

Черри из Зеннора

Зенноре, на скалах у самого моря, стоял когда-то дом старого Хани. Маленький был дом, всего в две комнаты, а семья у Хани была большая — полдюжины детей. Жили они небогато, ели картошку с селедкой, да мясной бульон по воскресеньям, и белый хлеб по большим праздникам. Но зато таких здоровых да пригожих детей, как у старого Хани и его жены, ни у кого в округе не было. А уж самой резвой из его ребятшек была, конечно, Черри. Веселая, шустрая, казалось, могла с зайцем панерегонки бегать. И все-то у нее на уме разные шалости да игры.

Но вот Черри выросла и стала красивой девушкой. Очень хотелось ей нарядное шелковое платье, чтобы выглядеть не хуже других девушек в деревне, да только старому Хани негде было взять денег на такую покупку. А мать которой уже год обещала Черришить ей новое красивое платье, но то руки не доходили, то не хватало в семье денег даже на то, чтобы ткань прикупить. Так и обходилась Черри без нарядного платья.

И вот минуло Черри шестнадцать лет, и однажды встретила она свою подружку в новом чудесном платье, с лентами да оборочками; и та принялась рассказывать, как она в этом нарядном платьице ездила в Наклендри, и как там за ней ухаживали все местные молодцы, и какая она была красивая в своем новом наряде. Черри, бедняжка, совсем разволновалась; а как была она с детства избалованная да неутомная, то решила она немедленно устроиться в какой-нибудь дом служанкой — заработать денег да и купить себе новое шелковое платье. Так она дома и сказала. И сколько не отговаривали ее родители, Черри только упрямо мотала головой.

Ну, родителям делать нечего, отпустили ее с благословением, наказали только, чтобы устроилась она где-нибудь неподалеку, и хоть по воскресеньям навещалась домой, в Зеннор. Черри обещала, собрала свои вещи в маленький узелок, и в одно прекрасное утро отправилась в дорогу.

Путь ее лежал на Лудгван и Гульвал. И вот шла Черри, шла, и чем дальше уходила она от родного дома, тем меньше нравилась ей вся эта затея. А когда скрылись за холмами последние печные

трубы ее деревни, и началась понемногу места бесплодные, да незнакомые, стало ей уж совсем грустно. И вот дошла она до перекрестка четырех дорог, что в Лэди Даунз, и села там на большой камень. И заплакала.

Поплакала Черри, поплакала, да и решила, что лучше всего ей воротиться домой. Вытерла она слезы, поднимает глаза и видит: стоит перед ней высокий благородный господин. Удивилась Черри, откуда он взялся: только что на дороге совсем пусто было, да и ничьих шагов она не слыхала.

А благородный господин поздоровался с девушкой и спросил, что это она делает на дороге одна-одинешенька, и почему так горько плачет.

Черри и рассказала ему, что собралась было податься в чужие края служанкой в какой-нибудь приличней дом, да только духу не хватило.

— Да это же прекрасно! — воскликнул господин. — Мне как раз пужна хорошая добрая девушка, чтобы следить за моим маленьким сыном!

И он рассказал Черри, что недавно умерла его молодая жена, и сказал, что с радостью возьмет девушку служанкой в свой дом. И еще наговорил он Черри много всяких приятных слов: мол, и личико у нее нежнее розы, и зубки — что жемчужины... Черри слушала, слушала, да и согласилась.

И молодой господин повел ее какой-то странной дорогой, какую Черри никогда раньше здесь не видела, и по пути был так любезен с ней, что Черри потом, сколько не пыталась, так и не вспомнила, где они шли, и долго ли.

Но вот свернули они в аллею, столь плотно обсаженную деревьями и кустами, что лишь редкий лучик солнца проникал через их кроны. Прохладно и полутемно было в той аллее, и в воздухе висели запахи листвы и цветов. Дорога шла под уклон, и вскоре звонкий ручей с прозрачной, как хрусталь, водой преградил им путь. Черри остановилась, не решаясь ступить в воду, и тут молодой господин подхватил ее и легко перенес на другой берег.

Аллея между тем становилась все темней и темней, и Черри взяла своего господина под руку, чтобы не потеряться. И вот пришли они к высоким воротам, и господин отворил их и сказал:

— Вот мы и пришли, милая Черри. Здесь я живу, и здесь ты будешь жить и работать.

И Черри вошла и глазам своим не поверила. За воротами был чудесный сад, какого она никогда в жизни не видывала. Прекрасные цветущие деревья росли здесь, и цвели самые разные цветы: от огромных алых, и белых, и желтых роз до маленьких, но прелестных незабудок и колокольчиков. Запахами жасмина и жимолости был напоен чудесный бодрящий воздух, и спелые плоды свисали с ветвей деревьев.

В глубине сада был большой дом, и оттуда по дорожке бежал маленький мальчик, крича:

— Папа, папа!

Мальчик был совсем еще мальчик, нескольких лет от роду, но во взгляде его было что-то совсем недетское. Черри даже вздрогнула, когда он взглянул на нее своими сверкающими глазенками, которые, казалось, видели ее насквозь.

Тут вышла из дома уродливая маленькая старуха, и бормоча что-то невнятное, взяла мальчика за руку и увела назад в дом. И, уходя, старая карга презлбно взглянула на девушку. Черри смутилась, и ее новый хозяин поспешил объяснить, что это бабка его покойной жены, и что как только Черри привыкнет к дому и к хозяйству, старуха немедленно уберется восвоему.

И молодой господин повел Черри по саду, показывая ей разные удивительные вещи: чудесные растения, яркие цветы, плоды, которых она никогда раньше не видела. А когда она посмотрелась на прекрасный сад, хозяин провел ее в дом, и Черри удивилась, что, хотя солнечный свет не проникал сюда, но в доме было светлым-светло. Старуха, тем временем, уже накрыла на стол, и они сели ужинать. А потом старуха провела ее в комнату наверх, где стояли две кровати — для нее и для малыша, и сказала, чтобы Черри укладывалась спать и не вздумала вставать посреди ночи и даже открывать глаза. “Чтобы ненароком не увидеть что-нибудь такое, чего видеть тебе не положено”, — добавила она.

А на утро тетушка Прудэнс — так звали старую каргу — объяснила Черри ее обязанности. Она должна была вставать каждый день с рассветом, вести мальчика к источнику, что выбивался из-под скалы в саду, там умывать его и смазывать ему глазки мазью в хрустальной коробочке, спрятанной в расселине. Причем ни в коем случае не должна была Черри пользоваться этой мазью сама. А после того должна она была надолить молока и напоить им мальчика.

И вот Черри сделала все, как было сказано, а после вернулась в дом и спросила у старухи (хозяина дома не было), что еще ей надо сделать. И старуха долго-долго говорила ей о том, что она должна не совать свой нос, куда не просят, не трогать закрытых дверей и не ходить на другую половину дома, и при этом все время злобно поглядывала на нее из-под косматых бровей. А потом велела Черри перемыть всю посуду в дому, потом векниятигть, и сбить масло.

А на следующий день, когда Черри умыла мальчика, смазала его глазки мазью и напоила парным молоком, хозяин позвал ее в сад, чтобы помочь ему собирать съедобные плоды и пропалывать грядки. Черри страшно рада была уйти из дома, где сердитая тетушка Прудэнс не давала ей покоя своими злобыми взглядами; а здесь, в саду, они с хозяином чудесно поработали вдвоем, и довольный хозяин изредка даже награждал ее поцелуем.

Так и пошла жизнь Черри в этом странном доме, и все ей нравилось: и хозяин, и работа, только старуха была уж слишком страшная. Прошло уже несколько дней, и вот однажды тетушка велела Черри идти вслед за ней. Через длинный темный переход прошли они на ту половину дома, где Черри еще ни разу не бывала. И вот старуха открыла какую-то дверь, и они вошли в комнату, где пол был словно хрустальный, и везде — на полу, на полках, на лавках — сидели и стояли человечки, очень искусно выточенные из камня. Были они и большие, и маленькие; кто с отломанными руками или ногами, а кто — целый.

Тут Черри стало по-настоящему страшно.

— Ой, нет, ни за что дальше не пойду! — сказала она старухе. Черри поняла, что попала к волшебникам, по чьей милости все эти люди и окаменели. Она слышала о чем-то таком в Зелено-ре, и решила, что все эти заколдованные люди в любой момент могут ожить и съесть ее.

Тогда старуха Прудэнс засмеялась и велела Черри натереть до блеска коробочку, стоявшую на шести ножках и похожую на маленький гроб.

— Три, — сказала старуха, — пока не увидишь в коробочке свое лицо.

И Черри принялась натирать эту коробочку тряпкой, а старуха сидит рядом, посмеивается, да приговаривает, мол, сильнее три, да быстрее.

И вот Черри как-то особенно сильно потеряла уголок коробочки, и та вдруг издала такой страшный неземной звук, что Черри ее чуть-чуть не выронила. И тут Черри со страху упала в обморок.

Что было дальше, Черри не помнила. Когда она открыла глаза, то увидела склонившегося над нею хозяина. И он рассказал ей, что, услышав шум, он пришел в запертую комнату узнать, в чем дело. Разобравшись, что к чему, он странно разгневался на тетюшку Прудэнс, и прогнал ее из дома, а Черри перенес в кухню и там привел ее в чувство.

С тех пор все стало совсем хорошо. Старуха больше не допирала Черри, работа была нетяжелая, а хозяин — заботлив и ласков. Год промелькнул так быстро, что Черри его и не заметила.

Но одно постоянно беспокоило Черри. Ей очень хотелось побольше узнать об этом странном доме. Она заметила, что глаза мальчика начинают странно блестеть, когда она смазывает их мазью из хрустальной коробочки, и решила, что именно от этой мази у мальчика такой пронзительный и недетский взгляд. И еще ей постоянно казалось, что малыш видит — и в саду, и в доме — что-то такое, чего она, Черри, даже и не замечает. И так ей хотелось испробовать эту таинственную мазь на себе, что она терпела, сколько могла, а потом махнула на все рукой и решила попробовать.

И вот однажды, когда хозяйни не было дома, отослала Черри мальчика в сад нарвать цветов, а сама пришла к источнику и вытанила из расселины хрустальную баночку, взяла чуточку мази на палец, и положила в глаз.

Глаз сразу странно защемило, и Черри нагнулась к воде, чтобы промыть его. И вдруг она увидела, что на дне под водой резвятся множество маленьких человечков: и джентльменов, и дам, и — представьте себе! — ее молодой хозяйни резвились вместе с ними — такой же крошечный, как и остальные!

Весь тот день хозяйни развлекался под водой, не подозревая, что Черри его видела, а под вечер прискакал домой на коне — такой же высокий и статный, как обычно. Он прошел в заколдованную комнату, и вскоре до слуха Черри донеслась оттуда чудесная музыка. И Черри не вытерпела: подкралась к закрытой двери и заглянула в замочную скважину. И оказалось, что комната

полна прекрасных дам и молодых людей, и все они веселятся, а ее господин поет с какой-то дамочкой, очень похожей на королеву.

А на следующий день хозяин остался дома, и когда Черри закончила свою утреннюю работу, позвал ее помочь ему собирать фрукты. И Черри стала помогать ему, ничего не говоря о том, что она видела вчера, но когда хозяин по своему обыкновению хотел ее поцеловать, Черри ударила его по лицу и сказала, чтобы он целовал своих маленьких человечков в пруду и прекрасных дам в заколдованной комнате.

И так хозяин узнал, что Черри пользовалась волшебной мазью.

Он сразу стал очень грустным, и сказал, что теперь Черри не сможет больше оставаться в его доме, и что придется снова вызывать злобную тетюшку Прудне, чтобы ухаживать за мальчиком. Тогда Черри заплакала и стала просить у него прощения; она обещала никогда больше не пользоваться волшебной мазью и не подглядывать в закрытые двери, и умоляла его оставить ее в доме. Но хозяин только грустно качал головой.

И вот на следующий день до рассвета хозяин позвал Черри. Много разных прекрасных платьев и разных других вещей дал он ей в награду за службу, потом взял ее узелок в руки и повел ее к выходу из чудесного сада.

И они снова оказались на узкой темной аллее, и долго шли по ней, все в гору и в гору. И снова, как в прошлый раз, Черри не запомнила дорогу, и опомнилась только тогда, когда они вышли на ровное место — на тот перекресток в Лэди Да-

уиз, где год назад они встретились. И тут хозяин поцеловал Черри на прощание, и сказал, что, возможно, когда-нибудь они снова встретятся. И с этими словами он исчез.

И вот взошло солнце, а Черри все сидела и плакала на большом камне на перекрестке четырех дорог посреди мрачного болота. Потом она встала и пошла домой.

Родители, считавшие Черри умершей, сначала сочли ее привидением, а потом обрадовались возвращению дочери. Когда она рассказала о своих приключениях, сначала никто не поверил ей, но Черри повторяла историю снова и снова, и твердила, что все это истинная правда, и, наконец, ей поверили.

В Зешноре говорят, что с тех пор, когда наступало полнолуние, и ночи становились светлыми от серебряного сияния луны, Черри становилась немощко не в себе, и надолго уходила к болотному перекрестку в надежде встретить там своего хозяина. Но больше она его никогда не видела.

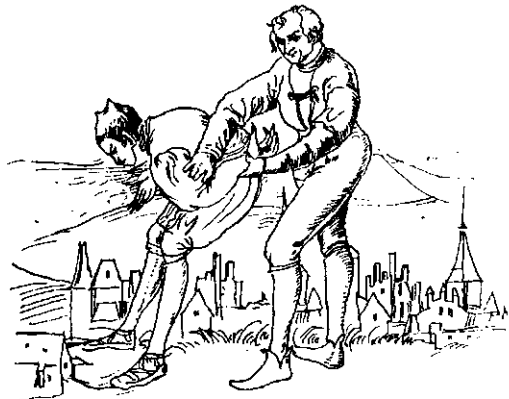
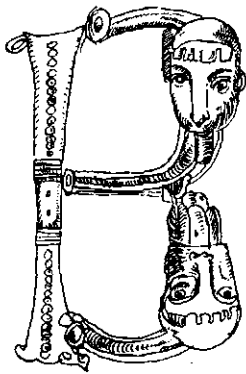

СТРАНА ВЕЛИКАНОВ

Скилливидден

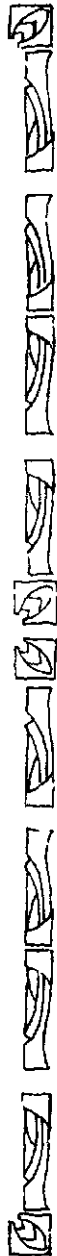
близки Сомерсета, слышно, великаны никогда не водились, зато жил один рядом с Дунстером. Он пришел из Корнуолла, минуя Девон, где ему не захотелось оставаться, так как жившие там его кузены, были малость грубоваты. Он дошел до Экмура* — прекрасного, мирного и уютного местечка. Поначалу тамошним людям не по душе при-

шлаась его величина, а проще говоря, они чуток перепугались. Правда, потом они увидели, что никто не крадет овец, стада продолжают расти, а великан не раздавил ни одной скотинки; тогда он им вполне понравился. А крестьянские жены даже стали собираться и заводить разговоры о том, что же ест этот большой бедняга.

Я думаю, они уже совсем было собрались пойти и состряпать ему обед, когда из Яригтона дошел слух, что Скилливидден очень любит рыбу. И он действительно ходил вброд по проливу, прямо в открытое море, и все рыбачьи лодки следовали за ним. Они выходили из Манхедской гавани и великан шел все дальше и дальше, покуда вода не поднималась ему до подмышек. Он зачерпывал огромные косяки рыбы, и поверьте, это было чудесное время для всех рыбаков.

А однажды старший Элайдж Вороний Гребень и его команда умудрились попасть на своей "Доркас Джейн" в шторм. Да, "Доркас Джейн" была старой дырявой посудиною, а поскольку ее загрузили доверху, она беспомощно барахталась в захлестывающих ее штормовых волнах. Все суда спешили ей на помощь, хотя казалось, что "Доркас Джейн" уже ничто не спасет и она вот-вот пойдет ко дну. Вдруг из бури, ветра и тумана появился старший великан Скилливидден. Он взял эту посудину и, не успевшая команда поблагодарить его, осторожно опустил ее в Вотчеттской гавани. Затем развернулся и ушел назад в Дунстер.

Да, люди Дунстера были настолько рады чудесному спасению рыбаков, что даже ждали Скилливиддена, чтобы поприветствовать, когда тот

будет возвращаться назад с моря. А великан пошел вдоль реки, а потом уселся на холме, так, что его ноги оказались по обе стороны от замка и стал смывать грязь со своих ног. Затем он забрался на вершину холма, а люди выглядывали из своих окон и радостно махали ему руками, а он махал им в ответ. Это продолжалось целую неделю. Целую неделю была лишь стирка и сушка!

Старому великану Скилливиддену очень нравилось в Эксмуре, но черт, живший в лесу неподалеку, решил его прогнать. Черт терпеть не мог крытых соломой церквей, которые всюду попадались ему на пути, и когда он узнал, что жители Аукриджа задумали построить церковь высотой в восемьсот футов, а великан помогает им, ему это здорово не понравилось, и он решил как-нибудь навредить доброму великану. И однажды, когда Скилливидден проходил с грузом огромных камней для церкви, черт устроил так, что великан споткнулся и все камни рассыпались.

Однако, великан не рассердился, как хотел того черт, и не стал со злости крушить все подряд. Нет, он лишь терпеливо нагнулся и собрал все камни, один за другим, и принес их в Аукридж к церкви. Затем он подобрал один огромный разбитый валун и забросил его в дремучий лес, где сидел в это время, посмеиваясь, старый черт. Пришлось тому волей-неволей срочно оттуда убираться.

А великан собрал те камни, что не подошли для постройки церкви, и положил их поперек реки. Так образовались большие каменистые насыпи, известные всем в округе.

После всего, что произошло, старый Скилливидден решил, что в стране вереска слишком мало места сразу для него и для черта, да и сам черт пришел к такому же выводу. Понимаете, великан очень любил те самые маленькие церквушки, которые черт так ненавидел, и конечно же, ему никуда не хотелось уходить. И потому встретилась Скилливидден с чертом на Порлокской дороге и решил устроить состязание. Договорились они, что каждый бросит большой камень из Боссингтон Бекон в сторону Порлок Коммона, что был в четырех милях, а кто проиграет, тот должен будет убраться из этих мест подобру-поздорову.

Черт первым бросил свой камень, и тот пролетел четыре мили и упал прямо в Порлок Коммон. Пришел черед великана: не успел черт вымолвить и словечка, как великан схватил свой камень и зашвырнул его прямо к Баттлгорэ, что в шести милях оттуда.

Старый бес аж заплясал от злости, увидев, что великан выиграл.

— *Гиарэ вэаг ыв гиарэ тэаг*, — сказал тогда Скилливидден. — Честная игра — хорошая игра. Ты обещал убраться отсюда и никогда не возвращаться назад. Но так как никто тебе не доверяет, я должен сам проследить, чтобы именно так все и было.

И он схватил черта за хвост, и пошел вброд по устью Северна прямо в море, и шел до тех пор, пока вода не дошла ему до подмышек. Тогда он три раза хорошенько крутанул черта над своей головой и бросил.

Да, черт, надо думать, приземлился где-нибудь в районе Западной Индии; в любом случае ему пришлось хорошенько потрудиться, чтобы приплыть обратно.

Он конечно же вернулся, но и носа не показывал в Сомерсете, потому что был неподалеку старый добрый великан Смаггивиден.

Корнуольские шуты мертвы, один к одному;
Фей и эльфы ушли из своих излюбленных мест;
По всей земле не сыщешь приличную ведьму;
И все в мире стало таким изученным и огромным...

О том, как молодой великан Том бился со старым Блондербоссом, и как он получил в наследство его замок

реди диких и бесплодных гор, заканчивающихся высоким и неприступным мысом Ландсэндом на юго-западе Корнуоллса, поселился в незапамятные времена свирепый и безобразный великан Блондербосс. Великан этот умудрялся портить жизнь решительно всем окрестным поселянам. Мало народилось еще тогда народу на свете, а земель свободных — сколько угодно: выбирай себе любую! Ну так вот великан и умудрялся всегда так выбрать

себе участок, чтобы стать с ним поперек дороги всем и каждому. Захватит бывало участок, да и приметя сейчас же обнести его высокою каменною изгородью, да такую, что разрушить ее уже не было никакой возможности. Сколько веков ни трудился над этим люди и время, а многие из этих изгородей стоят еще и поныне. Правда, верхние ряды камней кое-где пообсыпались да пообваливались, но зато громадные гранитные глыбы, послужившие ему фундаментом для этих построек, кажется, так и простоят тут до конца мира. Так захватил он и покрыл сетью своих изгородей огромное пространство земли вплоть до самого моря. Особенно сильно досаждала окрестным жителям изгородь, построенная им как раз поперек большой дороги, ведущей из городка Маркет-Джуну в Сент-Ивес: благодаря ей приходилось делать большой объезд, что удлиняло путь по крайней мере часа на два. Остатки этой стены стоят и поныне, и зовут ее теперь "Стеною Великана".*

Ни с кем из окрестных жителей великан этот, разумеется, не знался: у него была своя компания — такие же огромные и страшные великаны, поселившиеся на окрестных горах. Все они давно уже исчезли, но каждый из них оставил тут по себе какую-нибудь память: кто стены своего замка, построенные из огромнейших пластов известняка, кто остаток башни в виде отвесной гранитной скалы, кто каменную лозьку, кто бездонный колодезь, а кто и просто каменную стрелу или огромный гранитный шар, которым игрывал он с товарищами в кегли. Да, впрочем, по

правде сказать, никто и не напрашивался на знакомство с Блондербоссом: обыкновенные люди порядком-таки боялись его и всегда старались избегать встречи с ним.

Так много, много лет жил Блондербосс за своими изгородями, питаясь мясом диких коз и оленей, водившихся в изобилии на его землях. Убивал он их стрелами, спуская их из громаднейшего и тяжелейшего лука, сек их туши просто на огне и пожирал их, не закусывая даже хлебом: великан только и умел, что возводить свои каменные постройки, — ни земледелия, ни даже скотоводства он не знал совсем.

Говорят, что в стародавнее время и вообще-то все люди были гораздо выше нынешних, но бывало и так, что уродиться вдруг человек, головою больше всех остальных людей, и оказывался он тогда мало чем поменьше любого великана.

Один из таких-то молодых великанов, которого звали просто-напросто Томом, жил где-то к западу от Гайля, вероятно, в Меланге. Том обыкновенно ел за троих, а работал, когда бывал в духе, по крайней мере за шестерых. Но, вообще говоря, Том был изрядный лентяй, и по большей части разгуливал себе по деревне, засунув руки в карманы, и ничего не делал. Но нападет на него, бывало, рабочий стих — и идет Том помогать соседям: складывают они каменную ограду вокруг своего поля, а Том таскает им для фундамента громаднейшие каменные глыбы. Одна только эта работа и пришлась Тому по душе. "Тут-то только и чувствуешь свою силу", — говаривал он при этом случае, "а остальное все дрянь, — не стоит и руки марать!"

Старуха, мать Тома, то и дело уговаривала своего ленивого сына приняться за какое-нибудь дело, чтобы заработать себе на хлеб, но Том долго ничего не мог найти себе по вкусу. Наконец нанялся он возить тележку пивовара, надеясь, что и на его долю будет доставаться вдоволь крепкого пива, и поселился в Маркет-Джну, где была пивоварня.

В первый же день, как поступил он на службу, пивовар послал его с пивом в Сент-Ивеса. Шел он себе по дороге, понукая быков, запряженных в телегу, и вдруг увидал на дороге с десяток людей, выбивавшихся из сил, чтобы поднять на свою телегу срубленное ими дерево, — но дерево было так тяжело, что это им никак не удавалось.

— Стой! — гаркнул на них Том во весь голос. Не останавливая быков, продолжавших идти вперед своим обычным мерным шагом, обхватил он дерево руками и, не охнув, положил его на телегу — и продолжал себе свой путь, как ни в чем не бывало.

Но вот, немножко подалее, преграждая ему дорогу, стал у него на пути двор великана Блондербосса. Двор этот был обнесен высокою оградой, построенной из таких громадных камней, что даже в те времена не могли бы пошевелить ни одного из них даже десять человек. Была то “Стена Великана”, та самая, что стоит тут и до сих пор. Не будь этой стены, не приходилось бы людям делать крюку, и дорога пролегла бы прямо, как стрела, до самого Сент-Ивеса. В те времена в этой стене было двое ворот: одни со стороны Маркет-Джну, другие — со стороны Сент-

Ивеса. Но ворота всегда были заперты, и никто из окрестных жителей ни разу не отважился проникнуть во владения великана.

Подъехал Том к стене, поглядел на запертые ворота, подумал было проехать прямо насквозь, но на этот раз, так и быть, поехал обычною дорогою: был он еще тут человек новый и не захотел на первых порах связываться с великаном. Однако на обратном пути, приободрившись несколькими кружками выпитого им пива, принялся он так рассуждать сам с собою:

— Не пристало большой королевской дороге извиваться так, словно змея. Надо бы мне проехать прямо насквозь! Разве в праве великан так ограживать свой участок, что честный человек, торнясь с работы домой к ужину, запаздывает в пути по крайней мере часа на два? Если бы все думали так, как я, то дорога эта давно была бы расчищена. Честное слово, проеду-ка я насквозь! Не съест же он меня живого! По крайней мере, старуха, мать моя, никогда не предрекала мне такой смерти... Говорят, у этого великана перебывало с целый десяток жеп. Никто не умест сказать, что со всеми ними случилось, а между тем, охотниц выйти за него замуж и до сих пор находится немало. Ну, да это не мое дело! Знаю только, что никогда не встречал я еще человека, который заставил бы меня показать ему спину. Ну, ну! милый, славный! Вперед! — крикнул наконец Том, распахивая ворота.

Проникнув за ограду, Том ехал себе вперед, не замечая никаких признаков присутствия великана, кроме разного скота, пасшегося на лугах.

Проехав так с милно, Том очутился опять перед высокой стеной, а за нею виднелся и самый замок великана. Том опять остановился перед двустворчатыми воротами; объехать кругом не было возможности, потому что по обе стороны ворот были глубокие пруды, полные водою. Делать нечего, подошел Том к воротам и отворил их. Ворота заскрипели на своих заржавленных петлях, и колеса телеги загремели по мостовой. Залаяла какая-то дворняжка, и из замка выбежал великан — громадный, толстый, безобразный!

— Эй, ты! Молокосос! — заревел великан. — Как смеешь ты ездить по моей земле и мешать мне спать после обеда? Какое у тебя тут дело?

— Я еду прямою дорогою, — отвечал Том, — и тебе, да и любому человеку почище тебя, не заставить меня вернуться назад! Ты не имеешь никакого права строить свои изгороди поперек того, что прежде было, да и впредь будет большою королевскою дорогою.

— Я и не подумаю терять время на разговоры с таким забиякой, — сказал великан, — а сорву вот прут, да и заставлю тебя отъехать отсюда еще проворнее, чем въехал!

— Ладно! — отвечал Том. — Побереги дух-то похлебку остудить. Но уж если ты затеешь со мною игру, то, пожалуй, поиграю с тобой и я не хуже тебя!

Великан вырвал с корнем молоденький вяз, футов в двадцать ростом, он принялся обрывать с него ветви, а сам пошел на пригорок, как бы нехотя да позевывая, словно не успел еще проснуться.

Видя это, Том ловко, даже не потревожив быков, опрокинул свою телегу, снял колесо и вытащил ось.

— Ну, теперь давай биться! — сказал Том подходившему к нему великану и крепко-накрепко насаживая колесо на ось. — Если ты меня побьешь, — я вернусь назад. Ну, выходи же! Ось послужит мне мечем, а колесо — щитом, и они не уступят твоему вязу!

Тут Том принялся насвистывать, как ни в чем не бывало.

Великан, между тем, обогнул пригорок, тихонько взобрался на него и, не подав даже голоса, так ринулся на Тома, словно хотел с одного маху рассечь его пополам. Том поднял только насаженное на ось колесо, чтобы укрыться им от удара. Между тем, великан, слушая хладнокровное насвистывание Тома, пришел в такую ярость, что не успел укрепиться на ногах, промахнулся и, не попав Тому по голове, ударил по краю колеса, поскользнулся на глинистой почве и упал прямо носом в землю. Тут Тому ничего не стоило бы пронзить великана своей осью и разом пригвоздить его к земле, — да нет, видно, был он не таковский! — Том готов был скорее умереть, чем воспользоваться оплошностью противника вместо того, чтобы биться с ним грудь с грудью в открытом, честном бою, а потому он только слегка пощекотал великана осью под ребрами.

— Ну, ну! вставай! — сказал Том, — давай биться снова!

Великан поднялся, с трудом и медленно, точно он едва был в силах держаться на ногах и, со-

гнувшись в три погибели, побред, опираясь на свое дерево. Но, негодный трус, он делал это лишь для отвода глаз, чтобы выиграть время и снова изобравшись на пригорок, опять сверху напасть на Тома врасплох. Но Том не так-то был прост! Он стал, опустив наземь колесо, служившее ему щитом, а правой рукой держался за свободный заостренный конец оси. Великан с быстрого молни выпрявился и замахнулся своим деревом, но Том изловчился и нанес ему такое увеселый удар сбоку по бедру, что великан опять поскользнулся и повалился шником, а Том при этом так подставил ему свою ось, что она пронзила его, как пика.

И заревел же великан, Господи Боже!

— погоди вопить-то! — сказал Том. — Постой хоть минуту спокойно! Давай вытанцим сперва ось из твоего тела, и я, так и быть, позволю тебе попытать счастья еще раз, хотя, по правде сказать, ты этого вовсе не заслуживаешь, потому что игру ведешь нечестую.

Том перевернул великана на спину, ухватился за колесо и вытанцил ось. Кровь так и хлынула из раны и чуть не залила ему глаз. Блондербосс покатился наземь, как пустой мешок, и все время страшно ревел от боли.

— Перестань же вопить! — опять сказал Том. — Да зажми пока руками дыру от оси, чтобы удержать кровь, а я тем временем вырежу кусок дерна, чтобы заткнуть твою рану: тогда ты живо справишься.

В то время как Том затыкал рану дерном, великан, не переставая стонать, сказал:

— Полно, все это ни к чему не ведет, и мне приходится умирать. Я чувствую, что земля уходит из-под меня. Но в последний мой час хочу я сделать доброе дело: ты прищелся мне больше всех по душе, с кем я до сих пор ни встречался, и это за твою честность и храбрость. Вся земля, начиная отсюда и вплоть до самого моря, принадлежит мне. Здесь столько голов всякого скота — быков, коров, овец, коз и оленей, что тебе их и не перечесать! Возьми все это себе, только похороши меня, как следует.

— Полно, не падай духом, — ободрял его Том, — еще поправишься!

Тут попытался он было поднять великана, но затычка выпала из раны, и все было кончено.

Том приладил на место ось и колесо, перевернул телегу, и поехал домой в Маркет-Джину. Удивился пивовар, видя, как рано вернулся домой Том, и предложил ему хорошее жалование, лишь бы он согласился остаться у него на весь год.

— Не приходится мне служить у тебя, — отвечал ему Том. — Мой старый дедушка, тот, что жил там наверху, в горах, умер. Я ближайший его родственник. Он же жил совсем один и оставил мне все свои земли, и я должен сегодня же идти хоронить его.

Огорчился пивовар и хотел было заплатить ему хоть за этот день.

— Не стоит об этом и толковать, — сказал ему Том. — Пусть эти деньги останутся тебе в уплату за пиво, которое я выпью сегодня за ужином.

После ужина Том отправился в замок великана и завладел всеми его землями, и никто не узнал

об этом, кроме одной молоденькой девушки, работницы великана. Звали ее Джэн и была она сиротка, родом из одного местечка неподалеку от замка. Что это было за местечко, наверное сказать не могу, — всяк зовет его по-своему.

Девушка эта, выйдя на замковый двор, нашла там посреди лужи крови огромный безобразный труп великана и, догадавшись, в чем дело, встретила победителя с радостью. Она была такое хорошенькое, маленькое, мильное существо, что Тому она очень понравилась и он предложил ей остаться здесь и выйти за него замуж. Они похоронили великана в долине и навалили на него глыбу гранита, чтобы не мог он встать из могилы и пугать добрых людей.

Вскоре Джэн стала женою Тома, и они водворились окончательно на месте великана и зажили здесь полными хозяевами и господами.

Великан Том, его жена Джэн и Джэк котельник

ом с женою, поселившись в замке великана, тщательно следили за тем, чтобы никто не вздумал проложить дорогу через их владения. Том, казалось, совсем позабыл свои старые рассуждения на этот счет: он еще выше надстроил каменную ограду, сделал ворота еще крепче и, завладев до последней пяди землею до самого моря, обнес ее такою же стеной. Жена Тома, Джэн, больше всего на свете любила чистоту и порядок: двор замка всегда, казалось,

был только что выметен и посыпан свежим песком, а посуда ее блестела, как серебро. Она никогда не ссорилась с Томом, — разве только, когда он возвращался домой с постройки стен, весь в грязи и глине; но зато тут, в пылу гнева, она грозила ему, что сейчас же бросит его и вернется домой к матери. Джэн всегда славилась своим маслом и сыром, а Том, посмотревшись на людей, не мог уже довольствоваться полудиким скотом великана, а вывел новую отличнейшую породу коров и овец. Итак, Том жил да поживал со своею женой не только вполне благополучно, но даже припеваючи. Была у них куча детей — все такие здоровые ребята, что для каждого из них, чуть не с первых же недель их жизни, приходилось отделять по две, а то и по три самых молочных коровы.

Том и Джэн думали уже, что они совсем и навсегда отгородились в своем уголке и что никому не удастся перелезть через их стены или пробраться в их ворота. Но скоро они убедились, что сильно заблуждались.

Раз утром Том работал на своей земле недалеко от ворот со стороны Маркет-Джиу, и вдруг услышал сильный стук в ворота. Подбежав поближе, увидел он человека, изо всех сил работавшего молотом, под ударами которого засов, запиравший ворота, живо отлетел в сторону; затем человек этот, котельник, вошел во двор, неся за спиной мешок с инструментом.

— Эй ты! Куда это ты идешь? — окликнул его Том.

— Иду я, чтобы повидать великана, который, как говорят, живет здесь, наверху, и не пропускает ни прохожих ни проезжих там, где должна бы пролегать большая королевская дорога, — отвечал котельник.

— Ну, ну! сворачивай! — крикнул на него Том.

— Ну, надо быть посильнее меня, чтобы помешать мне идти, куда я хочу, — сказал котельник, — Ты, вижу я, славный мальиш и, сдастся мне, старший сынок великана? — продолжал он, — Э! да ты строишь тут стену! Вот на это-то и жалуется весь окрестный люд, что вы строите здесь свои ограды повсюду, ни о ком не думая и зная ничего не зная.

— Ладно, — сказал Том, — раз я, по твоему, сынок великана, так, значит, могу я за него и заступиться. Так давай же биться! Для меня, по правде сказать, нет лучше забавы, как померяться силами со стоящим человеком. Ну, так выходи же, и давай биться, как хочешь: на кулачках, на палках — как угодно.

— Хорошо, — отвечал котельник, — я буду биться своею терновою палкою, а ты выбирай себе палку из любого дерева.

— Ну, я возьму вот этот обрубок вяза; не думаю, чтобы он был для меня слишком тяжел, — сказал Том, поднимая сбитый засов.

— Не беда, если он и окажется потяжелее моей палки. Начинай!

Котельник взял свою палку за середину и принялся так быстро вертеть ею над головой Тома, что у того замелькала в глазах, и скоро он только и видел, что какое-то колесо, со свистом кружив-

шеся вокруг его ушей; скоро нос Тома был разбит в кровь, а под глазами появились синяки. Котельник же и не чувствовал ударов, наносимых ему Томом, потому что на нем была такая шуба, какой еще никогда не видывали в тех местах. Она была сделана из шкуры черного длинношерстного быка; передние ноги служили руками, а шея и голова — капюшоном. Вся она, казалось, была тверда, как железо. И под каждым ударом Тома гремела так, словно доносились откуда-то раскаты грома.

Долго бились они; Том уже порядком проголодался и наконец убедился, что ему с котельником не совладать.

— Ты, кажется, черт, а не человек, — сказал Том. — Покажи-ка нам лучше, каково-то ты ешь, прежде, чем соберешься еще раз повывунуть мне крови.

Котельник показал тогда Тому свои ноги, чтобы убедить его, что у него нет раздвоенных копыт, и объяснил ему, что в таком бою победа всегда зависит скорее от ловкости, чем от силы, и что маленький и умелый человек непременно победит неумелого, хотя бы и великана. Тут котельник взял из рук Тома неуклюжий засов, дал ему в руки свою легкую, но крепкую терновую палку и стал обучать его всем приемам. Оба они так глубоко погрузились в это приятное занятие, что Джэп успела приготовить обед и уже три раза кликала своего мужа и только удивлялась, что бы могло задерживать Тома, так как он всегда бежал обедать по первому зову. Наконец, потеряв терпение, она пошла его искать, и как же она

была удивлена, или, пожалуй, даже обрадована, видя, что с ним какой-то другой человек, чего не случалось уже многие и многие годы. Том и котельник успели уже почти совсем подружиться, когда подошла к ним Джэп и позвала их обедать, извинившись перед гостем, что у нее не приготовлено ничего особенного, чтобы получше угостить его, — ничего, кроме обычного мяса и гороха.

— Но уж зато за ужином угощение будет на славу, даже, если бы для этого пришлось мне самой идти в горы за ягненком или козленком. — добавила она.

Тогда мужчины усадились за стол, трещавший под тяжестью громадного куска вареного мяса и горохового пудинга, и живо принялись за дело. За обедом Том съел и выпил по крайней мере втрое больше котельника. Котельник же ел хорошо и с удовольствием, но без жадности; что же касается до питья, то в те времена, когда шиво пились чуть не бочонками, он, конечно, не рисковал прослыть за пьяницу. У Тома была привычка после каждой еды заснуть часика на два или на три, а потому после обеда он прислонился к стене, и громкий храп его загудел по всему дому, как буря. Котельник же был далеко не соня: он велел Джэп принести ему все ее испортившиеся котлы и кастрюли и, усевшись посреди кучи поломанной посуды, принялся за дело. Чем громче храпел Том, тем усерднее стучал своим молотом Джэк-котельник, и прежде, чем Том проснулся, он привел в порядок всю кухонную посуду Джэп.

Проснувшись, Том почувствовал себя не совсем хорошо, а потому попросил Джэка отложить состязание до утра, а пока повел его на самую высокую башню своего замка, чтобы показать ему оттуда свои земли и свой скот. Земли его простирались на мили и мили, всюду, куда только хватало глаз, через холмы и долины — на север, восток и запад; одна только южная сторона не принадлежала ему. В башне нашли они длинный, тугой лук. Том сказал, что один только старый великан мог натягивать этот лук; сам же Том пытался несколько раз, но у него не хватало силы, и это сильно его огорчало. Котельник взял в руки лук и, казалось, наложил только палец, и тетива натянулась, словно сама собой. Потом он спустил стрелу и подстрелил зайца на таком расстоянии, что его едва можно было разглядеть среди вереска и терновника.

Том только диву дался! Джэк показал ему, как натягивать тетиву, для чего, по его словам, тоже нужно больше умения и сноровки, чем силы; снова спустил он стрелу, и на этот раз подстрелил козленка, перепрыгнувшего с камня на камень на дальних утесах. Они подобрали и зайца и козленка, а Джэн зажарила их им на ужин.

Так дружба между Томом, его женой и котельником все росла и, наконец, по их просьбе, он рассказал им свою историю, и она показалась им так интересна, что, слушая ее, они просидели всю ночь, не смыкая глаз.

— Родился я и вырос в далекой-далекой стране, — рассказывал им котельник, — отсюда до нее будет дней двадцать, а то и больше, пути. Лежит она к северу и востоку от вашей земли и отделена

от нее широкою рекою. Идя к вам, пришлось мне переправляться через эту реку. За рекою остается еще неделя пути по стране, усеянной холмами и утесами и большую часть года покрытою снегом.* В стране той живет много великанов; они добывают из горных недр олово и другие сокровища. Немало времени я прожил с этими великанами, немало и поработал я с ними, и они всегда обращались со мною очень хорошо. Все рассказывал об их жестокости и злобе больше, чем на половину, — ложь, сочиненная трусливыми дураками, не имеющими смелости подойти к ним поближе.

И много столь же чудесного и необычного порассказал им котельник. Между прочим, рассказывал он им, сколько перебил на своем пути диких зверей и змей, живших в лесах, а когда приходилось ему переправляться через реки, он снимал свою бычью шкуру, связывал веревкой ее концы, потом растягивал ее на деревянных распорках, спускал ее на воду и, сидя в ней, как в челноке, переправлялся на другую сторону...

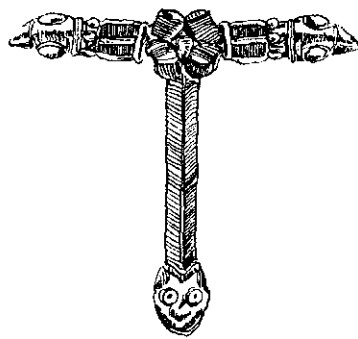
Длинная была это история, и, рассказывая ее, Джэк с удовольствием закусывал свежим ячменным хлебом с маслом и запивал его молоком.

— Покойной ночи, Том, — сказал он наконец. — Так видишь ли? Всю жизнь свою прожил ты, как какой-нибудь важный лорд, на своей земле, и ничего-то ты не знаешь. А я никогда не знал ни отца своего, ни матери, и часто не было у меня ни крова, ни пристанища, — но, пожалуй, оно для меня и лучше: будь у меня свой дом, я, вероятно, не знал бы и тысячной доли того, что я узнал и увидел, странствуя по белу свету.

Так и остался Джэк-котельник навсегда в доме Тома. Он сразу так пришелся по душе хозяевам, что сначала они упросили его погостить у них хоть немного, а потом все они так свыклись друг с другом, что никто из них уже не мог и подумать о разлуке. Джэк, как человек бывалый, оказался очень нужен Тому: он не только научил его правильно обрабатывать свои земли, — до сих пор Том собирал одни только дикие травы; он же объяснил Тому, что нехорошо человеку жить одному, чуждаясь людей, как какой-нибудь дикий зверь, и у Тома скоро нашлись в соседних селениях и родня, и знакомые, — все больше рудокопы, народ веселый, охотники в досужее время и поболтать и посмеяться, и Джэк развел для Тома сад, первый во всем Корнуолле, и Том выращивал в нем для своих друзей самые лучшие фрукты и овощи. Он же научил Тома приготавливать солод и варить пиво — до той поры они довольствовались просто ячменным суслом. Джэк брал с собою детей Тома и собирал с ним горькие травы для Джэн, советуя ей класть их в пиво. И с той поры пиво ее повеюду вошло в большую славу, и ей, бывало, просто не папастись его для своей родни в Сент-Ивесе.

Так, с приходом Джэка вся жизнь Тома и его семьи совершенно изменилась, и они не могли даже понять, как могли прежде существовать, ничего не зная, и ни в чем не смысля толку. Однако скоро случилось событие, которое еще более изменило судьбу Тома и сделало его одним из самых значительных и влиятельных людей во всем околотке.

О том, как Том и Джэк нашли олово, и о кладе, замурованном в стенах замка

ом и Джэк, при всей своей большой дружбе, любил однако же иногда поспорить о том, кто из них ловчее, и померяться силами. Раз после обеда, пока Джэн убирала посуду, вышли они во двор и собрались поиграть в шары. Для этой игры великаны в те времена употребляли большие каменные шары, которые и до сих пор попадаются иногда на каменистых площадках в горах. Правда, нынче говорят иногда, что никаких великанов никогда не бывало, и что шарами никто никогда не игрывал, кроме воды, которая ко-

гда-то в незапамятные времена до того катала и крутила обломки гранита, что выточила их, словно токарь, и при этом выровняла и площадки или же пробуравила в них глубокие ямы. Но местные жители не верят этому: слышали они от своих дедов и прадедов, что ямы эти не что иное, как котлы, в которых великаны, сойдясь на праздник, варили себе пиво, — а шары служили им для игры в кегли. Ну, так вот, и Том с Джэком принялись за шары. Игра их состояла в том, чтобы забросить шар как можно дальше. Принимаясь за эту игру, Том всегда жалел, что замок его обнесен таким высоким зеленым валом: не будь этого вала, шары его могли бы залетать гораздо дальше, а тут вал стеснял двор, и Тому негде было показать свою силу. Принявшись за игру, Том по третьему разу так швырнул свой камень, что он, ударившись о вал, сорвал значительную часть дерна с откоса и обнаружил какой-то черный песок, в котором виднелось множество сероватых камней и мелких, словно обточенных шариков.

— Посмотри-ка сюда, Джэк, — сказал Том, — как это пришло в голову этим старым дуракам-великанам навалить тут такое множество черных и серых камней? Откуда только они могли взять их?

Джэк внимательно осмотрел обнаруженную почву и вдруг захлопал в ладоши от радости.

— Клянусь Богом, Том, да это ведь превосходнейшее олово! — закричал он.

А Том-то, простая душа, — спаси его, Господи, — и не слыхивал никогда, что за олово!

И тут не сразу поверил он Джэку, хотя Джэк и рассказывал ему уже раньше, что пришел он из страны, богатой оловом.

— Да полно; Том, — заговорил Джэк, видя, что тот даже и не догадывается, какое счастье выпало на его долю, — подумай, безрассудный ты человек, ведь если во всех этих холмах столько же олова, так его тут довольно, чтобы закупить всю землю и все дома от моря и до моря!

— На что мне это олово? Чего мне еще желать? Чего у меня не достает? На моих лугах пасется множество превосходнейших овец и всякого рогатого скота, — у нас никогда не может быть недостатка ни в говядине, ни в баранине, а на одежде, право, нам ничего не надо, кроме нашей доброй домашней ткани. Что мне делать с твоим оловом?

В эту минуту подошла к ним Джэн. Удивилась она, увидев столько олова, но ничего не сказала, а подумала только про себя, что, может быть, благодаря этому олову у нее будет новое черное платье и она пойдет в нем на ярмарку в Сент-Ивес. Долго толковал им Джэк, какие несметные богатства обещает им их находка, и наконец отстал, не добившись от них ни слова.

Но, несмотря на то, что Том и Джэн делали вид, будто не придавали значения находке, было однако же очевидно, что они о ней только и думали, и думали до того, что потеряли охоту пить и есть. Для них это была совершенно непостижимая возможность разбогатеть.

Сон бежал от глаз Тома, и он беспрестанно выходил на двор, чтобы подышать свежим воздухом, но в действительности же, чтобы взглянуть на олово. Вот в какой он был тревоге!

Однако через несколько дней, Том наконец сам стал советоваться с Джэком и женою о том, как ему быть с оловом. Решили они на совете приняться копать руду на продажу. Том кстати вспомнил тут, что пивовар, к которому когда-то нанимался он на службу, был теперь куном в Маркет-Джиу и, кроме своей пивоварни, завел большую торговлю оловом. На другой же день Том под руководством Джэка принялся за работу; Джэи тоже помогала им, когда у нее было свободное время.

Приготовив несколько мешков олова, Том и Джэк повезли его в Маркет-Джиу, причем Том, усзжая, шепнул на ухо Джэку, что на обратном пути они захватят у пивовара бочонок лучшего элю.

— Это будет лучше того, что варит Джэи со своими травами. Только смотри, не говори ей этого, а то, пожалуй, она огорчится, — прибавил Том.

От пивовара Том получил за свое олово не только бочонок элю, но еще столько золотой монеты, что сейчас же убедился в правдивости предсказаний Джэка о своем будущем богатстве.

Пивовар был человек толстый и веселый и, купив у Тома и Джэка их олово, решил немедленно отпраздновать такое событие: он сейчас же приказал выкатить во двор бочонок пива и послал людей по всему городу скликать весь рабочий люд на гулянку. Разумеется, все сбежалось к нему

чуть не толпами. Тут-то начались потешные бои, пошла игра, беганье взапуски, метание камней и всякие другие забавы. Некоторые же, от нечего делать, принялись просто-напросто зашвыривать камни на гору Моунт, так что живший там старый великан, напуганный шумом и криком, не решился даже выглянуть из своего замка, опасаясь потерять свой единственный глаз.

Отпраздновав первую продажу, Том и Джэк продолжали себе копать свою руду; Джэи помогала им, и все шло благополучно. Одно только портило им жизнь, — это множество вдруг неведомо откуда явившихся друзей и родственников: они, как мухи, облепили Тома и просто не давали ему ни минуты покоя. Но Джэк и тут нашелся и сумел поправить беду.

— Все это — летняя мошкара, а мошкара, все знают, не любит тени, — сказал Джэк и принялся всем и каждому нашептывать: — А ведь Том-то, бедняга, совсем разорился!

Ну, глядь-поглядь — ни друзей, ни самозваной родни как не бывало!

Так Джэк-котельник прочно поселился в замке и не только не помышлял о том, чтобы проложить большую дорогу по земле Тома, но сам стал помогать ему возводить стены и строить ворота, чтобы не могли попадать к ним незваные гости.

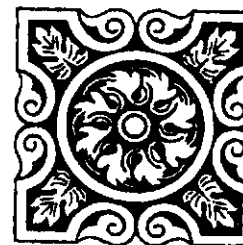

ТЕКСТЫ
ПОДГОТОВЛЕННЫ:

- КОРОЛИ КОРОЛЕЙ — А. Платов
ЧЕТЫРЕ ВЕТВИ МАБИНОГИ — А. Платов
КРУГ АРТУРА — А. Платов
и О. Бедарева (“Сон Максена”).
КРУГ ТАЛЕСКИНА — А. Платов
ТАНЦЫ ДИВНОГО НАРОДА — А. Платов,
А. Кухтин,
О. Бедарева.
БЫЛЬ И НЕБЫЛЬ УЭЛЬСА — А. Платов,
А. Кухтин,
И. Колотушкина,
Е. Максименко.
МОРЕ, РЕКА
И ЗАЧАРОВАННЫЙ САД —
А. Платов,
А. Кухтин.
СТРАНА ВЕЛИКАНОВ — О. Петерсон,
А. Кухтин
(“Скиллинвидден”).

ПРИМЕЧАНИЯ

УЭЛЬС

КОРОЛИ КОРОЛЕЙ

Основные источники, использованные в данном круге преданий, — это легендарные “хроники” Гальфрида Монмутского и Пенния и сказания, собранные в Мабиногноне. Сам термин “Короли Королей”, применяемый нами к верховным королям Британии доартуровских времен, отсутствует в хрониках и почерпнут из Красной и Белой Книг, хотя и записанных позже упомянутых мифологизированных “летописей”, но имеющих более древние истоки.

Плавание Брига

Брит (Brut) — в существующих русских переводах и переложениях этого предания имя Брига, первого короля Британии, звучит, как правило, несколько искаженно — Брут, что не отражает фонетики валлийского языка.

за землями галлов — галлы — кельтские народы, в позднеантичное и раннесредневековое время занимавшие обширные земли в Европе. Здесь имеется в виду атлантическое побережье современной Франции.

к берегам Альбиона, Медового Острова — Альбион и Медовый Остров (*Y Fel Ynys*) — древнейшие из известных нам имен острова Британии.

Логрия (Loegr) — территория современной Англии; в языке современных кельтов Уэльса Англия называется так до сих пор.

...Валлия, или Уэльс — от имени среднего сына Брига производят кельтское название Уэльса — Кымри (*Cymru*).

...Альбанией — несомненно, название Альбания (Альба) гораздо древнее и Альбанакта и легенд о нем.

Ллидд Серебрянорукый

Ллидд Серебрянорукый (валл. *Lludd Llaw Ereint*) — один из наиболее волшебных персонажей валлийских сказаний. В его образе прочно слились мифологический и исторический персонажи. С одной стороны, Ллидд (Ллур), сын Бели, — реальный верховный король Британии, правивший около I века до Р.Х., с другой стороны он — один из верховных общекельтских богов, принадлежащий клану, называемому в ирландской традиции Племенами Богини Дану. Имя его тождественно имени “Нидд” (см. прим. к повести “Килух и Олвэн”), а валлийское “Нидд” и ирландское “Нуаду” — это модификации более раннего, галльского, имени этого бога — Нодене.

Остров Могуцества (валл. *Ynys Cedwyn*) — средневековое валлийское имя Британии.

...король Франции — название “Франция” здесь оказалось случайно и довольно поздно. Подразумевается страна галлов (континентальных кельтов) или какое-то из королевств франков — германских племен, пришедших в Галлию в начале I тыс. от Р.Х..

...среднюю точку своего королевства — т.е. Логрию (см. прим. к “Плаванию Брига”).

ЧЕТЫРЕ ВЕТВИ МАБИНОГИ

Четыре повести ветвей Мабинोगи — древнейшая (если не считать “Килуха и Олвэн”) часть Мабиногнона. Сложившиеся во второй половине XI века, они были частично записаны уже к началу XIII столетия, а первая полная их компиляция датируется первыми десятилетиями XIV века (Белая Книга Риддерха). Происхождение названия “Мабинोगи” точно не установлено, но большинство ученых возводит его к валлийскому *mab* — “юноша”, “отпрыск”. Если это верно, то слово “Мабинोगи” может означать что-то весьма расплывчатое: от “Юность” до “История Юного Героя”. В последнем случае “Четыре Ветви Мабиногии” — это четыре порции истории о героях, четыре порции сказ-

ки. Впрочем, название этого круга связывали, в свое время, и с Красной Ветвью Короля Конхобара (имя двора легендарного короля Ирландии), и даже с поэмой о Битве Деревьев — в некоем аллегорическом или символическом смысле.

Но изо всех существующих толкований нам представляется наиболее близким к истине видеть в очень древнем термине “Четыре Ветви Мабиногни” упоминание о четырех ветвях рода великих королей и магов Британии.

Пуйлл, Князь Диведа

Повесть о Пуйлле, Князе Диведа, — первая ветвь Мабиногни — посвящена владетелю Диведа, одного из многочисленных валлийских (бриттских) королевств. Повесть имеет явно компилятивный характер и представляет собой склеенные воедино сюжеты весьма разного происхождения: от сказочных (чудовище, похищающее прекрасных поворожденных, детей и жеребят) до чисто легендарных (путешествие Пуйлла в Аннун, в Иной Мир).

семь княжеств Диведа — здесь и ниже термином “княжества” условно обозначено древнее деление государств Уэльса на площади, покрывающие около сотни селений (*cantref*).

Глин Ких — долина ручья Ких, пограничного меж современными графствами Пемброук и Кармартен.

сверкающе-белой была их шкура, и горели алым огнем уши — алым и белый — характерные для кельтской традиции цвета Иного Мира.

Аннун (Annwn) — имя Иного Мира в валлийской традиции; в позднее время отождествлялся с христианским адом. В исходном же понимании — Иной Мир, лежащий за пределами досягаемости обыкновенных людей, с некоторыми элементами представлений о загробном царстве.

...милосердным ударом — король Хавган просит Пуйлла избавить его от предсмертных мучений.

Рианнон, дочь Хэвэйда Старого — леди Рианнон, один из очень сложных образов Мабиногни; ряд исследователей склонны сближать ее с богиней галлов (континентальных кельтов) Эпоной.

Майский День — Бельтан, древний кельтский праздник, отмечавшийся в первый день мая.

...славное имя дала ты своему сыну — имя Придери на валлийском означает “мысль”, “дума”.

Придери, сын Пуйлла — приблизительно можно перевести это сочетание как “Мысль, сын Чувства”.

Бранвен, дочь Ллира

Повесть о Бранвен, дочери Ллира, отличается композиционной законченностью, единым сюжетом, пронизывающим все повествование. Вероятно, это связано и с тем, что повесть очень сильно пострадала от пересказчиков и перепищиков, превратившись из предания с элементами мифа в сказочно-эпическое повествование.

Ллир (Ллида), отец Бранвен и Бендигейдврана, — один из общекельтских богов (имя его близко к кельтскому слову со значением “море”, сравн. ирландское *leg*), а по совместительству — и основатель нескольких королевских родов Британии. И дети его еще сохраняют в повести черты полубогов, ставшие, правда, скорее сказочными, нежели мифологическими (огромный рост Бендигейдврана, магические способности Бранвен).

Несмотря на название, основной герой повести — Бендигейдвран (т.е. Бран Благословенный). Рассказ о его походе полностью коррелирует с древне-ирландской сагой о плавании Брана на Священные Острова Запада; и лишь характерное стремление средневековых пересказчиков к “достоверности” привело к замене земли Хай Бразил на Остров Ирландию. Несомненно, что ирландская сага является более древним и гораздо более точным вариантом этого сказания.

Бендигейдвран (валл. *Bendigeidfran*) — Бран Благословенный.

Манавидан, сын Ллира — согласно валлийскому варианту сказания, — брат Брана Благословенного; в ирландской традиции он известен под именем Мананнан Мак Лир (т.е. “сын Лера”) и является одним из Племен Ботни Дану.

Бранвен — согласно фантастической этимологии, это имя означает “Белая Душа”.

Абер Меней — устье пролива между побережьем Диведа (Уэльс) и островом Мон.

Линдон — (совр. Шаннон) — крупнейшая река Ирландии, делившая остров на две половины.

...пока мы вернемся — послы просят Бендигейдврана о том, чтобы он дождался их возвращения и не продвигался дальше, разоряя ирландскую землю.

энглин — метрическая единица в древне-валлийском стихосложении, состоящая из трех или четырех строк и содержащая фиксированное количество слогов.

...к Белому Холму в Лондоне — желание Браша быть похороненным в Лондоне связано с тем, что в свое время Лондон (Триновант) являлся столицей британского государства; *Белый Холм* (валл. *Гwynnwg*) — священный холм в Лондоне.

Таллболлон — местность на севере острова Мон; *Алау* — река в Таллболлоне; *Абер Алау*, соответственно, — “Устье Алау”.

...похоронили ее в четырехгранной могиле на берегу *Алау* — в 1813 году на береговой отмели реки Алау действительно было обнаружено захоронение, содержащее погребальную урну. Место это было названо Нине Брашвен.

Гвалъе — ныне о-в Грассхоузм, у юго-западного побережья Уэльса.

Абер Хэввелен — валлийское *aber* — “устье”; согласно сэрю Нвору Вильямеу, *Aber Henfelen* — это море между полуостровами Уэльс и Корнуолл.

Манавидан, сын Ллира

Главный герой повести, фабула которой сугубо сказочна (или легендарна) и вряд ли связана с каким-либо мифологическим сюжетом, известен, как упоминалось выше, не только в валлийской традиции. В Ирландии саги называют его Мананнан, сын Лера, и приписывают к богам из Племен Богини Дану.

Кент (Кантия) — одно из самых восточных королевств средневековой Британии, находилось на территории современного одноименного графства.

Горседд Арберт — как читатель может помнить по повести “Нуйлл, Князь Диведа”, Горседд Арберт — это курган, обладающий волшебным свойством вызывать чудесные явления, когда благородный вождь поднимается на его вершину.

Мат, сын Матонви

Повесть о могущественном маге Гвидионе, названная здесь в соответствии со средневековой традицией “Мат, сын Матонви”, является, несомненно, наиболее волшебной и мистической среди всех сказаний “Мабиноггона”. Как и повсюду в средневековых валлийских сказках, мы видим здесь смешение мифологического и легендарного повествований. Один из главных героев повести — Ллей Ллау Гифе (т.е. Ллей Искусная Рука) — это валлийский аналог ирландского бога Луга Самилданаха (что значит: Луг Господин-Всех-Искусств) и галльского Лугуса. Другой персонаж повести, о котором следует сказать несколько слов, хотя он только упоминается, — это Дон, мать Гвидиона и Гильваэвти. Несомненно, что эта Дон и есть та самая Богиня Дану ирландских мифов, с племенами которой связано большинство богов кельтов Британских Островов.

Главный же герой повести — Гвидион — может, вероятно, претендовать на невероятную древность имени, которое можно сопоставлять с именем царя Гвидона русских сказок.

Хобей (валл. *Hoben*) — множественное число от *hob* — “свинья”.

Крэйворин — от валл. *Creu* — “свилярник”.

Хыддун — от валл. *hydd* — “оленя”.

Хылдун — от валл. *hweh* — “свинья”.

Блэйддун — от валл. *bleidd* — “волк”.

Каэр Арнанрод — замок Арнанрод.

Ллей Ллау Гифе — Ллау Гифе и означает “Искусная Рука”.

Динас Динллей — замок Динллей.

Блодэйдд — валл. **Blodeuedd** “цветы”.

княжество Динодинг — здесь термин “княжество” употреблен в значении территориальной единицы — см. выше примечания к повести “Пуйлл, князь Диведа”.

Из-за цветов Ллей все и случилось — Цветы Ллей Ллау Гифса — это Блодэйдд.

Блодэйвдд — валл. **Blodeuwedd** дословно можно перевести как “цветочполюккая”; с другой стороны это слово и означает “сова”.

Ллех Рона — Камень Гронва.

КРУГ АРТУРА

Сон Максена Вледига

“Сон Максена” — красивая легенда, сказочным языком повествующая о реальных событиях.

Максен (вернее — Максим, или Максимус), живший в IV веке от Р.Х., был сенатором и одним из знатнейших людей Рима. По сложным политическим причинам он оказался правителем Британии, после чего, собрав значительное войско, отправился завоевывать Рим. В этом плане легенда несколько переворачивает факты, ставя их с ног на голову, и называя Максена императором Рима еще до его воцарения в Британии.

Максен не был первым римлянином, с которым познакомились британцы. Первый британо-римский конфликт относится к I веку до Р.Х., ко времени правления короля Кассваллауна, сына Бели. С тех пор сменялось несколько римских правителей, и ко временам Максена Британия, фактически, входила в состав Римской Империи.

Максен Вледиг — **Wledig** по-валлийски означает “князь”, “правитель”.

гвиддбуйлл — кельтская (валлийская) игра, напоминающая шахматы (точный перевод слова не известен), но игра-охота, сродни исладекской игре “хнефатафт”. Как и в шахматах, есть доска и фигурки. Из центра доски король

пытается дойти до края и остаться целым и невредимым; а участники игры хотят окружить и завоевать территорию противника.

...и там рассказать своим гонцам о том, что тебе приснилось — речь идет о некоторой магии повторения действия, представление о которой было широко распространено в Средние Века.

...добрались до Острова Британии — Островом Британия была та земля, куда прекрасный корабль вынес Максена, а затем и его гонцов.

Эрври — область и горный массив в королевстве Гвинедд, на северо-западе Уэльса.

...и увидели Мон, а потом и Арвон — Мон — большой остров у побережья Уэльса; Арвон — земли на северо-западе Гвинедда, против острова Мон.

Абер Сэйнт — устье пролива, отделяющего остров Мон от побережья Арвона.

Карадауг — британский король из рода правителей Корнубии (т.е. Корнуолла); Кинап (Конан) и Гадсон — его внуки, претендовавшие во время появления Максена на британскую корону.

Каэр Ллеон — город в низовьях реки Иск; искаженное “Город Легионов”. Сохранившиеся оборонительные сооружения Каэр Ллеона действительно выстроены при римлянах.

Каэр Вурддин — дословно “Город Мириадов [людей]”; позднее — Маридунум, что означает то же самое; сейчас — Кармартен (от первого имени).

...посему римляне выбрали себе нового Императора — предание отражает историю “с точностью до наоборот”. Максен покинул Рим, будучи сенатором, подчинил себе Британию, и уже после того двинулся на Рим, дабы захватить императорский престол.

...и отправились они в ратный путь, и обагрили землю кровью, завоеывая города и монастыри — речь идет о завоевании Арморики (совр. Бретань). Подробнее об этом повествуется в бретонской повести о Конане Мериадоке (см. в настоящем издании). Конан и Киннон — разночтения одного имени.

Мерлин, пророк Гвортигирна

События, о которых здесь идет речь, относятся к V веку от Р.Х.. Весь рассказ о детях Константина носит чисто легендарный характер, несмотря на то, что сами по себе Гвортигирн, Мерлин, Аврелий Амброзиус — личности вполне исторические.

...по смерти императора Максена — Максен (Максим) был убит в 388 году.

римляне покинули Остров — римские легионы ушли из Британии в 409 году.

пикты — народ кельтского пл., вероятно, пениндо-европейского происхождения, древнейшее население Британии. Ко времени, о котором идет речь, остатки пиктов были загнаны на север острова.

асирь из Корнубии — так в тексте пророчества Мерлина, сохранившегося в списках XII века, именуется Артур, будущий верховный король Британии. Несколько точнее было бы называть его *медведем из Корнубии* (т.е. из Корнуолла), поскольку имя его образовано от кельтского *artus* “медведь”.

Мерлин Амброзиус... Мирддин Эмбрайс Вледиг... — Мерлин — латинское или еще более позднее искажение бриттского имени Мирддин, связанного с одним из кельтских божеств; Амброзиус — “Бессмертный”, римское родовое имя (сравни. Аврелий Амброзиус); Эмбрайс — бриттская транскрипция предыдущего имени; Вледиг — князь, правитель (бритт.).

Артур становится королем

...наследников короны Максена и Константина Великого — подразумевается не отец Утера и Аврелия, а другой император по имени Константин, живший в начале IV века.

Канния — одно из ранних королевств англо-саксов в Британии на территории современного графства Кент.

Килух и Олвэн

“Килух и Олвэн” — одна из самых красивых сказок артуровского круга, и мы полностью согласны с валлийским исследователем, профессором Кардиффского университета Гвином Джонсом, называвшим ее “непревзойденной и некласифицируемой”. Записанная в конце XIV века, уже в конце X — начале XI веков она сложилась в том виде, в каком мы ее имеем. При этом центральный сюжет сказки оказывается не только значительно древнее ее текста, но и древнее самих героев, в ней действующих.

По меньшей мере три четко дифференцированных пласта можем мы выделить в этой сказке. Самый поздний, относящийся к XI — XIV векам, представляет собой англо-саксонские и англо-норманские наслоения. Следующим пластом, если “копать” сказку вглубь, окажется собственно кельтское сказание о событиях времен правления Артура (V — VI века). И, наконец, глубоко в недрах сказки обнаружим мы полузабытые мифы, — и сугубо кельтские, и общениндо-европейские.

Сказка глубоко мифологична, и, фактически, представляет собой искаженный¹ индо-европейский миф, захвативший, с течением времени, такие исторические персонажи, как короли Артур, Килдид и Догед, с ними — и легендарные (Олвэн, Амаэтон ап Дон, Мабон ап Модрон и т.д.). Миф, о котором идет речь, был известен и в Египте, и в античной Европе, равно как и у более поздних европейских народов, — это миф о путешествии героя за своей возлюбленной в царство смерти (ср., напр., сюжет об Орфее и Эвридике). Великан-из-Великанов обладает в сказке о Килухе отличительной чертой Стража Нижнего Мира — это его глаз, обладающий смертельной силой и такой тяжестью, что ему приходится восклицать свое коронное: “Поднимите мне веки!” — и здесь мы вспоминаем славянского Вия и приандского Балора...

Говорить о том, что произошло *искажение* мы можем лишь в том случае, если наша цель — исторический анализ сказки; если же подходить к ней, как к произведению Искусства, то вернее было бы сказать — “произошла народная *переработка* мифа”. То есть, по Дж.Р.Р.Толкиену, миф этот “побывал в волшебном суче”. (Дж.Р.Р.Толкиен. О волшебных сказках//Дерево и эстет. М., 1991.)

Другой любопытной чертой сказки являются внедренные в ее текст обширные списки, подобные скандинавским *тулам*. (В настоящем издании они частично или полностью опущены.) Их несколько, и самые интересные — перечень князей и рыцарей артуровского двора, содержащий много десятков имен, и перечень заданий, которые дает Блебдаден Великан-из-Великанов Килуху — их четыре десятка, и они содержат упоминания о доброй половине волшебных предметов и великих магов Острова Британии.

одним из королей в Уэльсе — Уэльс времен описываемых событий (V — VI века) представлял собой массу практически независимых королевств.

Килух — имя это (*Culhwch*) образовано, согласно фантастической этимологии, от валлийского *hwch* “свинья”.

... двоюродным братом короля Артура — мать Килуха, Голэйдидд, дочь Анлаудда, была сестрой королевы Ингерны, матери Артура.

король Догед — один из древних святых Уэльса, основатель церкви ЛланДогед в Денбигшире.

Кай, сын Кинира — мажордом (или сенешаль) Артура.

исключи лишь... — Артур перечисляет принадлежащие ему предметы, наделенные волшебной силой. *Мой корабль* — согласно иным источникам, имя корабля Артура — Придвен. *Моя магия* — имя артуровской магии — Ллени, иногда — Гвени; по преданию, она обладала свойством делать невидимым того, кто укрывается ею или становился на нее. *Каледдулх, меч мой* — это исходное имя меча Артура было трансформировано позднее в Калибурн, а еще позднее — в Экскалибур; согласно преданию, меч этот был выкован в Аваллоне. *Жену мою Гвенлоивер* — “Белая Тень”, исходное имя супруги Артура; “Геневэр” и “Гвиневра”, как называют ее средневековые некие романы, — позднее искажение.

... *остричь твои волосы* — обряд острижения старшим волос младшего в знак верности (и не только) — обычай очень древний. Возможно, когда-то он был близок к обряду вассальной клятвы; достоверно же известно лишь то, что к VIII веку острижением волос сопровождалось принятие духовных (приемных) родителей.

Гвалтмай, сын Гоуара — в поздних (французских) переработках артуровских легенд это имя было переделано в “Гавэйн”; сходное имя означает “Сokol Мая” или “Сokol Битвы”. Упоминается в Валлийских Триадах:²

Три златоязыких рыцаря двора Артура: Гвалтмай, сын Гоуара; Дридвас, сын Триффита; и Эливлод, сын Мабога, сына Утира. Куда бы ни пришли они, всюду выслушают их первыми, и чего бы они не потребовали, все будет дано им, волей или неволей. И потому назвали их златоязыкими.

Олвен — “Белый След”, согласно фантастической этимологии.

... *произошло отравленное копьё его глаз* — весь сюжет о бросании копий вырос из кельтского мифа о том, как ведомый божественным вдохновенным героём (Луг — в ирландском эпосе) пронзает волшебным копьем смертоносный глаз Стража Нижнего Мира (ирл. Балор). Это волшебное копьё, несколько примитивизированное в данной сказке, проходит через всю кельтскую мифо-сказочную традицию. Так, священное копьё, фигурирующее в поздних сказаниях о Св.Граале, ассоциировалось с копьем, которым был пронзен распятый Христос, и есть то самое волшебное копьё языческих мифов.

Ллуір Ллуірион — Ллир (Ллид) Серебрянорукий, легендарный король королей Британии; см. примечания к одноименной повести.

Гвиддно Длинноногий — вероятно, легендарный и исторический король Кередигнона (см. сказания о Талесине).

котел Дыорнаха Ирландца — вероятно, имеется в виду волшебный котел, об истории и свойствах которого рассказывается в повести “Бранвен, дочь Ллира”.

Мабон, сын Модрона — легендарный валлийский герой, упоминается также в поэме о Битве Деревьев и в других средневековых текстах.

² “Триады Острова Британии” — одно из древнейших произведений валлийской литературы, построенное по принципу перечисления своеобразных триад (три величайших мага Британии, три лучших прорицателя Британии, три вещи, что чернее ночи и т.д.).

Гвин, сын Нидда — один из древних могущественных магов Британии; в ряде сказаний выступает как Король Волшебной Страны. Согласно Валлийским Триадам, Гвинан Нидд — один из трех знаменитейших астрономов Британии, которым их знание звезд позволило предсказывать Конец Мира... Некоторые исследователи склонны отождествлять имена "Нидд" и "Лидд" (см. выше).

Страна Фонтана

Сказание о приключениях сэра Овэйна, сына Уриена, в далекой неведомой Стране Фонтана дается здесь в том виде, в каком оно было записано в средневековых рукописях Мабиногнона (Красная и Белая Книги, XIV век).

Обычно считается, что это сказание, как и прочие повести о рыцарях Артура, являются самыми поздними в Мабиногноне и, к тому же, пропитанными норманнским влиянием. И это несомненно так, если говорить о конкретном лежащем перед нами тексте. Но за средневековым валлийским и массой норманизмов мы можем, присмотревшись, разглядеть иное, более раннее, сказание, которое, возможно, никогда не было записано.

Дыхание потрясающей воображение древности сквозит через средневековые строки повести. Это — типично кельтский (а до того — общендоевропейский) сюжет: путешествие за грань реального мира. "Через дикие горы лежал его путь к границам мира..." (He went this way to the bound of the world — в английском переводе Гвина Джонса). Содержание повести совершенно меняется, если взглянуть на нее с этой стороны. Чудесное огромное дерево превращается в Древо Мира индоевропейских мифов, фонтан под ним — в священный источник Урд, бьющий у корней Мирового Древа, одноногий и одноглазый хранитель темного леса — в кого-то из богов — Стражей переходов между мирами, а река в зеленой долине, которую пересходит рыцарь, — в Пограничную Реку Иного Мира...³

³Подробнее о подобных указателях Переходов между мирами см.: Платов А.В. Дорога на Хаи! Бразил, или индоевропейский миф о структуре мира//Мифы и магия индоевропейцев, вып.1, М., 1995.

король Артур — в оригинале этого сказания Артур именуется "императором", но это уже настолько поздняя вставка, что мы позволили себе заменить этот титул на классического "короля". (Совершенно бесспорное приписывание Артуру императорского титула происходит из средневековой байки о том, как Артур стал императором Рима и всей Европы.)

Гвенхуввер — см. прим. к повести "Килух и Олвэн".

Овэйи, сын Уриена — и Овэйи, и отец его Уриен упоминаются во многих валлийских манускриптах. Последственным владением их было королевство Рмед — земли в районе современного Камберленда. Об Овэйи упоминают Валлийские Триады:

Три Князя Битва было при дворе Артура: Кадур, ярл Корнуолла; Ланселот Озерный; и Овэйи, сын Уриена Рмедского... Они никогда не отступали в бою, ни перед Кольем, ни перед Стрелой, ни перед Мечом. И Артур, увидев их, назвал их Князьми Битва.

Кинон, сын Клидио — упоминается в Валлийских Триадах:

Три мудрых рыцаря было при дворе Артура: Кинон, сын Клидио; Арон, сын Киттарха, сына Мейрххиона; и Аливарх Старый, сын Лыдановина. Были они советниками Артура...

Кольцо, полученное Овэйном — интересно, что сохранилось описание этого кольца в валлийском манускрипте под названием "Тринадцать королевских реликвий Острова Британии, которые хранятся в Каэр Ласоне на реке Нек, в Монмаутшире. Вещи эти получены от Мирддина, сына Морврана,⁴ в Доме Стекла, в Эллали, или острове Бардсей. И записано другим, что Талесин Князь Бардов владел ими." В манускрипте кольцо Овэйна посвящено несколько строк: "Камень кольца Лидд, который получил Овэйи

⁴Здесь и в других сказаниях, связанных с островом Эллали, постоянно путаются два разных Мирддина: Мирддин, сын Морврана, и Мирддин Эмбрийе, названный позднее Мердином. Но оба они — барды и маги.

меж степой и решеткой. Кто бы ни сокрыл этот камень, камень сокроет его.”

ярд — здесь — знатный воин, владеющий землями и содержащий собственную дружину, граф.

...*принадлежишь ли ты нашему миру?* — вопрос подразумевает: являешься ли ты человеком или нежитью из иных миров.

заточили в камень — согласно толкованию леди Гэт, здесь не идет речи о том, что Линэд была заточена в скалу или в монолитный камень; предполагается, что ее заключили в пустой дольмен (сложенную из камней погребальную камеру) и магией запечатали выход.

Мерлин и Артур — история продолжается

Олдерли Эдж — место, о котором идет речь, находится уже не в Уэльсе, а в Англии, в отрогах Пеннинских гор. Однако сама легенда, приближающаяся по стилю к сказке, имеет, несомненно, валлийские корни и по праву занимает свое место в данном издании. Олдерли Эдж приблизительно можно перевести с английского как “Ольховый предел” или “Ольховое лезвие”; Олдерли — название деревеньки неподалеку.

КРУГ ТАЛЕСИНА

Сказания Круга Талесина нельзя назвать очень древними. Большинство из них было впервые записано лишь в XVI веке, и именно к этому времени относится валлийский манускрипт, текст которого использован нами в качестве основной нити повествования. Тем не менее события, о которых идет речь в этих сказаниях, происходили гораздо раньше, в VI веке от Р.Х., примерно тогда же, когда действовали герои артуровских преданий.

В упомянутом нами валлийском манускрипте содержатся рассказы о Гвионе Бахе и о Талесине. Первый из них, несмотря на то, что является, несомненно, именно сказкой, а не преданием и не мифом, содержит древнейший

мифологический сюжет о *Меде Поэзии*, известный также в скандинавской и славянской традициях.

Сюжет гибели равнины Гваэлюда отсутствует во взятой нами за основу рукописи, хотя манускрипт и содержит упоминание об этой трагедии. Развернутое повествование об уничтожении морем плодороднейшей части королевства Керидигон было почеркнуто нами из иных, значительно более поздних источников.

Рассказывая о появлении в замке Гвидно и Эльфина юного Талесина, мы придерживались наиболее древней и наиболее волшебной версии, но считаем необходимым упомянуть и о том, что многие специалисты (также, например, как леди Шарлотта Гэт) считали его вполне исторической личностью, и приводили иные версии его происхождения. Так, многие средневековые валлийские авторы называли Талесина сыном св.Хепуга.

Наконец, последняя часть этого Круга, предание о Битве Деревьев (*Cad Goddau*) представляет собой пример поэтического творчества Талесина. Вернее, — есть некоторые основания приписывать это уникальнейшее произведение древнекельтской литературы Талесину, но считать это исторической гипотезой, разумеется, невозможно.

Валлийские “Триады Острова Британии” упоминают Битву Деревьев как одну из трех великих битв, вызванных незначительнейшими причинами. Причиной *Кад Годдо*, согласно некоторым источникам, была самка благородного оленя, которую привел из Ангуна маг Амажтон ап Дон, брат упомянутого в поэме мага Гвиднона.

Гвион Бах, или Сказка о Керидвене и волшебных каплях

Лин Тэдиг (валл.) — Озеро Тэдига.

корабль — у кельтских народов так назывались легкие лодки, напоминающие по устройству плетеные корзины, обтянутые кожей.

Талесин Князь Бардов

...*что составляет около сорока лет* — сроки, разумеется, условны, хотя большинство героев сказаний Круга Талесина — вполне исторические лица.

“*Утешение Эльфина*” — по поводу отсутствия в заводи рыбы.

...стихами — в VI веке стихосложение с использованием конечных рифм практически не применялось, и звучание стихотворных текстов строилось по совершенно иным законам. Однако в данном издании мы вводим иногда в стихотворные тексты конечные рифмы, что преследует единственно художественные цели.

...ответил ему длинным рассказом в песне — здесь в тексте манускрипта следует стихотворный текст размером около тридцати двойных строк, начало и окончание которого мы приводим. Песнь содержит перечисление множества исторических и мифологических событий, в которых Талесин, в том или ином облике, принимал участие.

Битва Деревьев

Данный текст представляет собой практически полный перевод поэмы о Битве Деревьев; для сохранения связности нами убраны лишь два фрагмента чисто христианского содержания (упоминание библейского Потопа, Страшного Суда и т. д.), занимающие всего несколько строк, строки, содержащие неясные намеки на судьбу Брауверн (?) и те несколько строк, перевод или (чаще) осмысление которых чрезвычайно затруднены в силу тех или иных причин.

Каэр Невенир — замок в Уэльсе.

Мат — Мат, сын Матонви, — один из самых могущественных магов валлийских преданий (см. прим. к Четырем Ветвям Мабинноги).

Гвидон — Гвидон, сын Дон, племянник Мата, — могущественный маг, главный герой четвертой Ветви Мабинноги.

Аннун — Иной Мир в традиции Уэльса; см. прим. к повести “Шуйла, Князь Диведа”.

Горонви из Дола Эдриви — валлийский маг, упоминаемый Триадами.

... пророчили Артуру — имеется в виду король Артур.

ТАНЦЫ ДИВНОГО НАРОДА

Коллеи и маленький народец

Гоин, сын Пидда — см. примечания к повести “Килух и Олван”.

Тафи-ап-Шон и волшебный круг

Тылит Тэг — Дивный Народ; дословно — “дивные роды”, “дивные семьи”.

зеленые круги — в данном случае речь идет о волшебных кругах, выложенных камнями или вытоптаных в траве. Такие круги на Британских островах издавна связывают с *Дивным Народом* — эльфами и феями.

БЫЛЬ И НЕБЫЛЬ УЭЛЬСА

Сон Ронабви

Первым нашей в пестрой и разнородной коллекции валлийских преданий идет “Сон Ронабви”. В отличие от остальных преданий, “Сон” представляет не устную фольклорную, а письменную традицию — русский текст предания подготовлен по английским переводам текста, с XIV века известного в составе Мабиннога.

Являясь своего рода ретроспективой во времена короля Артура, предание предполагает знание читателем того, что внешняя, окуливающая сон, сюжет относится ко временам, значительно более поздним. Волшебная шкура позволяет Ронабви встретить легендарных героев древности, и в том числе — самого Артура. Любопытно, что Ронабви при этом оказывается не в прошлом и не в настоящем, но в некой отдельной реальности, где действует время самого Ронабви, но современники Артура живут в событиях их эпохи. Так, Артур ведет свои войны с захватчиками с континента, но сетует при этом на то, что “столь слабые и жалкие люди, как эти” владеют *теперь* (т.е. во времена Ронабви) Островом Могущества. А Иддауг, идущий на битву

при Баддоне рассказывает Ронабви о том, что он стал (уже) причиной печальных событий при Камлание, которые имели место на два десятка лет позже.

Логрия — см. примечания к “Плаванию Брита”.

...желтую шкуру быка, что приносит удачу человеку, которому случится сидеть на ней — обычная для средневековых кельтских рукописей перспектива. Подразумевается, что сообщение о волшебных свойствах шкуры обращено к читателю, и герои предания ничего о них не подозревают.

битва при Камлание — последняя битва короля Артура, в которой он был сражен (ок. 539 г.); *Мэдрауд* — племянник Артура, более известный русскому читателю как Модред или Мордред.

император Артур — в отношении этого титула см. примечания к повести “Страна Фонтана” в Круге Артура.

Аддаон, сын Талесина, Эльфин, сын Гвиддио — Талесин Князь Бардов и Эльфин, сын Гвиддио — герои преданий Круга Талесина; см. о них примечания в соответствующем разделе.

...участвовать в битве при Баддоне против Осла Большой Нож — битва при горе Баддон (Бадон) — одно из крупнейших сражений против саксов, выигранных Артуром (ок. 516—518 г.); Осла Большой Нож — один из англо-саксонских вождей.

Лыхлин (Лохланн) — здесь: Скандинавия.

Каэр Ваддон — “Замок Баддона”.

Гвен — дословно “Белая”.

Овэйн, сын Уриена — см. примечания к повести “Страна Фонтана” в Круге Артура.

гвиддбуйлл — см. примечания к повести “Сон Максена” в Круге Артура.

Маэлгун Гвинеддский — легендарный и исторический король Гвинедда (королевство в Уэльсе), современник Артура.

Морван из Лесных Земель

Новис — одно из королевств в средневековом Уэльсе.

Затонувший город озера Бала

князь по имени Тэдиг Воэль... с женой своей Керидвеной — Тэдиг Воэль и Керидвена известны нам по Сказке о Гвионе Бахе (см. Круг Талесина). Время правления Тэдига в одном из малых королевств Уэльса относится легендарной традицией к концу V — началу VI веков, т.е. приблизительно ко времени жизни короля Артура.

Дева Озера

Предание о Деве Озера Ллин-ы-Ван-Вах и о миддвайских знахарях широко распространено в Уэльсе. Нам известно по меньшей мере четыре варианта этого предания, происходящих из разных мест и незначительно расходящихся в отношении некоторых сюжетных деталей и имен действующих лиц. Нужно отметить, что предание, как и большинство ему подобных, не имеет ничего общего со сказкой, и воспринимается рассказчиками как быль, повествование о том, как знаменитые целители из Миддвая получили свои знания.

книга эта сохранилась — книга, содержащая запись знаний миддвайских целителей, действительно сохранилась. Некоторые из содержащихся в книге рецептов можно видеть, например, в издании: *Folk Tales of Wales*. By Eirwen Jones. London & Edinburgh, 1951.

Предания о старине мест

каирны — памятные каменные сооружения кельтов; в узком смысле — сложенные из камней пирамиды, отмечающие погребения знатного человека.

КОРНОУОЛЛ

МОРЕ, РЕКА И ЗАЧАРОВАННЫЙ САД

Лити и русалка

фарлонг — мера длины, около 200 метров.

СТРАНА ВЕЛИКАНОВ

Скилтивидден

Эсмур — от англ. *moor* “вересковая равнина”.

О том, как молодой великан Том бился со старым Блондербоссом, и как он получил в наследство его замок

...зовут ее и теперь “Стеною Великана” — в Корнуолле, действительно, и до сих пор существует немало подобных каменных изгородей. Возможно, появление части их связано с расчисткой полей: валуны, загромождавшие землю, сносились в сторону и складывались наподобие изгороди.

Великан Том, жена его Джен и Джек котельник

...странною... большую часть года покрыто снегом — имеется в виду Скандинавия.

ЛИТЕРАТУРА

Оригинальные издания кельтских текстов:

1. *Red Book of Hergest*. Ed. by J. Rhys and J. Gwenoogyryn Evans. Oxford, 1887.
2. *The White Book*. Ed. by J. Gwenoogyryn Evans. Pwllheli, 1907.
3. *Bryl y tywysogyon*, or “The Chronicle of the Princes”. Cardiff, 1973.
4. J. Rhys. *Celtic Folklore. Welsh and Manx*. Oxford, 1901.
5. *The Poems of Taliesin*. Ed. by J. Caerwin Williams. Dublin, 1968.

Английские переводы источников и фольклорных записей, исследования:

1. *The Mabinogion*. Translated and edited by Lady Charlotte Guest. London, 1906.
2. *The Mabinogion*. Translated by Gwyn Jones. London, 1957.
3. *The Mabinogi and other Medieval Welsh Tales*. Translated by P. K. Ford. Berkley, Los Angeles, London, 1977.
4. *Welsh Legends and Folk-Tales*. By Gwyn Jones. London, 1955.
5. *More Welsh Fairy and Folk Tales*. By W. J. Thomas. Cardiff, 1957.
6. *Folk Tales of Wales*. By Eirwen Jones. London & Edinburgh, 1951.
7. *Folk Tales of the British Isles*. Moscow, 1987.
8. M. Alexander. *British Folklore, Myths and Legends*. London, 1982.
9. *Folklore, Myths and Legends of Britain*. London, 1973.

Русские переводы и исследования:

1. Гальфрид Монмутский. *История бриттов. Жизнь Мерлина*. М., 1984.
2. Петерсон О. М. *Корнуэлийские сказки*. Сиб, 1907.

О ЗВУЧАНИИ БРИТТСКИХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Ввиду того, что фонетика кельтских языков значительно отличается от фонетики других языков Европы, в том числе — и от русской фонетики, передача британских имен кириллическими буквами оказывается непростой задачей. По этой причине мы и решили дополнить “Сказания Красного Дракона” некоторыми указаниями по прочтению имен и названий, которые встречаются на страницах этой книги.

Для передачи британских звуков нами были приняты следующие обозначения:

дд — (валл. *dd*) звонкий межзубный согласный, аналогично *th* в англ. *the*;

лл — (валл. *ll*) странный звук, совершенно неудобопроизносимый для всех европейцев, кроме валлийцев, русским читателям рекомендуется произносить вместо него “хль” или, в крайнем случае, “ль”;

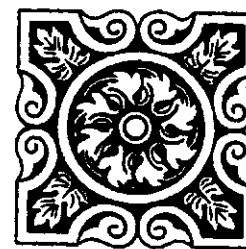
р — в большинстве случаев — русский “р” (валл. *r*), но иногда (*Rhonabwi*, *Rhonwen*, и др.) — “р” со значительным придыханием (валл. *rh*);

ы — (валл. *y*) темный гласный, в большинстве случаев безударный, среднее между русским “ы” и звучанием безударного гласного в англ. *common*, *about*.

в — в большинстве случаев обозначаемой этой буквой звук аналогичен русскому “в” (валл. *f*), но иногда звучит как короткий гласный, переходный от “в” к “у”, как в англ. *queen*, *well* (валл. *w*).

А. ПЛАТОВ

КЕЛЬТЫ И ИХ СКАЗАНИЯ

 Hwæt. Dyrwedaf arylwro heb in. Siastan
 uerthi heireyo hen yst i anurodi ylar anhan
 wod ydoyd. ac nymymete nihen ungrō. a
 hynnū oth arhat n. ac nōs nymmaf etūka-
 onyt a anigōdhor. ac nūybor duantē di am
 hynnū ydeicūm i. Rōfi adiw heb nntē hōll.
 Hwæt nūntēd i yti. pēicāffōn arūis arbolū akri
 gōd ameznyon ybrē. nūe n adēlūffōn. Hē heb
 hūben. oē hōmū alhynnū kynn hō rōdi yst
 arall gna oer anū. Gōzen nō gēmyst heb p yē
 yll bo kyntaf. ac nūllēymymychoi gna p
 oer. Gōnaf arylwro heb in. Hwōdri ykēnū nū
 Hwē heireyo nū abaraf bor grōled dāymreic nū
 bararē erbynō dōdnyot. Hūllāntēheb nntē a
 nūntēn a yrdaf nūp: aet hūmō. Hwōdri heb in
 arē nūntēch a hōffōd gōllūntē dōdēlūst. ac nūe
 itū yōaf i. Algrōhannū allnacthant. ac hōy: chū
 afnāthē of pāthē aetēdū aemūer. Pa amōmū
 bymāc a hēi gōntūhūntōr yōthē nūwōpū p chē
 oēlū erēll ytrōffēi yntēn. Gōmā trēdāw p
 Hwōdri hōt pū antēr allnacthant. ac nūngōar
 aō ar nūntēc mārchānt. amūntē vīngtūw a
 Hwō erōdō hēn. ac of adēthē p: Hwō allāthēn nūntē
 hūntāb rēdōgōmōz allēlētūw ac ar hōy māw aōdō

Как обособленный этнос кельты выделились
 из общей массы индоевропейских народов
 приблизительно в начале I тысячелетия до Р.Х..
 Их “прародина” находилась, как принято сейчас
 большинством специалистов, в треугольнике между
 верхними течениями Дуная и Рейна. Уже к середине
 тысячелетия они занимали обширнейшие простран-
 ства центральной и южной Европы и продолжали осу-
 ществлять экстенсивно во всех направлениях. По само-
 названию европейских кельтов — *галлы* — получила
 свое название огромная европейская страна — Гал-
 лия.

В процессе миграции кельты достигли Иберии,
 балто-славянских территорий, владений этрусков. Не-
 сомненно, чрезвычайно значительными были культур-
 ные связи кельтов и предков современных славян; в
 определенных регионах взаимное влияние этих наро-
 дов было настолько большим, что оказывается невоз-
 можным однозначно определить этническую принад-
 лежность того или иного народа — примером может
 служить известное историкам племя норцев (нори-
 ков), относимое то к кельтам, то к славянам, или аль-
 пийские веныды и соседствующие с ними славянские
 племена.

Значительно позднее кельты на территории конти-
 нентальной Европы были смяты германскими племе-
 нами; культура их оказалась частью уничтоженной, а
 частью — воспринятой германцами и славянами, язы-
 ки же — мертвыми. На настоящее время не сохрани-

лось ни одного живого континентально-европейского кельтского языка. Несколько иная картина наблюдается лишь на Британских островах, ставших последним оплотом кельтов.

Точная дата заселения кельтами Британских островов не установлена; наиболее вероятным выглядит отнесение первого появления здесь кельтских переселенцев с континента к середине I тысячелетия до Р.Х., однако эта дата может оказаться значительно древнее. Выделяется по меньшей мере две-три волны кельтской экспансии, постепенно ассимилировавшие или уничтожавшие туземное население, известное под обобщенным названием “пикты”.

На юге собственно Британии (т.е. главного острова Британского архипелага) осели кельты, известные нам под именем “бритты”; именно они, судя по всему, и дали название островам. Другая волна кельтской экспансии была направлена в Ирландию; кельты, осевшие там, называли себя “гэлами”. Параллельно этому названию в раннее время употреблялось имя “иверны”, а позднее — “скотты”. В дальнейшем имя “скотты” унесли с собой в Шотландию ирландские переселенцы,¹ участники уничтожения последних независимых княжеств пиктов на севере Британии (ок. V века от Р.Х.).

Приблизительно в это же время (V — VI века) на Британские острова добрались племена германцев из континентальной Европы. Началось новое завоевание островов, в котором кельты участвовали уже как обороняющаяся сторона. В течении нескольких столетий германцы (англы и саксы) вели непрерывную войну за

земли Британии, постепенно проникая вглубь страны и оттесняя кельтов на побережье Атлантики.

Больше других кельтов от натиска саксов пострадали бритты, лишившиеся большей части своих обширных земель и оттесненные на полуострова Уэльс и Корнуолл. Война с саксами продолжалась долгие века, и лишь в 1283 году, когда был убит последний бриттский князь, Уэльс окончательно стал частью английского королевства. С того времени начались определенные притеснения кельтской культуры и, в особенности, кельтских языков. В результате уже к XVIII веку в Корнуолле не осталось ни одного кельта, владевшего коренным кельтским; но в Уэльсе язык выжил, не смотря даже на то, что лишь сто лет назад в валлийских школах под страхом жестоких наказаний детям запрещалось говорить на родном языке.

В V — VI веках часть бриттов покинула Уэльс и Корнуолл, надеясь спастись от набегов саксов на землях Арморики — обширного полуострова на побережье современной Франции. Так образовались королевства Малой Британии, названной впоследствии Бретанью. И здесь кельты не смогли сохранить собственную государственность, но бретонский язык, близкий к валлийскому, жив до сих пор и используется в Бретани параллельно французскому.

Гэлам повезло несколько больше. Значительно дольше, чем Уэльс, Шотландия оставалась независимым от Англии королевством; ирландцы же до сих пор сохранили свою независимость, и до сих пор сдерживают на своих границах натиск саксов с востока. Лишь в Ирландии кельтский язык признан государственным, и около 15% населения страны владеет гэльским как вторым родным наравне с английским.

* * *

Дав издашню общее название “Предания и волшебные сказки”, мы поставили перед собой непростую задачу объединить в одно целое произведения очень разных жанров, начиная с легендарных, близких к мифологии, сюжетов, и заканчивая несложными по композиции сказочками, созданными совсем недавно. Нарушая классический для подобных сборников принцип подбора текстов (сказки — отдельно, мифы — отдельно, и т.д.), мы руководствовались стремлением наиболее полно раскрыть перед читателем мир кельтской *волшебной* литературы. Тем не менее, все переложения и пересказы данного издания выполнены таким образом, чтобы по возможности сохранить исходный стиль и жанр каждого отдельного сказания или сказки.

Два основных жанра представлены в нашем сборнике. Во-первых, это предания и легенды, во-вторых — сказки и сказочные повести. Что же различает их?

Предание — с точки зрения условного рассказчика — повествует о событиях реальных, но при этом, как ни парадоксально, не требует безоговорочной веры в то, что это — было, и было именно так. Для примера, валлийское предание о деве озера Ллун-ы-Ван-Вах строится именно как *быль*, то есть рассказ о *былом*, и лишь волшебный, выпадающий из зримой реальности, элемент предания не позволяет современному читателю воспринимать предание как рассказ о реальных событиях. Но — предание того и не требует.

Сказка же, по сути своей, полностью противоположна преданию. Сказитель, говорящий сказку, всегда прекрасно осознает, что рассказывает о *небылом*, о том, чего *не было*; и это основной критерий принад-

лежности к жанру. Вместе с тем сказка — в противоположность преданию — требует от слушателя полной веры в каждую деталь повествования. Мы должны помнить, что действие сказки происходит в некоем “вторичном”, как называл его Дж.Р.Р.Толкиен, мире, созданном фантазией сказочника; и в этом вторичном мире мы воспринимаем, например, женитьбу царевича на лягушке как нечто вполне нормальное.

Здесь и лежит отличие настоящего предания от настоящей сказки: действие первого совершается в нашем, реальном, мире (пусть и не всегда узнаваемом современным человеком), сказка же формирует собственную реальность, и уже в ней разворачиваются события.

И в преданиях, и в сказках мы встречаемся с волшебными и чудесными событиями и вещами. Но волшебство преданий происходит из нашего мира и прекрасно в него вписывается; таковы, например, волшебная чаша короля Кормака, распадающаяся от трех слов лжи, и восстанавливающаяся от трех слов правды, или волшебный камень Бранвен, открывающий дали минувшего... А вот волшебство и чудеса сказок: реальны лишь во “вторичном” мире, созданным самой сказкой — и прекрасный тому пример — упомянутый выше брак царевича с коронованной лягушкой.

И еще одну достойную упоминания группу сказаний, включенных в наш сборник, составляют самые разнообразные по времени создания, но равно древние по форме коротенькие сказания, названные здесь “Преданиями о старших мест”. Само название происходит из средневековой ирландской рукописи, в которой собрано огромное количество таких преданий, касающихся ирландской земли. Разумеется, собранные здесь

“Предания” представляют собой лишь малую часть существующих, но и они способны дать читателю возможность почувствовать волшебное-бережное отношение древних (и, отчасти, современных) кельтов к миру и его истории.

КОРОЛЬ БЫЛОГО И ГРЯДУЩЕГО

Несомненно, из всей огромной и пестрой массы кельтских сказаний современному читателю лучше всего известны легенды о короле Артуре. Правда, это уже далеко не тот Артур, о котором пели когда-то кельтские барды. Поэты эпохи рыцарства приложили руку к древним сказаниям, превратив короля бриттов в некий кургузый символ и едва ли не императора всей Европы. Известнейший из таких

Король Артур. Фреска кафедрального собора Отранто. Италия, середина XII века

авторов — сэр Томас Мэлори (XV век), чья “Смерть Артура” неоднократно издавалась в России.

Сколько мало общего имеют средневековые романы об Артуре и его рыцарях с исходными кельтскими сказаниями мы можем видеть на том примере, что центральный символ средневековых произведений артуровского цикла — *Круглый Стол* — был *придуман* в середине XII века англо-норманским трубадуром Вассом. Между тем, часть собственно кельтских сказаний об Артуре, сложившихся в конце I тысячелетия от Р.Х. и записанных в начале следующего, сохранилась и прекрасно известна специалистам.² Однако лишь в начале текущего столетия эти сказания впервые были переведены с валлийского языка на английский, и почти век спустя — в данном издании — переложены на русский язык.

Как же видели Артура сами кельты?

...Конец V века. Пала Римская империя; последние римляне покидают дальние провинции. Из Британии уходит Второй Легион, опустевает его крепость — Урбе Легионум на валлийской стороне Бристольского залива, в устье реки Иск — бывший Иска Силтурум, будущий Каэр Ллеон...

А на противоположной стороне залива, в Корнуолле, в маленьком монастыре (на месте которого века спустя возникнет замок Тинтагиль) рождается мальчик, наполовину римлянин, наполовину — бритт, королевской крови по обоим родителям.

Между тем все новые и новые корабли с устремленными к небесам форштевнями подходят к берегам земли бриттов. Через века люди, сходящие с этих кораблей, станут англичанами, а сейчас это лишь саксы: голые рыжебородые воины в кольчугах и высоких

шлсмах, с боевыми топорами, бешеные берсерки в холщовых рубахах, которые не берет ни один меч... Некому встретить их с оружием в руках: непобедимые легионы Рима покинули эти берега, а кельты слишком заняты грызней и склоками между десятками независимых королевств и княжеств. Горят поля и деревни, рушатся оставленные владельцами римские виллы, льется кровь. Саксы идут! Но мальчику, рожденному в монастыре на скалистом корнуольском берегу, исполняется пятнадцать лет и могущественные эльфы неведомых миров и стран куют для него волшебный меч Каледвудх — и приходит к бриттам первая победа, когда мальчик по имени Артур вступает в бой...

Король Артур сражается с великаном.
Миниатюра из рукописи XII века

Историческая реальность Артура несомненна. Предания и хроники сообщают нам о двенадцати битвах, которые он дал саксам, загнав их на побережье Северного моря. (Последнее и самое известное из этих сражений — битва при горе Бадон — состоялось в 516 или 518 году.) Мы можем сомневаться, был ли Артур верховным королем Британии, Ирландии и Арморики, но то, что через некое время после смерти Аврелия Амброзиуса и Утера (своего отца) он стал королем бриттов Уэльса, Корнуолла и Логрини, а также пиктов и гэлов Альбы,³ можно, вероятно, считать фактом.

Таким образом, для самих бриттов Артур был не столько абстрактным предводителем рыцарства, сколько военным вождем, сумевшим дать отпор захватчикам и объединившим кельтов Британии. Вместе с тем нельзя не отметить, что имя Артура действительно было хорошо известно по всей Европе (и не только западной) еще до возникновения обширной “рыцарской” литературы о нем и его рыцарях. Известный тому пример — мозаика в соборе Отранто (Италия), изображающая короля Артура в одном ряду с Александром Македонским и библейским Ноем. Мозаика датруется 1165 годом, то есть временем, когда еще создавались романы Гальфрида Монмаутского и Кретьена де Труа.

Бриттские хроники и легенды сохранили для нас имя Артура и рассказы о его свершениях, а бриттская земля — материальные следы его деятельности. Многие исследователи пытались найти замок, бывший главной резиденцией Артура, но однозначно разрешить эту проблему не удалось пока никому. Мэлори уже в XV веке не имеет об этом ни малейшего представления; он называет столичный город Артура Камелотом и поме-

щает его то в Гластонбери, то в Винчестере. По Мэлори, как известно, опирался, во многом, на полуфантастические французские источники, и даже Кэктон, первый редактор и издатель его романа, писал: “А между тем свидетельства о нем (об Артуре — А.П.) и следы сохраняются в Уэльсе, в городе Камелоте: большие камни и чудесные изделия из железа, лежащие в земле, и царственные своды, кои многими из живущих видены были.”

Кэктон прав и не прав одновременно. Дело в том, что у Артура был не один, а три стольных города. Тот, о котором говорит Кэктон, — это Каэр Ллеон (искаженное Каэр Легионум), основанный кельтами еще до римлян. В V веке в городе стоял Второй Легион, и город так и назывался: *Urbs Legionum* — “Город Легиона” (лат.). После ухода римлян город стал первой по значимости цитаделью Артура. Но Камелотом он не был.

Камелот, второй город Артура, находился, вероятно, в современном Сомерсете, на границе Корнуолла и Логрини, — это известный замок Кэдбери. Об этом свидетельствуют народные предания тех мест, а археологические исследования холма, где стоял когда-то замок, показали, что в VI веке здесь действительно была выстроена мощная цитадель, одна из самых значительных среди британских замков того времени.

...Королевство, созданное Артуром, стало последним крупным государственным объединением кельтов Британии. Со смертью легендарного короля (539 год) волшебный меч Каледволх вернулся к своим создателям, и упал щит, сдерживавший поток саксов с континента. Начались Темные Времена Средневековья...

Как и положено легендарному герою, Артур имеет немало погребений. Одно из них — наиболее извест-

ное — находится в аббатстве Гластонбери. Эта могила была вскрыта около 1200 года, при короле Ричарде Львиное Сердце, — то есть тогда, когда государство англо-саксов в свою очередь погибло под ударом новых захватчиков с континента — норманнов.

Норманнские монахи Гластонбери заявили, что нашли могилу короля Артура; в монастыре действительно были проведены раскопки, которые вскрыли богатую могилу с двумя погребениями. Были там кости мужчины, и “бедренная кость его, будучи поставлена наиземь, была на три пальца выше пояса рослого монаха”, как писал участник раскопок, а также женские кости “невиданной красоты”. Как утверждали монахи, в основании могилы они нашли большой свинцовый крест, и было на нем вырезано: “Здесь, на острове Авалон, лежит король Артур с Гвиневрой, его женой.” Остатки с почестями перезахоронили, но креста и след простыл; многие специалисты склонны думать, что и не было никакого креста с надписью, и не могилу Артура, а Гвиневру и Ланселота откопали норманнские монахи. История же с надписью была, по всей видимости, придумана для того, чтобы привлечь в монастырь как можно больше паломников, и — с другой стороны — чтобы убедить простой люд в том, что король Артур умер.

Народ же Уэльса всегда знал, что Артур не умер, но, смертельно раненый в битве при Камллане, был увезен на священный, недостижимый для простых смертных остров — на настоящий Аваллон. И там исцелились его раны, и он вернулся на землю Британии и там ждет часа явиться вновь, когда наступит крайняя опасность для британской земли.

Кроме того, есть еще свидетельство Мэлори. В странных фразах описывает он некое место, где лежит тело

Артура, и приводит надпись, выбитую на том месте: NIC IASET ARTHURUS REX QUONDAM REXQUE FUTURUS. Здесь лежит Артур, король Былого и Грядущего...

ЭЛЬФЫ, МАГИ И ПРОЧИЕ

Сказочные традиции всех народов — от жаркой Африки до ледяных просторов Севера — роднятся присутствием в них неких существ, разумно и естественно обитающих в нашем мире, но — не являющихся людьми. В зависимости от преобладающей религии и морали, они могут почитаться светлыми полубогами или проявлениями дьявольских сил; но суть их от этого не меняется, и сами сказки в этом отношении гораздо объективнее людей — они изображают волшебные народы, равно вырисовывая и Свет, и Тьму.

Эльфы, лешие, люди Озерного Народа, карлики-обитатели земных глубин, домовые равно характерны как для кельтских преданий, так и для сказок. А вот фей — таких воздушных существ, порхающих на стрекозиных крыльчиках — мы не встретим ни в сказках, ни в былях. Подобные существа появились лишь в XVIII веке и принадлежат сугубо авторской литературной традиции. Дабы избежать ненужных ассоциаций с подобными — прелестными, но совсем не волшебными, не магическими — существами, мы старались не употреблять в переложениях и переводах слово “фея”, вынужденно сохраняя его лишь в поздних сказках, и лишь там, где идет речь о волшебных существах-женщинах.

Впрочем, другие подобные термины (эльф, гном и т.д.) лишь темного благозвучием затасканных “фей”. Сами кельты — если смотреть оригинальные кельтские тексты, а не английские переводы, — подобными терминами не пользовались. В некоторых раннесредневековых источниках содержатся указания на то, что древние европейцы считали существа, которые мы сейчас именуем эльфами, происходящими от того же корня, что люди. И в старых кельтских сказаниях они всегда именуются “человеками” с прибавлением их происхождения: “человек Древнего Народа”, “Дева Озера”, “люди Дивных Родов” и т.д..

И правда, кельтские “эльфы” во всем подобны простым смертным людям, и так же бывают злыми и добрыми, коварными и великодушными. Разве что, с большим совершенством владеют они магией и древними искусствами, что сродни колдовству... Впрочем, есть у Людей Волшебных Народов нечто, кладущее между ними и нами четкую грань. Это — Волшебная Страна, издревле населенная эльфами и недоступная людям.

Тема Волшебной Страны — *Иного Мира*, как называют ее средневековые кельтские рукописи, — восходит, несомненно, к далеким временам индоевропейского единства народов, но именно кельты сохранили ее чище других и придали ей ту яркость и красочную образность, которую мы видим в валлийских и ирландских легендах.

Кельты по-разному называли Волшебную Страну: Ашун, Хай Бразил, Аваллон... Иногда это остров, лежащий в морях к западу от Великобритании. Изредка, в особые ясные дни, некоторым людям доводилось видеть с утесов западного побережья Ирландии высокие

берега Священного Острова. Другим — и среди них Брану Благословенному и Мерлину — другим удавалось достичь священных берегов Аваллона, неизменно держа курс на запад и храня искреннюю веру в сердце.

Но разумеется, “на запад через моря” — не единственная Дорога в Волшебную Страну. Так, Томас Рифмач, герой чудесного кельтского предания (личность, к слову, вполне историческая), попадает в Волшебную Страну через некий лес, следуя один раз за Королевой эльфов, а другой — за белыми оленями, ее посланниками:

*Вглядись: тропинка чуть видна,
Пророс терновник меж камней...*

*О, это Праведных тропа,
Немногие идут по ней.*

*А вот широкий торный путь,
Где на лугах блестит роса...
То этот путь — стезя Греха,
А не дорога в Небеса.*

*И вот чудесная тропа
В холмах зеленой стороны —
То Путь в Волшебную Страну,
Мы по нему идти должны.⁴*

Чудесными свойствами и способностями в кельтских сказаниях наделены не только Волшебные Народы. И среди нас, смертных, кое-кто оказывается способным не хуже эльфов повелевать стихиями и человеческими сердцами, предсказывать будущее и созерцать события минувших веков. Это — маги, коим кельтский фольклор и эпос уделят внимания не меньше, чем древним эльфам.

Речь не идет о магах-профессионалах (друидах, филидах и прочих) — о них будет сказано немного ниже. Сейчас же мы говорим о людях, владеющих магией непринужденно и естественно, и тем приближающихся к волшебным существам — о магах “от рождения”. Такие персонажи (Мерлин, Кухулин, Гвидион) кажутся на первый взгляд чем-то средним между людьми и Древним Народом, но это не так. Хотя сохранившиеся кельтские сказания во многом демифологизированы, они содержат, тем не менее, остатки древних преданий о богах и их воплощенных. И сказания о величайших магах древности — это сказания о том, как великие боги действуют на земле через своих аватаров.⁵

Прекрасный тому пример — Мерлин. Достаточно вспомнить параллельные — британский и греческий — сюжеты о зачатии Артура (в греческом варианте — Геракла) королем Утэром Пендрагоном (Зевсом). Оба властителя (Утэр и Зевс) проникают на ложе к желанной женщине, приняв с помощью мага-посредника облик ее мужа. Мифологически сюжеты идентичны, различаются лишь уровни: божественный (Зевс) и земной (Утэр). Соответственно, различаются и участвующие в заговоре маги — в греческом варианте это бог Меркурий, в британском — человек Мерлин. Напомним, что кельты почитали Меркурия под именами Луг и Мирддин; Мирддин Эмбрэйис (Эмрис) — британское имя Мерлина.

Впрочем, есть и более прямые указания на божественное происхождение волшебного дара величайших магов. Так, ирландские саги, указывая земного отца Кухулина, вместе с тем прямо называют его “сыном Луга”. И пусть читателя не удивляет, что мы причислили героя и воина Кухулина к великим магам — бос-

вое искусство, доведенное до невероятных высот, становится Искусством, которое не только сродни магии, но и прямо ею является.

НАСЛЕДНИКИ ПЛЕМЕН БОГИНИ

Пришло время рассказать о создателях и хранителях кельтских преданий.

Rí amrae ro boi... “Жыл-был великий король...” Так начинаются многие древнеирландские саги, и мы позволим себе так же начать свой рассказ.

Rí amrae ro boi Dagda Eochaid Allathair. Жыл-был великий король Дагда из Племен Богини Дану, иже зовомый Эохайд Оллатар, что значит Эохайд-Отец-Всех, или же — Эохайд Руад Рокфесса, что значит Красный Многомудрый. И жили Племена Богини Дану на далеких северных островах, куда смертный не найдет дороги ни морем, ни по суху. Там изучали они магию, и чародейные и боевые Искусства, откуда не стали выше многих людей.

Тогда построили Племена Богини Дану множество кораблей и отправились, ведомые королем Эохайдом, в море, и добрались до побережья острова Эрин,⁶ где жили тогда могучие и умелые племена Фир Болг. Едва корабли коснулись береговых скал, люди Племен Богини подожгли их, чтобы не было пути назад, и сошли на ирландскую землю, подгоняемые пламенем. Дым от горящих кораблей закрыл небо у того побережья, и оттого возникло предание, что Племена Богини Дану появились из облаков дыма.

В битве при Маг Туиред Племена Богини разбили народы Фир Болг и долгое время жили в Ирландии. Многие боги кельтов вышли из Племен — и король Дагда, Эохайд Оллатар, и однорукий Нуаду, и Луг, Господин-Всех-Искусств, и многомудрый Огма, создавший алфавит друидов...

Мифологема появления Племен Богини Дану известна только кельтам Британских островов, но боги, связанные с Племенами, в большинстве своем — общекельтские. Можно считать, что кельтская традиция выводит появление друидов именно к богам этой группы; если же говорить конкретно о Британских островах, то окажется, что учение друидов было занесено с неведомых северных островов этими же богами.

Итак, друиды. Происхождение и значение самого слова *друид* невыяснено; существует предположение, что слово это восходит к индоевропейской основе со значением “дерево”, звучащей также и в соответствующем славянском слове.

Появление друидов как особого сословия кельтских жрецов и магов может быть приблизительно отнесено к последней четверти I тысячелетия до Р.Х.. Мы много чего знаем и об общественной роли друидов, и о структуре их организации, охватывающей огромные территории Галлии и Британии, но почти ничего — об их учении. И тем не менее можно утверждать, что именно друиды, хранители мифологических и религиозных знаний кельтов, были древнейшими создателями и рассказчиками кельтских преданий и сказок.

На континенте (в Галлии) друиды, просуществовав около полутысячелетия, были уничтожены волной римских завоеваний. На Британских островах, покоренных римлянами лишь отчасти, друиды уничтожены

не были, но с приходом христианства (ок. V в.) неким странным образом растворились в воздухе, *ушли*, как иногда говорят сегодня. Таким образом в Ирландии и Уэльсе древняя традиция не исчезла, хотя и претерпела значительный урон.

Наследниками друидов в Ирландии стали филиды — маги, певцы и прорицатели, во многом не обладающие, в отличие от друидов, жреческими функциями. Формирование сословия филидов началось еще при друидах, а когда последние *ушли*, филиды в Ирландии заняли их место.

Классическая традиция связывает появление филидов на ирландской земле со следующей после Племен Богини Дану волной переселенцев — с сыновьями Миля:

*В день девятнадцатый, не лжет преданье,
вошли Фир Болг под своды Эйре,
а на девятый день за тем
пустились в море Племена Богини.
В семнадцатый же день, без всякого сомнения,
пришли на остров Миля сыновья,
у Инбер Скене славных парусов,
в семнадцатый же на берег ступили.⁷*

Именно к сыновьям Миля традиция возводит и появление на острове исторических предков современных ирландцев — гойделов. Предания говорят, что, когда подошли к острову корабли сыновей Миля, поднялся страшный ветер с берега, и буря отнесла корабли далеко на запад.

— Это ветер друидов, — сказал тогда Дошн Мак-Миль, старший в роду.

— Так и есть, — сказал брат его Аморген, — коли не дует он поверх парусов.

Тогда взобрался на мачту младший в роду Эреннан. Но едва достиг он верхушки мачты, как ветер стих, и Эреннан, не удержавшись, упал вниз.

— Не дует ветер поверх парусов, — кричал он, когда падал.

Тогда встал Аморген и спел заклинание, и чары друидов острова рассеялись, и корабли подошли к берегу...

Сословие филидов существовало только в Ирландии; оно начало складываться еще при друидах, в конце первой трети I тысячелетия от Р.Х.. После исчезновения друидов функции их разделились: посредничество между людьми и богами перешло к христианским священникам, магия — к филидам. Но и те и другие унаследовали от друидов древние сказания и легенды.

Филиды остались верны старой, устной, традиции. В созданных ими в середине тысячелетия школах (послуживших прообразом “школ магов” в поздних сказках) ученики разучивали наизусть огромное количество древних и новых поэм. Сохранившиеся “программы” этих школ, рассчитанные на двенадцать лет обучения, содержат перечни более, чем тысячи, поэм, трактатов и заклинаний, подлежащих заучиванию.

Но устная традиция уже начинала уступать место письменной. Немедленно с приходом христианства на кельтских землях стали возникать монастыри, где грамотные монахи стали записывать древние предания о богах и героях. Так появились рукописи, которые не дошли до нас, но тексты многих из которых — пусть измененные и многократно переписанные — дожили до наших дней.

С VI века многочисленные скрипторши работали в монастырях Ирландии и Уэльса. Монахи переписывали тексты сказаний, объединяя и упорядочивая их, а между тем филиды (позднее — барды) в Ирландии и барды в Уэльсе создавали новые поэмы, как в прозе, так и в стихах, посвящая их событиям и давним, и современным. Все это многократно перемешивалось, объединялось, дробилось и переписывалось, и к началу — середине II тысячелетия были созданы те манускрипты, которые дожили до наших дней и являются основой нашего знания древних кельтских сказаний.

Знаменитая “Книга Захватов Ирландии” (*Lebor Gabala Erenn*), уже упомянутая нами выше, была создана в XI веке и представляет собой компиляцию источников разного происхождения и разного времени. Книга Бурой Коровы (*Lebar na Huidre*), содержащая предания о Кухулине, написана и переписана около 1100 года, но прототип ее, вероятно, существовал уже в VIII веке, а сказания, собранные там, впервые были записаны на сотни лет раньше. Валлийские сказания, известные ныне под общим названием “Мабиногн”,⁸ дошли до нас в двух манускриптах — в Белой Книге Риддерха (*Llyfr Gwyn Rhydderch*), созданной в начале XIV века, и в Красной Книге Хергеста (*Llyfr Coch Hergest*), датируемой рубежом XIV — XV веков. Сказания, объединенные в них, впервые были записаны за сто лет до Белой Книги, а созданы, в большинстве своем, около XI века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Отсюда английское имя Шотландии — Scotland — “Земли Скоттов”.

²Это относится к валлийским “Триадам Острова Британия” и к тем сказаниям, что вошли в “Мабиногн” — уникальное собрание валлийских преданий и сказок, речь о котором будет ниже. Другими источниками могут послужить ранние (конца I — начала II тыс.) британские авторы и фольклорные сборы в валлийской глубинке.

³Югрия (*Loegr*) — валлийское имя британских земель восточнее границ Уэльса и Корнуолла. В современном валлийском языке — синоним названия “Англия” и этнонима “англичане”. Альба — Шотландия.

⁴Перевод: И.Забелна, Ю.Нагибин, Е.Гашинус, С.Коселов.

⁵Представление о воплощениях (аватарах) богов содержится в большинстве древних и современных религий. Не следует при этом понимать под воплощением бога полное его происхождение ниже грань, разделяющей мир людей и богов.

⁶Эрин (*Erenn*) — Ирландия.

⁷Книга Захватов Ирландии: *Lebor Gabala Erenn*. Dublin, 1955. Перевод: Предания и мифы средневековой Ирландии. М., 1991.

1. Эйре — Ирландия.

2. Нибер Скене — название местности; досл. “Устье Скене” р.Скене, вероятно, — совр. р.Каррап.

3. Перечисление номеров дисей не следует, разумеется, понимать буквально.

⁸Название “Мабиногн” не является историческим: впервые оно появилось в 1906 году с легкой руки леди Шарлотты Гесел, озаглавившей так свой перевод Красной Книги. Мабиногн — множественное число от слова “Мабиноги”, как называются четыре из одиннадцати сказаний Красной Книги.

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Из глубины веков пришли к нам волшебные сказки, предания и легенды о могущественных чародеях, великих королях и славных героях. В глубокую древность уходят корни Древа Сказок, и нехватна его пестрая крона.

Одну ветвь этого Древа — ветвь, поистине, золотую, ибо выросла она на мудрости и памяти многих народов, — мы попытаемся представить в серии книг, открываемой “Сказаниями Красного Дракона”, которые Вы держите в руках, — в Коллекции волшебных сказок и преданий народов Европы.

Эти предания и сказки, со многими из которых русский читатель знакомится впервые, позволят Вам окунуться в атмосферу совершенно иного, непривычного для нас, почти забытого ныне, видения мира — в атмосферу волшебства и магии.

В нашей Коллекции мы постараемся по возможности полно представить легендарно-сказочные традиции европейских народов, отдавая предпочтение тому, что никогда до сих пор не было переведено на русский язык, и затрагивая не только поверхностный, современный, пласт этих традиций, но и их древние корни — корни Древа Сказок.

Антон Платов

В I-II кварталах 1996 года в серии “Золотая ветвь” выйдут в свет следующие книги:

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ КЕЛЬТОВ:

книга 1. **Сказание Красного Дракона**

книга 2. **Пять королевств Ирландии**

книга 3. **Сказки Бретонского Горностая**

книга 4. **Знамя Фей**

Вас ждут сказки и предания британских народов Уэльса и Корнуолла. Впервые на русском языке — оригинальные тексты Белой Книги Риддерха и Красной Книги Хергеста (XIV век) (знаменитый “Мабиногион”), народные валлийские предания о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола, легендарная “Битва Деревьев”, практически вся устная и письменная сказочная традиция гэлов, легенды и сказки кельтов Бретани (впервые на языках современной Европы!), избранные шотландские предания и сказки.

Сказочные повести Александра Артынова:

книга 1. **Новгородские сказочные повести**

книга 2. **Ростовские сказочные повести**

В эти книги войдут уникальные сказочные повести древней Руси, собранные А. Артыновым в XIX в. и восходящие к рукописному сборнику начала XIII в. из собрания сына Всеволода Большое Гнездо ростовского князя Константина. До сих пор они никогда не издавались!

Скандинавские волшебные сказки

Волшебные сказки и предания англосаксов Британии

Легенды и сказки западных славян

Вас ожидает удивительный и таинственный мир героев и королей, бардов и магов, эльфов и фей. Вы не только соприкоснетесь с чарующим волшебством мира наших предков, но и познакомитесь с подлинными истоками магических искусств Европы.

СКАЗАНИЯ КРАСНОГО ДРАКОНА

Волшебные сказки и предания кельтов

Серия "ЗОЛОТАЯ ВЕТВЬ"

(Коллекция преданий и сказок народов Европы)

Под общей редакцией А.Платова

Издательство «Менеджер»

ЛР № 060682 от 10 февраля 1992 г.

109377, Москва, ул. Акад. Скрябина, 14

ISBN 5—87457—036—5

Издатель А. Гутнев

Оригинал-макет подготовлен Н. Надворской

Художник А. Байбакова — иллюстрации,

В. Арбеков — обложка

Сдано в набор 06.07.95. Подписано в печать 13.11.95.

Формат 84X108 1/32. Гарнитура BodoniC.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 13

Тираж 5 000 экз. Заказ № 67217

Отпечатано в АО «Молодая гвардия».

103030, Москва, ул. Сущевская, 21

